

ОЧЕРЕДНЫЕ ВОПРОСЫ

въ

ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

ЭТЮДЫ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

подъ редакціею

В. СПАСОВИЧА и Э. ПИЛЬЦА

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ I-й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5 лин., 28.
1902.

3153

231
1

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предпосылаемъ издаваемой нами книгѣ нѣсколько предварительныхъ объясненій о ея происхожденіи и назначеніи.

Она — сборное предпріятіе, трудъ, общими силами сработанный, состоящій изъ статей, писанныхъ спеціалистами по общественнымъ областямъ знанія, къ которымъ ихъ статьи относятся: по аграрнымъ отношеніямъ и экономическимъ вообще, по сельскому хозяйству и городскому устройству, по судебной части и по учебной, по промышленности и кредиту, вообще по предметамъ, по которымъ существуетъ наибольшее различіе между внутренними губерніями и Царствомъ Польскимъ. Край этотъ отдѣляется отъ центра россійской Имперіи не орографическими или гидрографическими предѣлами, а только этнографическими и культурными особенностями, гражданскимъ кодексомъ Наполеона, личною свободою, данною крестьянамъ въ 1807 г. и установленною тогда же равноправностью, упразднившею сословныя средостѣнія, мѣстнымъ языкомъ, который былъ дѣловымъ до 1863 года, общиною землевладѣльческою всесословною, наконецъ отсутствіемъ мѣстнаго самоуправленія земскаго и городского.

Почти всѣ статьи настоящей книги написаны первоначально по-польски и затѣмъ переведены на русскій языкъ. Цѣлью переводовъ было желаніе открыть изданію доступъ къ русской интеллигентной публикѣ и

ввести между литературами польскою и русскою прямое непосредственное общеніе, чему препятствуетъ слабое знакомство русскихъ читателей съ польскимъ языкомъ. Это знакомство слабѣе нынѣ, нежели то, которое существовало до 1830 и даже до 1863 года, когда въ Царствѣ оффиціальнымъ языкомъ былъ польскій и когда администрація края состояла сплошь изъ поляковъ. — Между тѣмъ, какъ нынѣ всѣ образованные поляки, подданные Россійской Имперіи, какъ тѣ, которые живутъ на родинѣ, такъ и тѣ, которые, разбросаны по Россіи и азіатскимъ ея владѣніямъ, говорятъ и пишутъ на русскомъ языкѣ, русская публика знаетъ кое-что изъ новѣйшей польской литературы только по польскимъ романамъ и повѣстямъ, появляющимся въ русскомъ переводѣ почти одновременно съ подлинниками.

Всѣмъ остальнымъ польскимъ литературнымъ производствомъ русская публика мало интересуется, она не слѣдитъ ни за литературою научною, ни за той, въ которой отражается живая современная общественность, о которой она узнаетъ кое-что изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ, либо изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ, либо отъ немногочисленныхъ варшавскихъ корреспондентовъ столичныхъ газетъ, петербургскихъ и московскихъ. Эти корреспонденты, по недостатку въ Царствѣ Польскомъ русскихъ представителей свободныхъ профессій, принадлежатъ преимущественно къ чиновничьему міру, что, конечно, не можетъ не повлечь за собою извѣстной односторонности въ ихъ сужденіяхъ и взглядахъ.—Среднему русскому читателю такимъ образомъ трудно составить себѣ о современномъ польскомъ обществѣ вѣрное представленіе, трудно узнать, какіе у этого общества взгляды и чувства, какія его потребности и

ожиданія, какія въ нѣдрахъ его происходятъ измѣненія вслѣдствіе появленія новыхъ умственныхъ теченій, на какія партіи дѣлится это общество, какъ дифференцируются эти партіи вслѣдствіе расколовъ въ направленіяхъ. Это общество остается для средняго русскаго читателя загадкою, къ которой у него нѣтъ ключа.

Наше изданіе не есть нѣчто цѣльное, не имѣетъ вовсе задачею изобразить систематически положеніе въ данный моментъ Царства Польскаго въ видѣ статьи для какого-нибудь энциклопедическаго словаря. Оно не болѣе какъ сборникъ, въ которомъ толкуется о разныхъ вопросахъ, самою жизнью поставленныхъ на очереди, хотя несомнѣнно не всѣ очередные вопросы намѣчены, ни одинъ не исчерпанъ, есть несомнѣнно множество пробѣловъ. О каждомъ однако изъ разбираемыхъ вопросовъ можемъ сказать, что онъ былъ основательно обсуждаемъ; всѣ статьи сборника въ совокупности изображаютъ наиболѣе неотложныя нужды и потребности населенія. Заключительные выводы статей не касаются принципіальной стороны даннаго вопроса, не выходятъ за предѣлы существующихъ узаконеній и вполнѣ, на нашъ взглядъ, согласуются съ пользою общегосударственною.

Недостатки, какіе будутъ, вѣроятно, отмѣчены критикою, мы постараемся по мѣрѣ силъ исправить и пополнить въ дальнѣйшихъ томахъ нашего изданія, если оно встрѣтитъ въ русской публикѣ одобреніе и поддержку, на что мы съ нашей стороны сильно расчитываемъ.

Владиміръ Спасовичъ.
Эразмъ Пильцъ.

С.-Петербургъ
1 іюня 1902 года.

ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

Общій взглядъ.

Городовое Положеніе 1870 года, съ тѣми измѣненіями, какія были въ немъ введены въ 1892 году, дѣйствуетъ въ Европейской Россіи уже 30 лѣтъ, а въ окончательномъ своемъ видѣ оно введено не только въ Западномъ краѣ, но и въ Сибири, въ Степномъ генералъ-губернаторствѣ и на Кавказѣ, обезпечивая городскому населенію удовлетвореніе «мѣстныхъ пользъ и нуждъ» [1]), и предоставляя его выборнымъ представительствамъ завѣдываніе не только внѣшнимъ благоустройствомъ городовъ, но и сборами и повинностями, обезпеченіемъ продовольственныхъ средствъ, призрѣніемъ бѣдныхъ, больницами, охраненіемъ здоровья населенія, взаимнымъ страхованіемъ отъ огня, развитіемъ средствъ народнаго образованія съ участіемъ въ веденіи городскихъ училищъ, развитіемъ мѣстной торговли и промышленности съ устройствомъ рынковъ и биржъ, общественныхъ библіотекъ, музеевъ и другихъ общеполезныхъ заведеній [2]).

---

1) Городовое Положеніе 1892 г. ст. 1.
2) Тамъ-же ст. 2, пункты I—XI.

Но на города, находящіеся въ губерніяхъ Царства Польскаго, это Положеніе, обезпечивающее благосостояніе городского хозяйства во всѣхъ его видахъ, не распространено. Въ городахъ этого края доселѣ не существуетъ «общественнаго управленія» [1]), существующіе органы городского хозяйства лишены характера избирательнаго, а самые предѣлы городского хозяйства здѣсь столь узки, что оно сводится въ сущности лишь на попеченіе о внѣшнемъ благоустройствѣ по указанію администраціи и на завѣдываніе сборами, съ совершенно ничтожными полномочіями по иниціативѣ новыхъ расходовъ. Исключеніе, до нѣкоторой степени, составляетъ Варшава, но и то не столько по принципіальной основѣ городского управленія, сколько фактически, вслѣдствіе большей близости городскихъ дѣлъ Варшавы къ главному управленію всѣмъ краемъ и большему удобству въ испрошеніи разрѣшеній высшихъ властей для удовлетворенія нуждъ, превышающихъ тѣсную компетенцію существующихъ въ краѣ городскихъ управленій.

Всѣхъ городовъ на пространствѣ русскаго государства числится 919, съ населеніемъ обоего пола — 16.238,845 душъ. Изъ этихъ чиселъ на губерніи Царства Польскаго приходится 119 городовъ съ населеніемъ— 1.966,143 душъ [2]). Такимъ образомъ до 13-ти процентовъ всего числа городовъ и свыше 12-ти процентовъ всего городского населенія государства остаются еще не объединенными съ нимъ въ столь существенной области управленія и гражданскаго быта, какъ обезпеченіе мѣстныхъ нуждъ и пользъ и завѣдываніе ближайшими интересами городского населенія.

Неподвижное, крайне скудное и стѣсненное въ своемъ

---

[1]) Город. Полож. ст. 1.

[2]) «Сборникъ свѣдѣній по Россіи». Изданіе Центральнаго Стат. Комитета Министерства Внутр. Дѣлъ. СПБ. 1897 г.

объемѣ веденіе городского хозяйства является тѣмъ болѣе чувствительнымъ недостаткомъ для этого края, что городское населеніе составляетъ въ немъ гораздо большую часть общаго народонаселенія, чѣмъ въ совокупности всей территоріи государства. Въ то время какъ на общее народонаселеніе въ 124.330,595 душъ, населеніе городовъ на всей территоріи государства составляетъ около 13 процентовъ, въ губерніяхъ Царства городскихъ жителей приходится 1.966,143 на 9.432,336 [1]) душъ всего народонаселенія, то-есть до 21-го процента или свыше пятой части всего числа жителей края.

Городовое Положеніе, какъ одно изъ органическихъ узаконеній, предназначено по мысли законодателя для всего государства, какъ то видно изъ постепеннаго распространенія его на нѣкоторыя области уже послѣ 1892 года. Что касается губерній Царства Польскаго, то Министерство Внутреннихъ Дѣлъ вступало въ соглашеніе относительно возможности его примѣненія къ этому краю съ нѣкоторыми измѣненіями еще при управленіи графа Берга, который высказался въ пользу этой мѣры, въ видахъ объединенія. При графѣ Коцебу, генералъ-адъютантѣ Альбединскомъ и графѣ Шуваловѣ вопросъ этотъ обсуждался въ особыхъ мѣстныхъ коммисіяхъ, которыми были даже выработаны основанія для введенія въ городахъ Царства Польскаго Городового Положенія 1870 г. и затѣмъ преобразованнаго Положенія 1892 г. Послѣдній изъ этихъ проектовъ относится къ 1896 году и предполагавшіяся въ немъ отступленія отъ общаго устройства, существующаго въ другихъ частяхъ государства, не касались ничего принципіальнаго, а обусловливались лишь особенностями

---

[1]) «Сборникъ свѣдѣній по Россіи». Изданіе Центральнаго Стат. Комитета Министерства Внутр. Дѣлъ. СПБ. 1897 г.

другихъ мѣстныхъ узаконеній и существующихъ городскихъ сборовъ. Покойнымъ генералъ-адъютантомъ кн. Имеретинскимъ также было приступлено къ изученію этого вопроса, но лишь незадолго передъ его кончиною.

Такимъ образомъ, въ виду того обстоятельства, что вопросъ о примѣненіи Городового Положенія къ городамъ Царства уже былъ предметомъ сношеній между властями центральною и высшей мѣстною и что даже были образуемы мѣстныя коммисіи для выработки примѣнительныхъ мѣръ, представляется естественнымъ поставить на первомъ планѣ при обсужденіи этого вопроса практическую необходимость распространенія на города этого края Положенія 1892 г., дѣйствующаго уже во всей Имперіи, за исключеніемъ только Закавказья и Туркестанской области. Соображеній же свойства политическаго, хотя они также говорятъ скорѣе въ пользу, чѣмъ противъ неотложности такого преобразованія, можно будетъ уже только коснуться въ заключеніи, тѣмъ болѣе, что въ соображеніяхъ этого рода не было найдено препятствія къ введенію Городового Положенія 1892 года въ городахъ Западнаго края, гдѣ оно и дѣйствуетъ никакъ не съ меньшими правильностью и успѣхомъ, чѣмъ во всѣхъ другихъ полосахъ государства.

Соотвѣтствующее устройство и его недостатки.

Существующая нынѣ организація городского хозяйства въ Царствѣ основана на учрежденіяхъ французскаго образца, введенныхъ въ бывшемъ герцогствѣ Варшавскомъ. Основы эти были сохранены и при образованіи Царства Польскаго. Учредительными актами здѣсь служатъ постановленія князя намѣстника, согласно съ мнѣніями его совѣта, отъ 10 Февраля 1816 г.

и 30 Мая 1818 г., имѣвшія силу узаконеній и внесенныя въ «Дневникъ законовъ Царства Польскаго». По первому изъ этихъ актовъ, городское управленіе Варшавы получило слѣдующій составъ: президентъ города, 4 ратмана и 4 лавника съ совѣщательнымъ голосомъ; лица эти назначались правительствомъ; дѣла были распредѣлены между четырьмя отдѣленіями, во главѣ которыхъ стояли ратманы; управленіе это было подчинено одной изъ тогдашнихъ центральныхъ властей Царства, а именно — коммисіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи.

Второй изъ упомянутыхъ актовъ опредѣлялъ образованіе городского управленія въ другихъ городахъ края. Въ нихъ управленіе состояло изъ назначаемыхъ правительствомъ президента или бургомистра и 4 ратмановъ или лавниковъ; это управленіе въ городахъ воеводскихъ (губернскихъ) было подчинено воеводской коммисіи (губернскому правленію), а въ прочихъ городахъ — обводнымъ коммисарамъ (начальникамъ уѣздовъ). Въ воеводствахъ (губерніяхъ) въ то время существовали воеводскіе совѣты, на подобіе департаментскихъ совѣтовъ во Франціи. Впослѣдствіи эти совѣты были закрыты и съ этого времени городскія управленія, составъ которыхъ назначался правительствомъ, оказались уже внѣ вліянія со стороны общественнаго представительства, какимъ въ мѣстныхъ дѣлахъ служили прежде воеводскіе совѣты. По указу 29 Сентября (11 Октября) 1743 г. городскія (муниципальныя) управленія были переименованы въ магистраты.

Въ эпоху преобразованій въ Царствѣ въ духѣ автономіи указомъ 14/24 Марта 1861 г. повелѣно было учредить въ Варшавѣ и другихъ значительныхъ городахъ выборные городскіе совѣты съ президентомъ по назначенію отъ правительства, а указъ 24 Мая (5 Іюня)

того же года поставилъ существовавшие магистраты въ положеніе исполнительныхъ органовъ этихъ совѣтовъ. Но тогдашнія событія не дали осуществиться этой реформѣ и затѣмъ, въ силу постановленія административнаго совѣта Царства 18/30 Іюля 1863 г., завѣдываніе городскими дѣлами вновь было возложено на одни магистраты.

При преобразованіи административнаго строя губерній Царства Польскаго, указомъ 10/22 Декабря 1866 г. и дополнительнымъ правиломъ 1868 г. магистраты были окончательно закрѣплены въ томъ положеніи, въ какомъ они остаются и до сихъ поръ, то-есть въ видѣ низшихъ органовъ административной власти, завѣдывающихъ городскими имуществами и внѣшнимъ благоустройствомъ городовъ, съ ничтожною компетенціею въ расходахъ и необходимостью испрашивать разрѣшенія начальства для всякаго предположеннаго улучшенія.

Относительно Варшавы, кругъ вѣдѣнія магистрата опредѣленъ утвержденнымъ 22 Іюня 1870 Положеніемъ Комитета по дѣламъ Царства Польскаго. Варшава со своимъ городскимъ управленіемъ подчинена по мѣстнымъ дѣламъ непосредственно главному начальнику края, а въ порядкѣ общаго управленія — Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Губернскіе города и Лодзь подчинены губернскимъ правленіямъ, а уѣздные и другіе города подчинены уѣзднымъ управленіямъ.

Такимъ образомъ, органы городского хозяйства въ Царствѣ, то-есть магистраты, не являются нисколько представительствомъ городского населенія, но имѣютъ характеръ приказный, какъ низшіе органы административной власти. На нихъ возложены исполнительныя дѣйствія по нѣкоторымъ задачамъ общегосударственнымъ, какъ-то по взиманію казенныхъ налоговъ и сборовъ, по

воинской повинности, собиранію статистическихъ свѣдѣній и т. п., вмѣстѣ съ тѣмъ ими вѣдаются хозяйственныя городскія дѣла и имъ же поручено руководство въ цеховыхъ, ремесленныхъ и купеческихъ собраніяхъ, а спеціально въ Варшавѣ еще завѣдываніе страховымъ отъ огня дѣломъ и городскимъ ломбардомъ.

Хозяйственныя права варшавскаго магистрата.

Слѣдуетъ прибавить, что Высочайше утвержденное 22 Іюня 1870 г. Положеніе о хозяйственномъ управленіи Варшавы не представляетъ собою какого либо цѣльнаго, систематически обработаннаго порядка, а лишь сводъ многоразличныхъ, дѣйствовавшихъ ранѣе узаконеній и распоряженій, согласованныхъ съ тѣми перемѣнами, какія произошли въ общемъ устройствѣ управленія краемъ, причемъ однако оно не обнимаетъ нѣкоторыхъ распоряженій, остающихся въ силѣ и имѣющихъ отношеніе къ дѣламъ города. При этомъ необходимо еще замѣтить, что «Положеніе» 1870 г., какъ это оговорено въ XI ст., вводилось впредь до изданія новаго устава городского управленія, причемъ, по всей вѣроятности, имѣлось въ виду именно общее Городовое Положеніе 1870 года, которое, однако, не было введено въ Царствѣ и въ теченіе послѣдовавшихъ 30 лѣтъ.

На основаніи существующаго порядка варшавскому магистрату предоставлено рѣшать собственной властью только слѣдующія дѣла: 1) относительно заявленій прокурорскому надзору отзывовъ по судебнымъ рѣшеніямъ и выбора повѣренныхъ для веденія дѣлъ въ судѣ, сложенія со счетовъ безнадежныхъ городскихъ недоборовъ въ суммахъ до 10 р. или до 50 р., возврата переборовъ и рѣшенія сомнительныхъ счетныхъ пре-

тензій, также на мелкія суммы; 2) распоряженіе кредитомъ въ 5000 рублей на мелкіе и непредвидѣнные расходы по городскому управленію сверхъ смѣты въ теченіе года, 3) назначеніе, увольненіе и штрафованіе служащихъ при городскомъ управленіи и разсмотрѣніе ихъ правъ на пенсію въ предѣлахъ власти, принадлежащей губернскимъ правленіямъ и 4) утвержденіе городскихъ подрядовъ и сдачъ въ аренду на сумму не свыше 5000 р. за все время заключаемыхъ контрактовъ.

Относительно же всѣхъ прочихъ дѣлъ, каждое рѣшеніе варшавскаго магистрата вступаетъ въ законную силу лишь по утвержденіи его главнымъ начальникомъ края или Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Хозяйственныя права другихъ магистратовъ.

Въ остальныхъ городахъ Царства власть магистратовъ еще болѣе ограничена. За единственнымъ исключеніемъ права слагать недоборы по казеннымъ городскимъ доходамъ на мелкія суммы, магистратамъ губернскихъ, уѣздныхъ и безъуѣздныхъ городовъ Царства не предоставлено никакой рѣшающей власти и всѣ хозяйственныя распоряженія ихъ подлежатъ предварительному утвержденію уѣздныхъ начальниковъ (въ уѣздныхъ городахъ и въ мѣстечкахъ) или губернскихъ правленій (въ городахъ губернскихъ и въ Лодзи). Въ случаяхъ же, когда утвержденіе предпріятій или мѣръ выходитъ за предѣлы власти начальника уѣзда или губернскаго правленія, такія дѣла соотвѣтственно поступаютъ на утвержденіе губернскихъ правленій или представляются этими послѣдними чрезъ главнаго начальника края на усмотрѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Засѣдающихъ въ магистратахъ вмѣстѣ съ президен-

томъ или бургомистромъ ратмановъ или лавниковъ, имѣющихъ лишь совѣщательный голосъ, нельзя, пожалуй, относить къ числу служащихъ при магистратахъ. Такъ какъ эти засѣдатели, на основаніи узаконенія 1818 года, должны быть выбираемы изъ мѣстныхъ гражданъ, то въ нихъ можно бы видѣть представителей общественнаго элемента, участвующихъ въ веденіи городского хозяйства. Но и общественный ихъ характеръ, и фактическая ихъ роль въ управленіи незначительны. Уже въ самую силу узаконенія 1818 г., которое и впослѣдствіи было дважды подтверждено, ратманы и лавники должны быть выбираемы не подачею голосовъ въ дѣйствительныхъ избирательныхъ собраніяхъ, а только въ видѣ кандидатовъ изъ лицъ, владѣющихъ въ городѣ недвижимымъ имуществомъ, представляемыхъ на утвержденіе административной власти путемъ соглашенія магистрата съ знатнѣйшими жителями города. При этомъ, хотя формально голосованія и не полагалось, однако административная власть должна была отдавать предпочтеніе тѣмъ кандидатамъ, которыхъ выставляло большее число приглашенныхъ лицъ.

Но на дѣлѣ этотъ порядокъ уже съ давнихъ поръ почти нигдѣ не соблюдается, а ратманы и лавники просто назначаются начальниками губерній, безъ всякаго предварительнаго собранія и точно также увольняются. А такъ какъ порядокъ ихъ назначенія и увольненія ничѣмъ въ дѣйствительности не отличается отъ того, какой примѣняется къ бургомистрамъ или президентамъ (городскимъ головамъ), то въ ратманахъ и лавникахъ и нельзя видѣть представителей общественнаго элемента. Сверхъ того, такъ какъ они пользуются лишь совѣщательнымъ голосомъ, то значеніе ихъ скорѣе лишь почетное, чѣмъ вліятельное.

Кругъ вѣдѣнія магистратовъ.

Въ область дѣятельности городскихъ магистратовъ въ Царствѣ совершенно не входятъ устройство и содержаніе больницъ, мѣры по охраненію здоровья населенія, призрѣніе бѣдныхъ, содѣйствіе народному образованію, устройство благотворительныхъ учрежденій. Да и въ той сферѣ дѣлъ, какая была предоставлена магистратамъ приведенными выше узаконеніями 1816 и 1818 годовъ и преобразовательнымъ указомъ 1861 г., который, впрочемъ, не былъ окончательно введенъ въ дѣйствіе — поскольку эта сфера не была еще ограничена позднѣйшими постановленіями и распоряженіями — дѣятельность магистратовъ стѣснена необходимостью испрашивать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, утвержденіе со стороны административныхъ властей, причемъ компетенція самыхъ этихъ властей въ разрѣщеніи расходовъ крайне ограничена.

Въ предѣлахъ только что упомянутыхъ узаконеній магистратамъ подлежали бы: сборъ городскихъ налоговъ, завѣдываніе городскими кассами, надзоръ за городскими имуществами, за торговыми мѣстами, рынками и промыслами, содержаніе въ порядкѣ мостовыхъ, дорогъ и мостовъ и составленіе проектовъ городскихъ смѣтъ. Но все это, вслѣдствіе полной подчиненности магистратовъ уѣздной и губернской администраціи, стѣснено до такой степени, что городскія управленія лишены всякой самостоятельности дѣйствій и всякаго почина для какихъ-либо улучшеній городского хозяйства.

Этотъ порядокъ полной подчиненности окончательно былъ опредѣленъ «положеніемъ» 19/31 декабря 1866 г. По силѣ его городскія дѣла, даже такія, какъ рас-

кладка сборовъ, составленіе городскихъ смѣтъ, веденіе отчетности въ кассахъ, наемъ дома или покупки мебели для магистрата, подлежатъ разсмотрѣнію уѣзднаго управленія. Между тѣмъ, самыя уѣздныя управленія имѣютъ право утверждать смѣты только до размѣра 150 руб. въ годъ, и слѣдовательно и годовыя росписи, и всякое предположеніе, соединенное съ не столь мелкимъ расходомъ, восходятъ изъ уѣзда на утвержденіе губернскаго правленія. А если сумма смѣты превышаетъ 20 тысячъ рублей, то не только губернское правленіе, но и высшее начальство края не въ правѣ утверждать ее и она восходитъ до Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Строительныя работы, хотя бы только по починкѣ хозяйственнымъ образомъ, могутъ быть разрѣшаемы уѣзднымъ управленіемъ только на суммы не свыше 30 р., а губернскимъ правленіемъ — до 1000 руб., и то въ случаѣ неуспѣшности торговъ. Самые же торги на городскія постройки, подряды и аренды утверждаются уѣздными управленіями только до суммы 300 руб. въ годъ, а если сумма выше, то торги производятся уже въ губернскомъ правленіи, но утверждаются ими же лишь до суммы 10,000 рублей за весь контрактный срокъ, а выше этой суммы утвержденіе зависитъ уже отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

На пріобрѣтеніе, обмѣнъ или отчужденіе земельныхъ участковъ подъ устройство улицъ и площадей требуется согласіе губернскаго правленія, если стоимость не превышаетъ 1000 руб., въ противномъ случаѣ дѣло поступаетъ на разрѣшеніе центральной власти. Такимъ образомъ, для простого исправленія улицы или проѣзда можетъ потребоваться рѣшеніе дѣла въ Петербургѣ—по представленнымъ планамъ. Торги по продажѣ городского недвижимаго имущества утверждаются губернскимъ правленіемъ только до суммы 300 руб.,

а имущества движимаго — до 600 руб., а свыше этихъ нормъ требуютъ утвержденія Министерства.

Если же дѣло касается какого-нибудь нововведенія или улучшенія, не предвидѣннаго въ существующихъ узаконеніяхъ, какъ, напр., устройства газоваго освѣщенія, водопровода или канализаціи, то такое дѣло переходитъ изъ магистрата въ уѣздное управленіе, затѣмъ въ губернское правленіе, къ главному начальнику края, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и можетъ быть разрѣшено только испрошеніемъ Высочайшаго повелѣнія. Тотъ же порядокъ соблюдается и при осуществленіи такихъ предпріятій, которыя связаны съ концессіею частнымъ компаніямъ или лицамъ какихъ-либо работъ или пользованіемъ на опредѣленное число лѣтъ, какъ, напр., для устройства и эксплоатаціи конно-желѣзной дороги.

Губернскіе города и г. Лодзь въ своихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ и ходатайствахъ свободны отъ первой административной инстанціи, т.-е. отъ уѣзднаго управленія. Ихъ магистраты сносятся уже, на правахъ этого управленія, прямо съ губернскими правленіями. Но это только сокращаетъ сношенія, а не даетъ простора для какой-либо хозяйственной самодѣятельности магистратовъ.

Варшавскому магистрату предоставлены въ хозяйственныхъ дѣлахъ права губернскаго правленія и онъ подчиненъ непосредственно главному начальнику края и министерству. Но это исключительное положеніе Варшавы среди городовъ Царства Польскаго опять-таки только сокращаетъ сношенія, а собственная самодѣятельность городского магистрата поставлена и въ Варшавѣ въ крайне тѣсные предѣлы. Варшавскій магистратъ имѣетъ право расходовать, безъ разрѣшенія высшей власти и безъ торговъ, только суммы не свыше

150 руб. Затѣмъ, магистратъ, наравнѣ съ губернскими правленіями, можетъ производить работы или заготовлять хозяйственнымъ образомъ, въ случаѣ неуспѣшности торговъ, на сумму до 1000 руб., торги утверждать на сумму 5000 руб., а выше и до 10,000 руб. онъ долженъ представлять на утвержденіе генералъ-губернатора; Варшавскій магистратъ имѣетъ право пріобрѣтать и отчуждать земельные участки стоимостью до 1000 руб., продавать ненужныя недвижимыя имущества до 300 руб., а движимыя—до 600 руб.

Но понятно, что сдѣлки или распоряженія на столь мелкія суммы не имѣютъ никакого значенія въ благоустройствѣ большого города. Почти всякія постройки и работы въ Варшавѣ, хотя бы устройство новыхъ мостовыхъ, тротуаровъ или простой строительный ремонтъ зданій, далеко превышаютъ эти нормы, а стало быть, и Варшавскій магистратъ обязанъ входить съ ходатайствами даже и о небольшихъ расходахъ.

Облегченіе представляетъ собственно годовая роспись расходовъ. Однажды утвержденная Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, она уже приводится въ исполненіе самимъ магистратомъ. Но, во-первыхъ, если представляется какая-либо непредвидѣнная потребность, внѣ смѣты, то далеко не всегда возможно своевременно удовлетворить ее. Согласно мѣстному Положенію 1870 г., въ городскую смѣту вносится кредитъ въ 15.000 руб. на непредвидѣнныя и мелочныя надобности, и изъ этого кредита 5000 руб. числятся въ распоряженіи магистрата, а 10,000 руб. остаются въ распоряженіи генералъ-губернатора. Но и этихъ суммъ можетъ оказаться недостаточно. Часть ихъ неизбѣжно идетъ на мелочи и напр., въ случаѣ появленія эпидеміи легко, можетъ оказаться недостатокъ наличныхъ средствъ для устройства своевременной помощи.

Во-вторыхъ, самое внесеніе въ смѣту новыхъ расходовъ, особенно если имѣются въ виду такія предпріятія, которыя соединены съ значительными расходами, крайне затрудняется самымъ характеромъ магистратовъ, лишенныхъ значенія общественнаго представительства и поставленныхъ въ положеніе низшихъ административнихъ органовъ. Главнымъ препятствіемъ при этомъ являются та неподвижность и медленность, которыя свойственны хозяйству, поставленному въ условія тѣснаго административнаго надзора и контроля. При этихъ условіяхъ, хозяйственное дѣло уже неизбѣжно ведется болѣе въ смыслѣ одного соблюденія формы, чѣмъ въ духѣ живого вниманія къ наростающимъ потребностямъ, къ относительной настоятельности той или другой изъ нихъ и свободнаго почина въ стараніи объ улучшеніяхъ.

Эти условія, естественно, менѣе отражаются на городскихъ дѣлахъ Варшавы, которыя находятся непосредственно на виду у главнаго начальства. Но они совершенно парализуютъ всякія стремленія къ благоустройству въ прочихъ городахъ, оставляютъ прямо въ запущенномъ видѣ разныя отрасли хозяйственнаго попеченія даже въ болѣе значительныхъ губернскихъ городахъ и въ Лодзи, въ которыхъ, при большемъ просторѣ въ обложеніи и въ распоряженіи, легко нашлись бы и средства для значительныхъ улучшеній.

Особыя случайныя условія.

Да и въ самой Варшавѣ тѣ же условія тормазятъ дѣло улучшеній, затягивая иногда надолго осуществленіе предпріятій, которыхъ необходимость сознается уже давно. Такъ было дѣло со столь настоятельною для Варшавы потребностью, какъ правильное устройство

боенъ, дѣло само по себѣ и производительное, такъ какъ оно вызвало бы увеличеніе городского дохода. Между тѣмъ, прошло уже болѣе 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ этотъ вопросъ былъ затронутъ, велась переписка, дѣлались предложенія, представлялись проекты, по которымъ требовались разъясненія и измѣненія и въ результатѣ дѣло такъ и осталось неисполненнымъ.

То же самое произошло съ предположеніемъ о постройкѣ центральнаго рынка жизненныхъ продуктовъ, по современнымъ образцамъ. Съ этой цѣлью не только производилась долговременная переписка, но магистратомъ была даже куплена отъ казны площадь; однако являлись новыя колебанія и отсрочки, и площадь оставалась пустою до самаго послѣдняго времени.

Вопросъ объ открытіи берега Вислы и устройства набережной и бульвара возникъ лѣтъ 50 тому назадъ и доселѣ остается неразрѣшеннымъ. Такая же судьба постигла прежній проектъ объ устройствѣ наружныхъ бульваровъ на мѣстѣ бывшаго городского вала.

Правда, встрѣчаются иногда люди, которымъ и при самыхъ стѣсненныхъ условіяхъ дѣятельности удается совершить многое въ силу особой личной энергіи, неустаннаго труда и личнаго авторитета, дѣйствуя путемъ испрошенія особыхъ средствъ, въ виду важности предполагаемыхъ улучшеній, которыя такимъ образомъ и осуществляются какъ бы внѣ обычнаго хода дѣлъ. Къ такимъ людямъ, оказавшимъ особыя услуги нѣкоторымъ городамъ, принадлежали бывшіе президенты Варшавы и Люблина, генералъ Сарынкевичъ и г. Волинскій, къ нимъ слѣдуетъ причислить и нынѣшняго президента г. Варшавы ген. Бибикова, проявляющаго большую заботливость о нуждахъ города и значительную энергію, а также нѣкоторыхъ губернаторовъ и начальниковъ уѣздовъ. Но со стороны административныхъ лицъ,

такое особое рвеніе въ дѣлѣ улучшенія городскихъ условій представляетъ лишь явленіе случайное именно потому, что при многосложности служебныхъ обязанностей, забота о благоустройствѣ подвѣдомственныхъ имъ городовъ поневолѣ является предметомъ второстепенной важности.

Впрочемъ, и самый примѣръ такихъ немногихъ выдававшихся дѣятелей по улучшенію состоянія городовъ доказываетъ необходимость обращенія, если не къ авторитету общественнаго голоса, то все-таки къ содѣйствію общественнаго элемента для самаго успѣха дѣла. Такъ поступалъ генералъ Старынкевичъ при осуществленіи дѣла канализаціи въ Варшавѣ, которое могло идти успѣшно лишь при содѣйствіи домовладѣльцевъ, а также въ дѣлѣ улучшенія городскихъ садовъ и насажденія деревьевъ на нѣкоторыхъ улицахъ. Для этой послѣдней цѣли образовался даже особый комитетъ изъ частныхъ лицъ. Подобные примѣры только указываютъ на необходимость болѣе широкаго, обусловленнаго самымъ составомъ городскихъ управленій участія общественнаго элемента въ хозяйственныхъ дѣлахъ, касающихся всѣхъ жителей.

Характеръ и нынѣшнее состояніе городского хозяйства въ краѣ.

Необходимость преобразованія городского хозяйства въ губерніяхъ Царства Польскаго, на общихъ выборныхъ началахъ и общественнаго представительства, доказывается крайне неудовлетворительнымъ состояніемъ всѣхъ отраслей этого хозяйства при нынѣшнемъ строѣ городского управленія. Сравнительное понятіе о томъ, насколько городское хозяйство въ этомъ краѣ уступаетъ по своимъ качествамъ хозяйству тѣхъ городовъ,

гдѣ управленіе имѣетъ характеръ общественный, можетъ дать сопоставленіе главныхъ цифръ городскихъ смѣтъ. Эти цифры показываютъ, въ какой мѣрѣ городскіе доходы распредѣляются на удовлетвореніе различныхъ городскихъ потребностей.

Сравнительное распредѣленіе доходовъ на потребности.

Изъ таблицы, составленной на основаніи отчетовъ за 1894 годъ для пяти главныхъ городовъ Имперіи и пяти главныхъ городовъ здѣшняго края, приведемъ здѣсь нѣсколько главнѣйшихъ цифръ. Въ Петербургѣ изъ итога городскихъ доходовъ въ 10 м. 874 т. рублей расходуется на содержаніе школъ и благотворительныхъ заведеній 3 м. 587 т. руб., въ Москвѣ изъ 9 м. 22 т. руб.—3 м. 261 т. руб., въ Одессѣ изъ 3 м. 532 т. руб.—1 м. 530 т. руб., въ Ригѣ изъ 2 м. 753 т. руб.—1 м. 400 т. руб. Между тѣмъ, въ Варшавѣ изъ итога доходовъ въ 4 м. 894 т. руб. расходуется на тѣ же потребности 831 т. руб., въ Лодзи изъ 396 т. руб.—75.799, въ Люблинѣ изъ 118 т. руб.—20 т. руб., въ Петроковѣ изъ 94 т. руб.—10 т. руб.

Итакъ, въ то время, какъ изъ общаго итога городскихъ доходовъ обращается на главныя потребности городского благосостоянія въ Ригѣ болѣе половины (50,8%), въ Одессѣ 43,3%, въ Москвѣ болѣе одной трети (36%) и въ Петербургѣ почти треть (33%), на тѣ же потребности употребляется въ Варшавѣ только 17% дохода, въ Лодзи 19,4%, въ Люблинѣ 18,4%, а въ Петроковѣ немногимъ болѣе одной десятой части городского дохода (11,2%).

Обращаясь затѣмъ къ сравненію по отдѣльнымъ отраслямъ расходовъ, находимъ, что между тѣмъ какъ

2

на народное образованіе идетъ въ Петербургѣ 747 т. руб., т.-е. 6,9% суммы дохода, въ Москвѣ 549 т. руб., т.-е. 6%, въ Одессѣ 306 т. руб. или 8,7%, въ Ригѣ 208 т. руб. или 7,6%, въ Варшавѣ на школы расходуются 144 т. руб., т.-е. всего 2% дохода, а въ другихъ городахъ Царства, не исключая Лодзи, расходъ на этотъ предметъ совсѣмъ незначителенъ.

На содержаніе благотворительныхъ заведеній въ Петербургѣ идетъ почти 2 м. р., т.-е. слишкомъ 25% всего дохода, въ Одессѣ 700 т. р. или 28,8%, а въ Варшавѣ—только 3%. Нѣсколько уже болѣе пропорціональны расходы на внѣшнее благоустройство.

Изъ другой, болѣе полной таблицы, въ которой показано распредѣленіе суммы доходовъ на разныя потребности, отдѣльно въ Имперіи, за исключеніемъ Финляндіи, Кавказа и Царства Польскаго, и отдѣльно—въ городахъ Царства, получается такой результатъ, что въ то время какъ въ городахъ Имперіи расходуется, въ среднемъ, на школы, благотворительность и внѣшнее благоустройство 28,9% городского дохода, въ городахъ Царства на тѣ же потребности идетъ только 15,8% дохода, а если исключить Варшаву, то въ другихъ городахъ края всего 12,9%.

Въ такомъ богатомъ городѣ, какъ Лодзь, гдѣ скопляется болѣе 200 тысячъ однихъ рабочихъ, на нужды образованія и призрѣнія расходуется всего 34,724 руб. въ годъ, въ Згержѣ, на тѣ же потребности, вмѣстѣ взятыя, только 372 руб. въ годъ! Такія условія представляютъ нѣчто безпримѣрное во всей Европѣ.

Сбереженія отъ неудовлетворенія нуждъ.

Зато, въ то время, какъ общественное управленіе хозяйствомъ въ русскихъ городахъ не жалѣетъ средствъ для настоятельныхъ улучшеній и не отступаетъ даже отъ заключенія съ этой цѣлью займовъ, въ Царствѣ только одна Варшава, благодаря особымъ, отчасти случайнымъ условіямъ, о которыхъ уже упомянуто выше, была въ состояніи приняться за такое предпріятіе, какъ канализація. Большинство же другихъ городскихъ управленій въ Царствѣ, обходясь самыми незначительными средствами на удовлетвореніе потребностей образовательной, врачебной, благотворительной, и коснѣя въ чисто приказныхъ порядкахъ, даже не расходовали всей суммы городского дохода, а предпочитали дѣлать сбереженія и вносить ихъ въ видѣ вкладовъ въ отдѣленія государственнаго банка. Такъ къ 1 Марта 1896 г. имѣлось городскихъ вкладовъ въ банкѣ: отъ 13 городовъ Калишской губерніи на сумму 182,546 руб., изъ 13 городовъ Люблинской губерніи—на 72,974 руб., отъ 11 городовъ губерніи Петроковской — на 275,156 руб., и отъ 12 городовъ губерніи Сѣдлецкой—на 39,881 руб. Сбереженія эти съ года на годъ еще растутъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ сумма ихъ удвоилась за послѣднее 20-лѣтіе.

Такія «сбереженія» дѣлаются и вносятся на малый процентъ, въ то время, какъ въ большинствѣ городовъ здѣшняго края не имѣется ни порядочнаго освѣщенія улицъ, ни порядочныхъ мостовыхъ, ни городскихъ больницъ, ни богадѣленъ, ни школъ, а санитарная часть остается въ самомъ печальномъ положеніи.

Но помимо приказной апатіи и косности, какая

обусловливается въ этомъ краѣ самымъ составомъ городскихъ управленій и полной ихъ подчиненностью, общее плачевное состояніе зависитъ еще и отъ того, что самый кругъ дѣятельности этихъ городскихъ управленій слишкомъ ограниченъ. Городскимъ управленіямъ въ Царствѣ самымъ закономъ не предоставлены ни забота о народномъ образованіи, ни дѣло общественнаго призрѣнія, ни устройство богадѣленъ и больницъ, ни завѣдываніе ими, ни санитарное, ни продовольственное дѣло, ни основаніе обществъ взаимнаго городского кредита, ни принятіе мѣръ противъ нищенства, ни право изданія вообще обязательныхъ для жителей постановленій.

Уменьшеніе процента учащихся.

Эти общія замѣчанія о неудовлетворительномъ состояніи городского хозяйства въ губерніяхъ Царства Польскаго вполнѣ подтверждаются при разсмотрѣніи представляемыхъ имъ результатовъ по каждой изъ отдѣльныхъ его отраслей.

Такъ, въ дѣлѣ народнаго образованія приходится отмѣтить печальный фактъ, что процентъ учащихся по отношенію къ народонаселенію въ городахъ варшавскаго учебнаго округа не только не повышается, но падаетъ. Лишенныя всякаго участія въ завѣдываніи тѣми находящимися въ городахъ школами, какія были учреждены въ разное время духовенствомъ, частными лицами и правительствомъ, городскія управленія даютъ средства на основаніе новыхъ школъ, только уступая особенному давленію со стороны административной власти. Завѣдываніе школами принадлежитъ исключительно инспектору городскихъ школъ Варшавы, а въ остальныхъ городахъ—дирекціи училищъ.

Народонаселеніе въ 21 городѣ Варшавской губерніи (не считая Варшавы) въ теченіе десятилѣтія 1885—1895 г., возрасло съ 101,066 до 161,899 душъ, то-есть на 60 проц., число же учащихся увеличилось съ 5,033 до 6,308, т.-е. только на 23½ проц. Въ 11 городахъ Петроковской губ. народонаселеніе возрасло съ 158,404 до 351,120 душъ или на 121 слишкомъ проц., а число учащихся—съ 11,250 до 16,146 душъ, или на немного болѣе 38 проц. Подобно этому, увеличеніе числа учениковъ значительно отстаетъ отъ прироста населенія и въ городахъ губерній Люблинской и Радомской. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ замѣчается не только такая отсталость, но прямое уменьшеніе числа учащихся въ сравненіи съ бывшимъ за 10 лѣтъ ранѣе. Такъ въ городахъ Плоцкой губерніи, хотя народонаселеніе увеличилось, но число учащихся уменьшилось съ 4,980 до 4,251 душъ, т.-е. на 14,6 проц.; въ городахъ губерніи Калишской населеніе увеличилось, а число учащихся упало съ 6,456 до 5,242 душъ, т.-е. на 19 проц.; въ губерніи же Ломжинской, хотя и самое народонаселеніе городовъ уменьшилось съ 72,841 до 64,698 душъ, или на 11,2 проц., но число учащихся упало еще въ большемъ размѣрѣ, а именно съ 2,737 до 2,252 душъ, то-есть на 18 процентовъ.

Въ Царствѣ Польскомъ считалась къ 1 января 1894 г. всего 351 начальная городская школа съ 29,454 учащимися. На содержаніе этихъ школъ расходовалось 260½ т. руб. въ годъ, изъ каковой суммы до 230 т. руб., т.-е. почти 90%, являлись пособіями отъ городовъ. Сверхъ того, городскіе магистраты оплачивали половину расходовъ на содержаніе 118 воскресныхъ ремесленныхъ школъ, 6 школъ воскресныхъ коммерческихъ и 63 начальныхъ еврейскихъ. Такимъ образомъ въ городахъ здѣшняго края, за исключеніемъ Варшавы, со-

держались, и не исключительно на городскія средства, всего 544 начальныя школы, что на городское населеніе въ $2^1/_2$ милліона душъ составляетъ одну школу на 4,200 жителей.

Лишенныя общественнаго характера и иниціативы, по самому составу и подчиненію медленной административной процедурѣ, эти городскія управленія не сдѣлали доселѣ ничего для основанія народныхъ библіотекъ и устройства народныхъ чтеній.

Недостатокъ мѣстъ призрѣнія и больницъ.

Завѣдываніе благотворительными учрежденіями и ихъ капиталами изъято въ Царствѣ Польскомъ изъ круга дѣйствія магистратовъ и возложено на губернскіе и уѣздные совѣты благотворительности, подъ надзоромъ губернаторовъ, въ Варшавѣ же—на особый городской совѣтъ по дѣламъ благотворительности. Характерной чертой въ этомъ устройствѣ является фактъ, что въ одной только Варшавѣ президенту города (городскому головѣ) предоставлено засѣдать въ отдѣльномъ совѣтѣ благотворительности; въ прочихъ же городахъ президенты и бургомистры устранены отъ участія въ губернскихъ и уѣздныхъ совѣтахъ по благотворительной части.

Такимъ образомъ городскія управленія въ Царствѣ поставлены въ сторонѣ отъ устройства мѣстъ призрѣнія и больницъ и завѣдыванія ими; самая забота о врачебной помощи въ городахъ возложена не на магистраты, а на губернскія правленія. Городскимъ управленіямъ предоставлено только одно: отпускать денежныя средства на содержаніе больницъ и мѣстъ призрѣнія, а въ Варшавѣ еще и отдѣльнаго городского

совѣта по благотворительности. Отъ этого дѣла городскіе магистраты точно такъ же устранены, какъ и отъ училищнаго.

Требуется только, чтобы въ тѣхъ городахъ, гдѣ существовали больницы до 1870 года, магистраты давали на ихъ содержаніе не менѣе тогдашней суммы. И вотъ, расходы на эту потребность составляютъ въ Царствѣ лишь весьма малую часть въ итогахъ городскихъ смѣтъ. Въ этихъ смѣтахъ расходъ на больницы не показывается отдѣльной статьей, но заключается въ общей рубрикѣ расходовъ на содержаніе училищъ и учрежденій общественнаго блага. По этой рубрикѣ и ассигновалось въ 1897 г. въ Плоцкѣ изъ итога доходовъ въ 77,6 т. р. — 6 ½ т. р., въ Сувалкахъ изъ 30,7 т. р. — 1 ½ т. р., въ Кѣльцахъ изъ 35,6 т. р.— 1½ т. р. При этомъ надо еще отмѣтить, что въ то время, какъ суммы городскихъ доходовъ возрастаютъ, вслѣдствіе роста обложенія, магистраты стараются по возможности задерживать дальнѣйшій ростъ обложенія — посредствомъ уменьшенія расхода на школы и благотворительныя учрежденія.

Въ одной только Варшавѣ положеніе и этого дѣла нѣсколько лучше—по тѣмъ же причинамъ, которыя выше уже были указаны. Но оно и здѣсь все-таки далеко не удовлетворительно. Такъ, въ Варшавѣ доходы больницъ въ 1894 г. выражались въ цифрѣ 366 т. р.; изъ этой суммы магистратъ вносилъ только 31,6 т. р., т.-е. менѣе 10 проц. За тотъ же годъ всѣхъ кроватей въ варшавскихъ больницахъ состояло 1.260, что на тогдашнее населеніе въ 555 т. д. составляло 1 кровать на 409,6 жителей. Между тѣмъ въ Петербургѣ 1 больничная кровать приходилась на 221,1 жителя, а въ Москвѣ—на 187,4. Въ 1894 г. введенъ въ Варшавѣ особый больничный сборъ въ 1 рубль со всѣхъ лицъ рабочаго

класса обоего пола, съ правомъ безплатнаго содержанія въ больницахъ ихъ и ихъ дѣтей. А между тѣмъ значительному числу больныхъ приходится отказывать за недостаткомъ мѣста въ больницахъ.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что городъ съ итогомъ доходовъ въ 6 милл. рублей долженъ не только расширить больницы, но и учредить на городскія средства богадѣльни для старцевъ и убогихъ, пріюты для сиротъ, ночлежные дома, дешевыя кухни для недостаточныхъ. Но все это сдѣлалось бы возможнымъ подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы городское управленіе само завѣдывало такими учрежденіями, чтобы роль его не была ограничена только даваніемъ денежныхъ средствъ, въ видѣ отпуска пособій на эти цѣли въ другія руки.

Нѣсколько заведеній изъ категоріи поименованныхъ, правда, уже основались въ Варшавѣ на частныя средства, или по инициативѣ бывшаго оберъ-полицiймейстера, генерала Клейгельса. Но они далеко не обезпечены средствами и существованіе ихъ зависитъ въ значительной степени отъ доходовъ случайныхъ.

Запущенность остальныхъ частей хозяйства.

Продовольственное дѣло въ городахъ Царства Польскаго, по силѣ узаконеній, возложено, какъ и санитарное и врачебное дѣло, на административныя власти, безъ всякаго участія магистратовъ. Предоставляется, правда, начальникамъ губерній передавать на разсмотрѣніе губернскихъ и уѣздныхъ благотворительныхъ совѣтовъ вопросы объ оказаніи помощи во время эпидемій, большихъ пожаровъ и наводненій. Но, какъ уже сказано, городскіе президенты и бургомистры, за исключеніемъ Варшавы (гдѣ есть особый городской совѣтъ

по части благотворительности) въ тѣхъ совѣтахъ не засѣдаютъ. — Стало быть, даже въ случаяхъ такихъ бѣдствій, отзывы магистратовъ могутъ имѣть лишь совѣщательное значеніе.

Не говоря о другихъ городахъ, въ самой Варшавѣ нѣтъ ни центральныхъ городскихъ скотобоенъ и городской аналитической станціи, ни городскихъ складовъ каменнаго угля для отвращенія кризисовъ, вызываемыхъ спекуляціею на этомъ продуктѣ, имѣющемъ для Варшавы столь жизненное значеніе.

Необходимость введенія Городового Положенія 1892 г.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, въ какомъ печальномъ положеніи находится городское хозяйство въ Царствѣ, а также вполнѣ уясняется и основная причина запущенности городскихъ дѣлъ, неудовлетворенности многихъ первостепенныхъ нуждъ населенія. Причина эта заключается въ обветшавшемъ, лишенномъ всякой жизненности, строѣ городскихъ управленій, крайней узкости ихъ правъ, отсутствіи инициативы и въ необходимости испрашивать разрѣшеніе даже на мелкія мѣры или предпріятія.

Наружное благоустройство, замѣчаемое на улицахъ Варшавы, можетъ давать иное понятіе развѣ только проѣзжимъ. Но всякому, кто прожилъ здѣсь хотя бы годъ, становится извѣстнымъ, что и въ Варшавѣ, за наружнымъ порядкомъ, который обусловливается пребываніемъ высшихъ властей края, наличностью богатыхъ людей, наконецъ, частными усиліями интеллигентныхъ лицъ, скрывается крайній недостатокъ въ удовлетвореніи учебной, санитарной, больничной и благотворительной потребностей населенія, скудость обще-

ственнаго призрѣнія и отсталость отъ другихъ большихъ городовъ въ дѣлѣ многихъ важныхъ улучшеній. Такъ, напримѣръ, Варшава доселѣ не имѣетъ электрическаго освѣщенія, которое введено въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ Имперіи съ населеніемъ въ семь и даже въ десять разъ меньшимъ.

Запущенность хозяйства въ городахъ окраины, граничащей съ Пруссіею и Австріею, не только поражаетъ иностранцевъ, но она весьма сильно сознается и той частью населенія, которая имѣетъ близкія сношенія съ заграницей и даже съ большими городами внутреннихъ губерній.

Явная отсталость отъ этихъ послѣднихъ, замѣчаемая въ здѣшнемъ краѣ, сама собой указываетъ и на готовое, уже испытанное средство для ея устраненія, а именно—на настоятельную необходимость введенія въ губерніяхъ Царства общаго Городового Положенія 1892 г.

Со времени изданія первообраза этого «положенія», а именно съ 1870 г., миновало 30-лѣтіе, въ теченіе котораго осуществленъ былъ систематическій и всеобъемлющій рядъ мѣръ по объединенію учрежденій и порядковъ въ здѣшнемъ краѣ съ существующими въ Имперіи. Но устройства городского управленія и положенія городского хозяйства это объединеніе нисколько не коснулось, несмотря на то, что распространеніе Городового Положенія на здѣшній край вызвало бы несомнѣнно благопріятныя послѣдствія, и притомъ не только матеріальныя, но и нравственныя.

Отсутствіе препятствій.

Серьезныхъ политическихъ возраженій противъ этой мѣры не можетъ быть уже по самому свойству городского хозяйства, которое касается преимущественно благоустройства матеріальнаго. Но насколько оно входитъ и въ сферу народнаго образованія и благотворительности, тѣ условія надзора административныхъ властей, какія установлены въ общемъ Городовомъ Положеніи, представляютъ гарантіи вполнѣ достаточныя.

Не стѣсняя иниціативы общественно-городского управленія, Положеніе однако предоставляетъ административной власти не только надзоръ за веденіемъ городскихъ дѣлъ, но и полную возможность устранятъ всякое постановленіе, несогласное съ интересами государства или съ пользами самого населенія. Административная власть утверждаетъ лицъ, избранныхъ въ должности городскихъ головъ и ихъ товарищей, она можетъ подвергать ревизіи дѣла городскихъ управъ и всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ учрежденій, она утверждаетъ самыя постановленія городскихъ думъ по важнѣйшимъ дѣламъ, а по всѣмъ прочимъ дѣламъ можетъ пріостановлять всякое постановленіе, «несогласное съ закономъ», или «состоявшееся съ нарушеніемъ круга вѣдомства и предѣловъ власти общественнаго управленія», или же «несоотвѣтствующее общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ», или, наконецъ, «явно нарушающее интересы мѣстнаго населенія»; причемъ вопросъ объ отмѣнѣ такихъ постановленій рѣшается окончательно Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Комитетомъ Министровъ, Сенатомъ или Государственнымъ Совѣтомъ, въ зависимости отъ свойства дѣлъ и отъ значенія городовъ.

При такихъ условіяхъ, очевидно, немыслимо осуществленіе постановленіями городскихъ думъ или дѣятельностью управъ какихъ либо стремленій характера политическаго.

Что же касается настроеній, проявляющихся въ самомъ населеніи городовъ, то отсутствіе выборнаго общественнаго управленія городскимъ хозяйствомъ нисколько не исключаетъ возможности заниматься политикой, между тѣмъ какъ участіе общества въ положительной работѣ въ области городского хозяйства и въ достиженіи практическихъ улучшеній, близко касающихся всего городского населенія, можетъ только способствовать трезвости мыслей и здоровому оживленію дѣятельности на почвѣ реальныхъ интересовъ.

Общественное самоуправленіе, въ тѣхъ условіяхъ, какими оно обставлено въ Городовомъ Положеніи 1892 г., привлекаетъ общество къ постоянному соприкосновенію съ мѣстными властями — въ самой работѣ и можетъ идти успѣшно только при взаимномъ содѣйствіи. А въ этомъ смыслѣ дѣйствительное городское самоуправленіе можетъ имѣть для здѣшняго края еще большее значеніе, чѣмъ для внутреннихъ губерній, въ которыхъ такое содѣйствіе общества попеченіямъ административной власти объ интересахъ самого населенія не составляетъ ничего новаго и считается явленіемъ нормальнымъ, къ которому привыкли и власти, и общество.

Необходимо имѣть въ виду и то обстоятельство, что при существующемъ доселѣ въ городахъ Царства Польскаго устройствѣ, когда городскія управленія являются просто подчиненными административными органами, съ полнымъ почти отсутствіемъ собственнаго почина и крайне тѣснымъ кругомъ дѣятельности, всѣ несовершенства, недостатки и пробѣлы въ городскомъ благоустройствѣ могутъ быть даже незаслуженно относимы

къ бездѣйствію администраціи. При осуществленіи же общественнаго самоуправленія въ предѣлахъ Городового Положенія, всякіе недостатки, медлительность, случайная неуспѣшность въ ходѣ той или другой отрасли городского хозяйства относились бы населеніемъ уже всецѣло къ дѣйствіямъ и нравственной отвѣтственности выборныхъ городскихъ управленій.

Вопросъ о допущеніи объясненій на польскомъ языкѣ.

Привлекая къ участію въ завѣдываніи мѣстными пользами и нуждами классъ городскихъ обывателей, законодатель руководствовался мыслью предоставить управленіе городскими дѣлами наиболѣе заинтересованнымъ въ правильномъ веденіи его лицамъ, т.-е. преимущественно домовладѣльцамъ и представителямъ торговли, промышленности и ремеслъ, ибо эти именно лица имѣютъ главнымъ образомъ возможность и желаніе посвящать городскимъ дѣламъ всю свою силу и всю свою энергію. А между тѣмъ, среди этого именно класса въ этомъ краѣ найдутся многіе, не владѣющіе русскимъ языкомъ достаточно свободно для устнаго изложенія своихъ мнѣній и отвѣтовъ на дѣлаемыя во время преній возраженія. Если бы такимъ лицамъ не было разрѣшено излагать свои мысли по-польски, то они, конечно, были бы фактически устранены отъ завѣдыванія городскими дѣлами, а между тѣмъ они составляютъ именно лучшія силы городского населенія. Въ случаѣ неразрѣшенія преній на польскомъ языкѣ городское хозяйство очутилось бы въ рукахъ другихъ элементовъ, не связанныхъ такъ тѣсно съ общимъ благосостояніемъ родного города, какъ, напр., домовладѣльцы или купцы. Изъ этого слѣдуетъ, что

допущеніе польскаго языка въ преніяхъ городскихъ думъ является непремѣннымъ условіемъ правильнаго развитія городского хозяйства въ Царствѣ Польскомъ на случай введенія Городового Положенія 1892 г. При этомъ нельзя не замѣтить, что, исходя именно изъ мысли о необходимости выслушать всякое мнѣніе, если только оно заслуживаетъ вниманія, магистратъ гор. Варшавы допускаетъ всегда объясненія на польскомъ языкѣ въ городскихъ коммисіяхъ, созываемыхъ иногда для обсужденія болѣе важныхъ для городского хозяйства вопросовъ.

Заключеніе.

Но какъ бы ни были рѣшены всѣ вообще вопросы по примѣненію Городового Положенія въ этомъ краѣ, всего важнѣе то, чтобы «положеніе» это было введено въ губерніяхъ Царства во всѣхъ своихъ главныхъ и существенныхъ основаніяхъ, обусловливающихъ за новымъ строемъ значеніе и характеръ дѣйствительнаго городского общественнаго самоуправленія. Никакихъ осязательныхъ препятствій къ этому преобразованію въ настоящее время положительно не имѣется, а за прямую безотлагательность его осуществленія говорятъ, какъ невозможность оставлять далѣе городское хозяйство въ здѣшнемъ краѣ въ нынѣшнемъ плачевномъ состояніи, такъ и самый государственный интересъ объединенія устройства управленія на всемъ пространствѣ великой державы.

ГМИННОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

Гминное управленіе составляютъ: 1) гминный сходъ, 2) гминный войтъ и 3) солтысы [1].

Вѣдѣнію гминнаго схода принадлежатъ: выборъ гминнаго войта, писаря и другихъ лицъ, коихъ назначеніе предоставлено гминѣ; постановленіе о всѣхъ вообще предметахъ, относящихся до хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлъ цѣлой гмины; мѣры призрѣнія, завѣдываніе гминными благотворительными заведеніями; учрежденіе начальныхъ училищъ и завѣдываніе ими; назначеніе и раскладка сборовъ и повинностей, относящихся до цѣлой гмины; повѣрка дѣйствій и учетъ должностныхъ лицъ, гминою избираемыхъ; распоряженіе общественнымъ, находящимся въ общемъ всѣхъ жителей гмины владѣніи имуществомъ; разрѣшеніе всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда требуется на что либо согласіе всей гмины [2].

Гминные сходы созываются обязательно 4 раза въ годъ [3]. Повѣрка дѣйствій и учетъ должностныхъ лицъ производится во всѣхъ гминахъ на декабрьскомъ гмин-

---

[1]) Ст. 203 Учр. Упр. губ. Ц. П. т. II ч. 1 Св. 3.
[2]) Ст. 208 тамъ же.
[3]) Ст. 206 тамъ же.

номъ сходѣ; тогда же обсуждается и утверждается бюджетъ гминнаго управленія на слѣдующій годъ, т.-е. рѣшаются всѣ вопросы, относящіеся къ развитію экономическихъ и нравственныхъ интересовъ гмины. На гминномъ сходѣ должна присутствовать, по крайней мѣрѣ, половина домохозяевъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ, т.-е. владѣющихъ на правахъ личной собственности не менѣе какъ 3-мя моргами земли ($1^1/_2$ десятины) [1]).

Согласно свѣдѣніямъ, заключающимся въ XVII-мъ выпускѣ «Трудовъ Варшавскаго Статистическаго Комитета», такихъ домохозяевъ на крестьянскихъ земляхъ было въ 1899 году всего 609,683; въ посадахъ же 40,847. Гминъ всѣхъ въ Царствѣ Польскомъ 1249. Приходится среднимъ числомъ на каждую гмину 522 человѣка крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ, не считая мелкихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ не крестьянскаго происхожденія. Изъ нихъ половина, т.-е. по крайней мѣрѣ 261 человѣкъ, должна присутствовать на сходѣ. Столь многолюдное собраніе происходитъ, конечно, на дворѣ. Участники собираются съ утра до полудня; прежде чѣмъ кончится перекличка и сосчитаются присутствующіе—половина людей, на декабрьскомъ сходѣ, прозябла, а всѣ утомлены и голодны. Когда, наконецъ, сходъ объявляется открытымъ, гминный писарь, стоя на крыльцѣ канцеляріи, читаетъ отчетъ за истекающій годъ и проектъ бюджета на слѣдующій.

Гминный сходъ представляетъ собою толпу людей, имѣющихъ мало понятія о предвидѣнныхъ и непредвидѣнныхъ расходахъ по гминному управленію, размѣщенныхъ въ 15—19 графахъ;—толпу, не понимающую счетоводства, опасающуюся всѣхъ новыхъ порядковъ, работъ и учрежденій, влекущихъ за собою новые расхо-

[1]) Ст. ст. 205, 209 тамъ же.

ды, которыхъ она не въ состояніи контролировать. Конечно, гминный сходъ не можетъ произвести повѣрки дѣйствій и учета гминныхъ должностныхъ лицъ въ стоячемъ засѣданіи подъ открытомъ небомъ, на основаніи прочитаннаго писаремъ, а для слушателей непонятнаго и неуловимаго матеріала. Сходъ, состоящій изъ 260 и болѣе человѣкъ, это—сила, которая уступаетъ всегда передъ вереницей канцелярскихъ цифръ и подписываетъ заранѣе составленный писаремъ протоколъ, лишь бы скорѣе убраться домой.

Если бы даже гминный сходъ не согласился на раскладку между жителями гмины какой либо статьи требуемыхъ уѣзднымъ начальствомъ или гминною канцеляріею повинностей, въ такомъ случаѣ гминный войтъ имѣетъ право самъ составить раскладку (вмѣстѣ съ уполномоченными и солтысами) и ввести ее въ дѣйствіе [1]). Имѣя за собою такое право, гминный войтъ и гминные писаря смотрятъ на сходъ, какъ на простую формальность гминнаго дѣлопроизводства. Не иначе привыкли смотрѣть на гминные сходы уѣздные начальники, признающіе за сходами одно лишь право: утверждать оптомъ все, представленное гминною канцеляріею на утвержденіе. Примѣромъ можетъ служить циркуляръ начальника Яновскаго уѣзда, Люблинской губерніи, отъ 10 Января 1897 г. за № 449, по дѣлу вознагражденія производившихъ всеобщую перепись счетчиковъ.

Мало развитое гминное населеніе привыкло, вслѣдствіе затруднительнаго положенія гминныхъ сходовъ, играть роль безмолвнаго плательщика и нести издержки по собственному своему гминному управленію, часто вовсе несоотвѣтствующія мѣстнымъ потребностямъ и почти всегда зависящія отъ личнаго усмотрѣнія ближай-

---

¹) Ст. 208 тамъ же.

шихъ должностныхъ лицъ. Итакъ, напр., въ 13 гминахъ Томашевскаго уѣзда, Люблинской губерніи, въ 1900 году поземельный сборъ съ 1 десятины земли (4 десятины лѣса считаются за одну десятину удобной земли) въ пользу гминнаго управленія былъ, среднимъ числомъ, 54,6 копѣекъ (minimum въ гминѣ Томашевской 39 коп., maximum въ Потуржинской—74,1 коп.).

Сборъ въ пользу начальныхъ училищъ составилъ . . .	20.620 р.
Въ пользу гминнаго управленія.	28.897 »

Послѣдняя сумма распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

1) жалованье войтамъ гмины .	2.340 р.	
2) жалованье писарямъ и ихъ помощникамъ.	4.526 »	
3) жалованье солтысамъ . . .	1.815 »	
4) жалов. канцеляр. сторожамъ.	2.010 »	
5) издержки по военному призыву, т.-е. суточныя для войтовъ, солтысовъ и писарей .	670 »	
6) на канцеляр. расходы, отопленіе и освѣщеніе. . . .	5.022 »	
7) подписка на журналы и изданія.	338 »	
8) содержаніе разъѣздныхъ лошадей	8.515 »	
Итого жалов. и въ распоряженіе должн. лицъ .		25.236 р.
9) непредвидѣнные расходы		1.277 »
10) на содержаніе литогр. станка въ уѣзд. управленіи		290 »
11) на отопленіе для земской стражи . .		663 »
12) на оспопрививаніе (въ 8-ми гминахъ) .		290 »
13) ремонтъ строеній (въ 6 гминахъ) . .		325 »

14)	на содержаніе мостовъ (1 гмина) . .	150 р.
15)	леченіе несостоятельныхъ (въ 4 гминахъ).	490 »
16)	на содерж. арестантовъ (въ 5 гминахъ).	176 »
	Итого	28.897 р.

Вычитая изъ этой суммы статьи 12, 13, 14, 15 и 16, какъ экстренные расходы въ меньшинствѣ гминъ и статьи 10 и 11, какъ не имѣющія связи съ гминнымъ управленіемъ, т.-е. вычитая сумму 2384 р., получимъ сумму 26.513 р., израсходованную 13 гминами, цѣлымъ уѣздомъ, на дѣло гминной администраціи. Слишкомъ 61% всей суммы поступаетъ на жалованье для должностныхъ и служащихъ лицъ; 32% на содержаніе разъѣздныхъ лошадей (т. н. «стойки»), содержателями которыхъ являются во всѣхъ гминахъ гминные писаря. Слѣдуетъ замѣтить, что «стойковыя» разъѣздныя лошади служатъ только войту и писарю; иногда — очень рѣдко—высылаются на почту (пакеты обыкновенно разносятъ пѣшкомъ сторожа); земскіе стражники и нижніе жандармскіе чины разъѣзжаютъ на крестьянскихъ подводахъ, высшимъ же чинамъ и чиновникамъ, согласно принятому въ уѣздѣ порядку, мѣстные помѣщики обязаны давать лошадей.

Въ 1894 году (какъ видно изъ прибавленія къ XLIII-му выпуску «Статистики Россійской Имперіи») разъѣздныя лошади стоили въ томъ же Томашовскомъ уѣздѣ 8.648 руб., въ Замостскомъ уѣздѣ той же Люблинской губ. 10.110 р.; въ цѣлой Люблинской губерніи израсходовано на эту статью 62.684 руб., т.-е. 11,9% общихъ гминныхъ расходовъ [1]).

[1]) Въ томъ же 1894 году (Ст. Росс. Имперіи. Прил. къ XLIII выпуску) на содержаніе разъѣздныхъ лошадей гмины уплатили:

Въ Люблинской губ. . . .	62.684 р.	11,9%	общихъ	расходовъ
» Варшавской » . . .	32.800 »	5,9%	»	»
» Ломжинской » . . .	9.033 »	4,7%	»	»

Въ губерніи, въ которой нѣтъ ни гминныхъ больницъ, ни гминныхъ врачей, ни повивальныхъ бабокъ; гдѣ по деревнямъ нѣтъ огнетушительныхъ орудій; гдѣ большинство крестьянъ не имѣетъ хорошихъ коровъ, ни крѣпкихъ лошадей, гдѣ нѣтъ ремесленныхъ школъ и кустарный промыселъ вовсе не развитъ, садоводство и пчеловодство не находятся даже въ зародышѣ, въ такой губерніи статья 62.684 р., т.-е. 11,9% общихъ гминныхъ расходовъ на разъѣздныя лошади для гминныхъ войтовъ и писарей, рядомъ съ 1200 р. (0,2% общихъ расходовъ) на пожарную часть и 8128 р. (1,5%) на медицинскую часть, составляетъ печальное явленіе и служитъ доказательствомъ полнѣйшаго безсилія гминныхъ сходовъ.

			помощниковъ писарей.	съ жалованьемъ.
Въ Варшавской	губ. на	172 гминъ было	119	15.683
» Петроковской	» »	149 » »	69	8.586
» Калишской	» »	136 » »	43	4.199
» Люблинской	» »	141 » »	149	16.932

Въ Кѣлецкой губ. въ 1898 году, гмина Ваврженчице (Мѣховскаго уѣзда) платила съ десятины 1 р. 34½ к.; гмина Тчица (того же уѣзда)—40 к. Въ той же губерніи, того же уѣзда, канцелярскіе расходы въ гминѣ Люборжица составляли 45 р., въ гминѣ же Ржержусьня — 737 р. 80 к. Все это явленія безграничной подчиненности Гминныхъ Сходовъ предпріимчивости гминной администраціи, которую составляютъ гминный войтъ и гминный писарь.

Обязанности гминнаго войта перечислены въ ст. 216 учр. упр. губ. Царства Польскаго. Онѣ по дѣламъ административнымъ и полицейскимъ столь обширны, что едва ли позволяютъ войту заняться общественными дѣлами. Войтъ получаетъ предписанія и порученія отъ уѣзднаго начальника, отъ коммисара по крестьянскимъ

дѣламъ, отъ всѣхъ судебныхъ мѣстъ и отъ прокуратуры, отъ акцизнаго и учебнаго округа, отъ военныхъ властей, судебныхъ приставовъ и проч. Канцелярская работа громадная, тѣмъ болѣе, что въ гминной канцеляріи ведутся книги народонаселенія и акты гражданскаго состоянія лицъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія. Принимая кромѣ того во вниманіе частые выѣзды войта по дѣламъ службы и занятія его, какъ сельскаго хозяина, нужно прійти къ убѣжденію, что для того, чтобы надлежащимъ образомъ удовлетворить всѣмъ обязанностямъ въ кругу чисто административной и полицейской дѣятельности, войтъ долженъ быть способнымъ и энергическимъ человѣкомъ; для того, чтобы заботиться сверхъ того еще о нравственныхъ и экономическихъ потребностяхъ гмины, ему нужно нѣкоторое образованіе и инициатива.

Поэтому, выборы войта составляютъ чрезвычайно важный моментъ въ жизни гмины.

Къ сожалѣнію, отъ кандидата на должность гминнаго войта не требуется никакихъ условій, кромѣ лишь владѣнія на правѣ собственности 6 моргами (3 дес.) земли [1]).

Согласно ст. 217 учр. упр. губ. Ц. П., гминный войтъ обязанъ безпрекословно исполнять всѣ законныя требованія уѣзднаго начальника, который на основаніи ст. 257 того же учр. можетъ подвергать гминнаго войта за маловажные поступки денежному взысканію до 5 руб. или аресту до 7 дней. Низкій избирательный цензъ и полнѣйшая зависимость представителя гмины отъ уѣзднаго начальника составляютъ главную причину существующаго порядка вещей, въ силу котораго уѣздный начальникъ считаетъ войта подвѣдомственнымъ себѣ низшимъ полицейскимъ чиномъ, гминный войтъ же понимаетъ свою зависимость въ томъ смыслѣ, что един-

ственная его обязанность — думать лишь о томъ, какъ угодить уѣздному начальнику. Слишкомъ часто случается, что уѣздный начальникъ, не довольствуясь закономъ, предоставляющимъ ему право утверждать избраннаго сходомъ войта, или не допускать его къ должности (ст. 240, 243 248 учр. упр. губ. Царства Польскаго), руководствуетъ выборами на гминныхъ сходахъ лично, или посредствомъ земскихъ стражниковъ. Въ первомъ случаѣ уѣздный начальникъ, предлагая прямо своего кандидата, занимаетъ, вопреки ст. 87, 198 и 207 у. упр. губ. Царства Польскаго, первенствующее мѣсто на сходѣ; во второмъ случаѣ земскіе стражники, дѣйствуя будто бы отъ своего имени, прямо нарушаютъ законъ, который, въ силу ст. 198 и 205 у. упр. губ. Царства Польскаго, не даетъ имъ права участія въ гминномъ сходѣ и запрещаетъ даже являться на сходъ, — вмѣшательствомъ же своимъ приносятъ вредъ общественному дѣлу.

Уѣздные начальники, которымъ предоставлено (ст. 87) право контроля . всего гминнаго дѣла, современемъ привыкли передавать часть своихъ правъ чинамъ земской стражи, вслѣдствіе чего возникло всеобщее въ Царствѣ Польскомъ явленіе, что чины мѣстной полиціи находятся на гминныхъ сходахъ въ характерѣ не то контролирующаго, не то всеруководящаго начальства.

Выборы въ гминныхъ сходахъ производятся посредствомъ явной, устной подачи голосовъ. Для того, чтобы публично, вслухъ, высказать мнѣніе, непріятное для рекомендуемаго администраціей кандидата, необходимо избирателю имѣть сознаніе собственнаго достоинства и сильно развитое чувство гражданскаго мужества. Крестьяне избиратели не чувствуютъ себя свободными на гминномъ сходѣ. Все равно, присутствуетъ ли на сходѣ уѣздный начальникъ или нѣтъ, есть всегда земскіе

стражники, которые будутъ помнить имена и фамиліи избирателей, состоявшихъ въ первомъ ряду противниковъ предлагаемаго полиціей кандидата. Войти же въ коллизію съ мѣстною земскою стражею, не только непріятно, но для простого человѣка прямо разорительно.

Такъ какъ на гминныхъ сходахъ дѣла рѣшаются по большинству голосовъ (ст. 210), то способъ ихъ подсчета вовсе не безразличенъ. Руководящее выборами лицо предлагаетъ участвующимъ въ сходѣ раздѣлиться на двѣ стороны, соотвѣтствующія сторонникамъ и противникамъ даннаго кандидата. Порядокъ подсчета голосовъ зависитъ отъ случая: бываетъ и такъ, что счетчиками, опять вопреки закону, становятся земскіе стражники; бываетъ, что желаемое лицо провозглашается избраннымъ на основаніи глазомѣрнаго счета, который не всегда вѣренъ, а во всякомъ случаѣ можетъ быть обозначенъ въ протоколѣ лишь глухимъ словомъ большинство. Наконецъ, бо́льшую численно сторону противниковъ можно провозгласить согласною на даннаго кандидата на томъ основаніи, что правая сторона легко становится лѣвой, когда самъ счетчикъ перемѣняетъ фронтъ.

Такъ или иначе, когда на гминномъ сходѣ находятся чины уѣздной полиціи, результаты произведенныхъ выборовъ не могутъ дать вѣрнаго понятія о довѣріи избирателей къ избранному лицу; а часто и рѣшеніе даннаго вопроса не соотвѣтствуетъ первымъ потребностямъ сельскаго населенія.

Общеизвѣстно, что гминными войтами бываютъ слишкомъ часто неграмотныя, а по крайней мѣрѣ полуграмотныя личности, вовсе не подготовленныя для той обширной хозяйственно-административной дѣятельности, которая, силою вещей, лежитъ на гминномъ управленіи.

Не могутъ покрыть ихъ недостатковъ и замѣнить

ихъ дѣятельности солтысы, составляющіе послѣднее низшее звено гминнаго управленія [1]), какъ помощники гминныхъ войтовъ [2]). Обязанности солтысовъ вращаются въ кругу ихъ сельскихъ обществъ; это простые люди, взглядъ ихъ не можетъ идти дальше стѣнъ гминной канцеляріи, отъ которой они получаютъ приказы, подъ угрозою рублеваго штрафа, или ареста на время до двухъ дней [3]).

Въ виду вышеизложеннаго положенія дѣла единственнымъ фактическимъ распорядителемъ въ гминѣ является гминный писарь. Ст. 246 Учр. упр. губ. Ц. П. гласитъ [4]): «гминные писари назначаются или по выбору отъ гминныхъ сходовъ, или по найму; въ послѣднемъ случаѣ писарь назначается по взаимному между собою соглашенію гминнаго войта, солтысовъ и уполномоченныхъ» [5]).

Несмотря на ясный текстъ закона, на ст. 77 Высоч. Указа 19 Февраля 1864 г., гминные писаря повсемѣстно назначаются уѣздными начальниками по собственному выбору, тогда какъ уѣзднымъ начальникамъ тотъ же законъ предоставилъ только гарантирующее порядокъ право увольнять писарей отъ должности (ст. 249).

Гминный писарь, не чувствуя себя зависимымъ отъ гминнаго схода, ни отъ войта, не имѣя съ гминой никакихъ общихъ интересовъ, чуждый обществу, которому служитъ, и не понимающій его потребностей, не только не заботится о благосостояніи жителей гмины,

---

[1]) Ст. 203 Учр. упр. Ц. П..
[2]) Ст. 221 тамъ же.
[3]) Ст. 227 тамъ же.
[4]) Ст. 77 Указа 19 Февраля 1864 г.
[5]) Постановленіемъ Учредительнаго Комитета (см. Цирк. 17 29 Мая 1874 и 16 Мая 1872) положено, что уѣздный начальникъ имѣетъ право переводить гминныхъ писарей одного на мѣсто другого, но не иначе какъ съ согласія гминнаго управленія, и что перемѣны эти вообще нежелательны.

но, напротивъ, смотритъ на гмину какъ на матеріалъ, изъ котораго онъ, писарь, долженъ извлечь въ возможно короткое время возможно больше личныхъ выгодъ. Вслѣдствіе того, что уѣздные начальники привыкли собственною властью назначать гминныхъ писарей — фактическихъ распорядителей въ гминахъ, то уѣзднымъ начальникамъ приходится нести нравственную отвѣтственность за всѣ совершаемые писарями неправильности, проступки и преступленія по службѣ, тѣмъ болѣе, что имъ (уѣзднымъ начальникамъ) вмѣняется въ обязанность (ст. 89) производство частыхъ ревизій гминныхъ управленій. Изъ этой-то нравственной отвѣтственности, которая во многихъ случаяхъ очень легко могла бы превратиться въ матеріальную, изъ этого обычая уѣздныхъ начальниковъ оказывать вліяніе на выборы войтовъ и самимъ назначать писарей, вытекаетъ то общеизвѣстное явленіе, что большинство противозаконныхъ дѣйствій писарей, превышеній власти войтами, большинство растратъ гминныхъ суммъ и тому подобныхъ проступковъ и преступленій остается безнаказанными. Упованіе гминныхъ писарей на снисходительность уѣздныхъ начальниковъ доходило въ послѣднія времена до того, что открыто созывались гминные сходы для предложенія жителямъ гмины пополнить (посредствомъ раскладки на морги земли) совершенныя гминными управленіями растраты, для того, чтобы виновныхъ не привлекать къ отвѣтственности [1]).

Можно бы указать уѣзды, въ которыхъ за послѣднія 10—15 лѣтъ растрата гминныхъ суммъ простирается на нѣсколько гминъ и представляетъ, въ общемъ итогѣ, десятки тысячъ рублей. Окружные суды не разъ

---

[1]) Гмина Котлице, Томашевскаго уѣзда Люблинской губ. и той же губ. и уѣзда гмина Черкасы.

по этимъ дѣламъ объявляли приговоры. Приговоры эти, какъ ни строго наказываютъ виновныхъ въ уголовномъ порядкѣ, не могутъ однако возстановить нарушенное растратами чувство справедливости и довѣріе крестьянскаго населенія къ гминному управленію; не могутъ потому, что виновные войты и писаря не въ состояніи пополнить растраченныхъ суммъ, а пополнять эти суммы приходится населенію гмины, которое обязано платить вторично и отдавать иной разъ послѣднія крохи за вины своихъ якобы выборныхъ должностныхъ лицъ, главнымъ образомъ за вины писаря, котораго никогда само не выбирало, а котораго всегда назначаетъ уѣздный начальникъ.

Болѣе образованные и зажиточные крестьяне чаще всего уклоняются отъ принятія должности войта именно потому, что понимаютъ всю неловкость положенія гминнаго войта, который, представляя собою высшую власть въ гминѣ, долженъ одновременно подчиняться, а по крайней мѣрѣ угождать, своему, по закону подчиненному, фактически же независимому, гминному писарю; что онъ войтъ, выборный и отвѣтственный чиновникъ долженъ отвѣчать особой своей и имуществомъ за дѣйствія назначаемаго уѣзднымъ начальникомъ, чуждаго всей гминѣ, писаря. На такую зависимость рискуютъ охотно лишь полуграмотные и малоимущіе крестьяне.

Приходится иногда встрѣчаться съ мнѣніемъ, что стоитъ только увеличить жалованье гминнымъ писарямъ и тогда несомнѣнно не будетъ растратъ гминныхъ суммъ и дѣла въ гминномъ управленіи пойдутъ совершено правильно. Едва ли можно согласиться съ этимъ взглядомъ. Большинство уголовныхъ процессовъ доказываетъ, что чаще всего растраты и мошенничества совершаются обвиняемыми не потому, что не изъ чего

имъ было жить, а потому, что имъ хотѣлось нажиться, а контроля надъ ними не было. Что же касается правильнаго веденія гминныхъ дѣлъ, то на точное исполненіе административныхъ и полицейскихъ предписаній размѣръ жалованья, получаемаго даннымъ лицомъ, не можетъ имѣть никакого вліянія; для того же, чтобы всестороннее развитіе гминной жизни лежало на сердцѣ гминному писарю, необходимо прежде всего, чтобы онъ, гминный писарь, чувствовалъ себя близкимъ обществу, которому служитъ, сознавалъ свою отъ благосостоянія этого общества зависимость и любилъ бы это гминное общество; но этихъ чувствъ никакъ невозможно ожидать отъ назначаемыхъ, вопреки Высочайшему указу, уѣздными начальниками на должности гминныхъ писарей мелкихъ карьеристовъ, которые живутъ въ канцеляріяхъ въ постоянномъ ожиданіи перетасовки для пользы службы и, сколько бы имъ жалованья ни прибавлялось, гминными гражданами чувствовать себя никогда не будутъ. Относительно повышенія оклада жалованья для войтовъ и писарей можно навѣрно утверждать, что если только гминамъ будетъ предоставляема возможность примѣнять къ общественной жизни, на гминныхъ сходахъ, Высочайше пожалованное право вольнаго выбора войтовъ и гминныхъ писарей, то въ скоромъ времени гминное населеніе отыщетъ подходящихъ людей, которые, при отвѣтственномъ законномъ контролѣ высшаго начальства, съумѣютъ честно служить государству и оказать истинную пользу обществу, такъ что это общество охотно, само по себѣ, будетъ заботиться о благосостояніи и выгодахъ служащихъ ему по выбору должностныхъ лицъ.

Если уѣздные начальники не въ состояніи теперь слѣдить за дѣятельностью войтовъ и писарей, какъ хозяевъ гмины, а гминный сходъ, какъ это было выше

изложено, не имѣетъ для такого контроля ни умѣнія, ни силы, то въ этомъ отношеніи большія услуги могли бы оказать уполномоченные отъ гмины, которымъ, при исполненіи своихъ обязанностей [ст. 229 и 230 У. у. г. Ц. П.] [1]) легко познакомиться съ ходомъ дѣлъ въ гминномъ управленіи и въ особенности съ денежною отчетностью. Уполномоченные могли бы, мало-по-малу, ознакомлять своихъ довѣрителей, участниковъ гминныхъ сходовъ, со всѣми вопросами гминнаго управленія, каковыхъ вопросовъ они—жители гмины—не въ состояніи изучить во время сходовъ. Но большинство гминныхъ писарей не любитъ домашняго контроля, признавая на него право однимъ лишь уѣзднымъ начальникамъ, которымъ обязаны своимъ назначеніемъ, и коммисарамъ по крестьянскимъ дѣламъ, которые ревизуютъ ссудо-сберегательныя кассы. Писаря терпятъ контроль уполномоченныхъ, потому что онъ существуетъ въ силу закона, но примириться съ нимъ не могутъ, и потому стараются прежде всего, чтобы выборъ уполномоченныхъ былъ для нихъ удаченъ. Если уполномоченный оказывается выгоднымъ для писаря, послѣдній дѣлаетъ возможныя усилія, чтобы затруднять контроль, а по крайней мѣрѣ сдѣлать его поверхностнымъ. Полнѣйшая независимость гминнаго писаря отъ гминнаго схода и войта—опять и тутъ мѣшаетъ ходу дѣлъ. Писаря изготовляютъ обыкновенно проектъ бюджета и отчетъ за день до собранія гминнаго схода, а иногда въ самый день собранія схода, который производитъ повѣрку дѣйствій и учетъ должностныхъ лицъ и утверждаетъ смѣту будущихъ расходовъ. Положеніе уполномоченнаго чрезвычайно затруднительно: онъ по закону долженъ вмѣстѣ съ войтомъ сводить всѣ счеты; между тѣмъ,

[1]) Полож. Комитета по дѣл. Ц. П. 1879 Декабря 22 д. Ст. 2—4.

если только писарь не захочетъ такъ устроить дѣла, чтобы упономоченный съ войтомъ могли вмѣстѣ заниматься, то уполномоченному остается только обратиться съ жалобой къ уѣздному начальнику... Можетъ послѣдовать перемѣна писаря, но, съ перетасовкой писарей, порядокъ службы можетъ не измѣниться... Цѣлыя колонны цифръ падаютъ сразу на умы уполномоченныхъ и участниковъ схода. Нѣтъ времени все провѣрить: оправданы ли суммы расхода, мотивирована ли смѣта; хотя бы уполномоченный увидѣлъ какой либо недостатокъ или ошибку, нѣтъ возможности все растолковать мучающемуся подъ открытымъ небомъ сходу. На счетъ такого толкованія уполномоченныхъ съ жителями гмины о дѣлахъ гминнаго управленія, слѣдуетъ еще замѣтить, что, къ сожалѣнію, мѣстныя административныя власти не всегда признаютъ за уполномоченными право свободной критики гминнаго дѣлопроизводства. Разговоры уполномоченныхъ съ жителями гмины о вопросахъ гминнаго управленія внѣ гминнаго схода, въ особенности же на квартирѣ уполномоченнаго, могутъ быть разсматриваемы какъ волнованіе народа. Тайные доносы бывали часто средствомъ, употребляемымъ противъ тѣхъ лицъ, которыя мѣшали заинтересованнымъ должностнымъ лицамъ вести гминныя дѣла и распоряжаться общественными капиталами по правиламъ произвола. Такого рода отношенія губительно вліяютъ на нравственный складъ гминнаго общества и уничтожаютъ въ этомъ обществѣ чувство законности.

На основаніи вышеизложеннаго нужно заключить, что юридическій составъ гминнаго управленія: 1) гминный сходъ, 2) гминный войтъ и 3) солтысы [ст. 203] отступилъ на второй планъ, гминное управленіе фактически составляютъ: 1) уѣздный начальникъ, 2) гминный писарь и 3) земскіе стражники.

Въ постановленіи Учред. Комитета отъ 7 апрѣля 1864 г. сказано: «въ случаѣ неграмотности войта, всю «исходящую отъ него по должности переписку подписываетъ писарь, войтъ же прикладываетъ къ ней «только печать, которую, не довѣряя никому, долженъ «тщательно хранить у себя».

Это чисто казуистическое положеніе, предусматривающее случайный выборъ неграмотнаго войта, принято было за норму. Неграмотность войта и могущество писаря, вмѣсто того, чтобы исчезать по мѣрѣ развитія общественной жизни, окрѣпли и стали принципомъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ уѣздная администрація считала нужнымъ устранять всевозможными способами болѣе развитыхъ людей отъ участія въ гминныхъ дѣлахъ и, съ помощью назначаемыхъ уѣздными начальниками писарей, образованный элементъ былъ вытѣсненъ изъ гминнаго управленія.

Гмина, силою вещей, оказалась вовлеченной въ общій круговоротъ административной жизни уѣзда и стала низшею единицею чисто-административнаго управленія, совершенно пока неспособною заботиться о мѣстныхъ гминныхъ хозяйственно-общественныхъ дѣлахъ. Въ настоящее время ни правительство, ни гмина не находятъ дѣйствительнаго содѣйствія у крестьянскаго населенія губерній Царства Польскаго. Во всѣхъ финансовыхъ, хозяйственныхъ, гигіеническихъ и даже благотворительныхъ мѣропріятіяхъ высшей администраціи приходится требовать, приказывать, принуждать. На сознательное отношеніе къ этимъ мѣрамъ, на добровольное содѣйствіе со стороны крестьянъ разсчитывать нельзя, даже тогда, если рѣчь идетъ о ихъ собственныхъ самыхъ наглядныхъ выгодахъ.

Уклоненія отъ этихъ началъ, которыя были положены Высочайшимъ Указомъ 19 Февраля 1864 года,

какъ всякія вообще уклоненія отъ свѣтлой мысли, дали, можетъ быть, нежеланные, но тѣмъ не менѣе отрицательные результаты. Въ теченіе слишкомъ 35-лѣтняго своего существованія «общественное управленіе гминъ въ Царствѣ Польскомъ» не принесло истинной пользы государству, ни мѣстному краю, не успѣло нормально развиться, словно запечатанное печатью неграмотнаго войта.

Для отмѣны такого положенія дѣла, столь несогласнаго съ духомъ Высочайшаго Указа 1864 г., слѣдовало бы:

1) Возстановить силу статьи 77 Высочайшаго Указа 19 Февраля 1864 года и, согласно ст. 246 У. у. г. Ц. П., предоставить гминнымъ сходамъ и гминнымъ должностнымъ лицамъ выборъ гминныхъ писарей, а тѣмъ самымъ возстановить власть гминныхъ войтовъ.

2) Въ виду того, что ст. 229 У. у. г. Ц. П. «предоставляетъ» гминнымъ сходамъ избирать уполномоченныхъ гмины въ числѣ двухъ, для возложенія на нихъ обязанностей въ отношеніи дѣлъ, касающихся пользы и общественнаго хозяйства гмины (Пол. Ком. Цар. П. 1879 Дек. 22), но не ставитъ этого выбора въ прямую обязанность сходовъ, во многихъ гминахъ уполномоченныхъ не имѣется. Такъ какъ такіе уполномоченные повѣряютъ гминныя суммы, свидѣтельствуютъ приходо-расходныя книги, должны участвовать въ выборѣ писаря, составлять вмѣстѣ съ войтомъ и солтысами раскладку повинностей (ст. 230 У. у. г. Ц. П.), желательно было бы разъясненіе статьи 229 У. у. г. Ц. П. въ томъ смыслѣ, что каждая гмина должна обязательно избирать уполномоченныхъ.

3) Для того, чтобы гминные сходы могли въ самомъ дѣлѣ исполнять возложенную на нихъ обязанность повѣрки дѣйствій и учета должностныхъ лицъ, гминою

избираемыхъ (ст. 208 п. 6), необходимо обязать гминныя управленія: а) составлять смѣту, предстоящихъ годичныхъ расходовъ въ первой половинѣ декабря каждаго года, и такую смѣту, подписанную войтомъ, уполномоченными и солтысами, какъ проектъ бюджета, имѣющій быть утвержденнымъ сходомъ, выставлять въ гминной канцеляріи, на видномъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ за десять дней до собранія гминнаго схода; б) соблюдать такой же порядокъ относительно повѣрки дѣйствій и учета должностныхъ лицъ; а въ случаѣ если бы итоги годичнаго отчета не могли быть сведены раньше послѣднихъ дней декабря, когда собираются сходы, повѣрку дѣйствій и учетъ отложить до ближайшаго слѣдующаго схода.

4) Поощрять народное образованіе, основанное на религіозныхъ и нравственныхъ началахъ.

5) Ограничить, согласно смыслу Высочайшаго Указа 19 Февраля 1864 г. (ст. 13 и 8) и ст. 198 и 205 У. у. г. Ц. П., вмѣшательство полиціи въ дѣла гминнаго управленія, для правильнаго хода которыхъ, какъ въ государственномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи, всякія нравственныя и образовательныя мѣры лучше полицейскихъ и скорѣе доведутъ къ осуществленію той цѣли, которую благоугодно было имѣть законодателю, т.-е., по словамъ Высочайшаго Манифеста отъ 19 Февраля 1864 г., до «общаго преуспѣванія и благоденствія, водвореніе коего во всѣхъ слояхъ населенія Царства составляетъ предметъ Нашего желанія и непоколебимой надежды».

СУДЕБНОЕ ДѢЛО

ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

Въ минувшемъ столѣтіи судебное дѣло въ Царствѣ Польскомъ пережило нѣсколько фазисовъ. Въ началѣ столѣтія въ нынѣшнемъ Царствѣ Польскомъ, послѣ раздѣла Польши находившемся подъ владычествомъ Пруссіи (1795—1807), было введено какъ матеріальное прусское гражданское и уголовное право, такъ и прусскіе законы процессуальные. Въ 1807 году, послѣ учрежденія Герцогства Варшавскаго въ немъ введенъ былъ гражданскій кодексъ Наполеона, но прусскіе уголовные законы продолжали дѣйствовать. При устройствѣ Царства Польскаго въ 1815 году возникали предположенія о возстановленіи прежняго польскаго законодательства, но пересилило мнѣніе, что кодексъ Наполеона слѣдуетъ оставить въ силѣ. Уголовное законодательство представляло изъ себя смѣсь различныхъ элементовъ: прусскаго, австрійскаго и французскаго, съ незначительною примѣсью и мѣстныхъ законовъ. Это устройство привилось, и послѣ возстанія 1831 года Царство Польское сохранило свою правовую и судебную обособленность съ оффиціальнымъ польскимъ язы-

комъ. Для подготовленія чиновниковъ и судебныхъ дѣятелей для Царства, послѣ закрытія въ 1831 году Варшавскаго университета, учреждены были на юридическихъ факультетахъ двухъ университетовъ: санктъ-петербургскаго и московскаго, двѣ каѳедры въ каждомъ, на которыхъ преподавались профессорами-поляками законы Царства Польскаго на польскомъ языкѣ. Первое, незначительное, впрочемъ, начало объединенія Царства съ Имперіею положено было въ уголовномъ правѣ матеріальномъ. Профессоръ законовъ Царства Польскаго въ Петербургскомъ университетѣ Ромуальдъ Губе былъ составителемъ уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ для Имперіи 1845 г., которое потомъ съ весьма незначительными измѣненіями переработано имъ было въ особый кодексъ для Царства Польскаго: «Kodeks kar głównych i poprawczych 1847 roku».

Законы французскіе пришлись обществу польскому по душѣ и были имъ вполнѣ усвоены. Они отстаивались поляками всегда, какъ будто бы были свои собственные, національные. Они до такой степени срослись со всѣмъ нравственнымъ и экономическимъ строемъ польскаго общества, до такой степени вошли въ его плоть и кровь, что объ отмѣнѣ ихъ никогда не заходило рѣчи. Въ настоящее время проектируется въ Россіи свое гражданское уложеніе, но и оно не замѣнитъ гражданскаго кодекса Царства Польскаго, употребляемаго нынѣ въ хорошемъ переводѣ на русскій языкъ, точно такъ же какъ не замѣнитъ мѣстныхъ гражданскихъ законовъ для остзейскихъ губерній.

По части судебной организаціи въ Ц. П. до 1863 г. выдвигалась впередъ и становилась на первомъ планѣ система гражданскихъ судовъ. Она была самая солидная и казистая, построенная изъ французскаго матеріала: внизу множество мелкихъ мировыхъ судей (sędziów po-

koju) для полнаго примиренія сторонъ, намѣревающихся тягаться, для семейныхъ совѣтовъ, попеченій о малолѣтнихъ и для мелкихъ денежныхъ исковъ цѣною до 500 злотыхъ (75 рублей); затѣмъ 9 трибуналовъ первой инстанціи и одинъ коммерческій судъ въ Варшавѣ, въ видѣ перваго этажа. Надъ всѣми этими судами поставленъ былъ апелляціонный судъ въ видѣ второго этажа. Во всѣхъ этихъ гражданскихъ судахъ судопроизводство было обставлено тѣми же гарантіями для правосудія и личности, которыя впервые установлены въ Россійской имперіи судебными уставами 20 ноября 1864 г.: устностью, гласностью, дачею по нѣкоторымъ дѣламъ, касающимся общественныхъ интересовъ, заключеній чинами прокурорскаго надзора, услугами адвокатуры. Самый высшій этажъ въ французскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ, кассаціонный судъ, былъ снесенъ послѣ событій 1830—1831 лѣтъ и замѣщенъ въ 1843 г., отяготительною, совсѣмъ излишнею, третьею по существу дѣла инстанціею: IX-мъ департаментомъ Правительствующаго Сената, на манеръ сенатскихъ дореформенныхъ департаментовъ въ Имперіи. Въ немъ и устность была только ограниченная и заключалась въ чтеніи писанныхъ защитъ. Судопроизводство уголовное въ Царствѣ было гораздо хуже гражданскаго, оно стояло на одномъ уровнѣ съ россійскимъ уголовнымъ дореформеннымъ процессомъ. Оно было организовано въ томъ же инквизиціонномъ духѣ, въ которомъ писались этого рода уставы въ XVII и XVIII столѣтіяхъ (безъ всякой защиты, безъ прокуратуры), съ совмѣщеніемъ въ однихъ и тѣхъ же лицахъ функцій и розыщиковъ и судей. Кромѣ мелкихъ судовъ простой полиціи, дѣйствовало 5 судовъ исправительной полиціи, на рѣшенія которыхъ приносилась апелляція во вторую инстанцію, въ губернскій судъ, и затѣмъ въ третью инстан-

цію—апелляціонный судъ. Болѣе важныя уголовныя дѣла судились въ первой инстанціи губернскимъ судомъ, во второй—апелляціоннымъ судомъ, третью инстанцію для него образовалъ X-й Департаментъ Правительствующаго Сената, по образцу дореформенныхъ сенатскихъ департаментовъ Россіи. Въ тревожные два года (1861—1863), когда маркизъ Вѣлёпольскій пытался возстановить автономію Царства Польскаго, судебная реформа относима имъ была къ самому концу задумываемыхъ преобразованій и не дождалась своей очереди. Правительство сознало необходимость приступить къ ней не ранѣе какъ послѣ перваго рѣшительнаго своего дѣйствія, заключающагося въ крестьянской реформѣ, въ обезпеченіи сельскаго населенія указомъ 19 Февраля 1864 г., когда образовался полумилліонный классъ надѣленныхъ землею новыхъ собственниковъ и потребовался для нихъ судъ болѣе доступный, ближе къ нимъ стоящій и болѣе дешевый. При Учредительномъ Комитетѣ для преобразованій въ Ц. П. учреждена была особая юридическая коммисія, на которую возложена была выработка плана судебной реформы, но она не пошла далѣе подготовительныхъ работъ и исчезла, ничего не совершивъ. Она была закрыта вмѣстѣ съ Учредительнымъ Комитетомъ 18 Ноября 1870 г. Къ судебной реформѣ въ Ц. П. приступлено было по почину не изъ Варшавы, а изъ С.-Петербурга, когда рѣшились распространять на окраины государства, созданные для его центра, уже увѣнчавшіеся большимъ успѣхомъ на практикѣ, судебные уставы 30 ноября 1864 года. Видоизмѣненные судебные уставы Высочайше утверждены только 19 Февраля 1875 г. — введены въ дѣйствіе только лѣтомъ 1876 года. Всѣ спеціальныя приспособленія судебныхъ уставовъ по окраинамъ отличались отъ своего первообраза тѣмъ, что были гораздо менѣе

либеральны, что вводились съ значительными урѣзками, тѣмъ болѣе значительными, чѣмъ меньшая была степень довѣрія правительства къ мѣстному населенію въ виду національныхъ и инородних примѣсей въ странѣ и въ особенности въ виду свѣжихъ воспоминаній о бывшихъ въ этой странѣ смутахъ. Эта недовѣрчивость прямо была высказана въ слѣдующихъ словахъ Комитетомъ по дѣламъ Ц. П. отъ 24 Февраля 1865 года: «революціонные элементы могутъ найти себѣ убѣжище подъ покровомъ судебныхъ гарантій и даже обратиться въ политическое орудіе противъ законной власти, почему при новомъ устройствѣ судовъ необходимо имѣть въ виду не одни общераспространенныя критическія начала, но преимущественно всѣ интересы государственные». Очевидно, что и польза отъ такихъ видоизмѣненныхъ уставовъ съ урѣзками могла быть меньшая, и принимались они населеніемъ менѣе охотно, въ особенности если это приспособленіе уставовъ 30 ноября 1864 г. сопряжено было съ такою крупною ломкою вѣковыхъ привычекъ, какую составляло введеніе въ судопроизводство государственнаго русскаго языка, вмѣсто того мѣстнаго языка, на которомъ до тѣхъ поръ отправлялось правосудіе.—Польза всякаго нововведенія оцѣнивается не сразу, а только по опыту, значительно позже его водворенія, а между тѣмъ сіе водвореніе было тѣмъ болѣе затруднительно и тягостно для мѣстныхъ жителей, что они не умѣли еще объясняться на чужомъ языкѣ, что они не понимали всего, чтó происходитъ на судѣ и что они знали, что судить ихъ будутъ люди не вполнѣ ихъ понимающіе, незнакомые съ условіями ихъ быта, наконецъ и потому, что производство суда обусловливалось участіемъ замедляющихъ ходъ дѣла переводчиковъ, нерѣдко искажающихъ сущность дѣла. Даже и хорошіе переводчики не все пе-

редаютъ, что говорится, и передаютъ не такъ, какъ говорится, а съ искаженіями или прибавками. Перемѣна языка неизбѣжно уменьшаетъ популярность всякаго даже и полезнаго учрежденія. Само учрежденіе привлекало бы, но тому противодѣйствовалъ языкъ, мѣшающій ассимиляціи. По существу дѣла наиболѣе требовалась ассимиляція юридическими учрежденіями, а примѣнялась искусственная филологическая—языкомъ, причемъ самымъ рѣзкимъ образомъ выражалась противоположность двухъ цѣлей реформы: юридической и филологической. Первая несомнѣнно важнѣе, но она приносилась въ жертву другой—второстепенной. Настоящее положеніе вопроса о языкѣ на судѣ въ Царствѣ Польскомъ требуетъ нѣкотораго поясненія.

Ст. 464 учрежденія суд. установ. содержитъ въ себѣ правило, что судопроизводство въ судебныхъ установленіяхъ варшавскаго судебнаго округа производится на русскомъ языкѣ. Это правило соблюдается неотступно и вполнѣ въ общихъ судахъ, но въ примѣненіи къ низшей юстиціи, къ такъ называемой мировой по судебнымъ уставамъ, сила вещей взяла свое, если не въ городахъ, гдѣ дѣйствуютъ мировые судьи, то среди сельскаго населенія, тѣмъ болѣе, что въ этихъ мѣстностяхъ дѣйствуютъ гминные судьи и лавники, избираемые изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ. Только такою силою вещей можетъ быть объяснено то обстоятельство, что въ дополненіе къ положенію 19 Февраля 1875 г. о судебной реформѣ для Царства изданъ былъ 17 Іюня 1876 г. добавочный законъ, составляющій примѣчаніе къ 464 учр. суд. уст., по которому при обязательности того, чтобы приговоры, рѣшенія, опредѣленія и вообще письменные акты, отъ суда исходящіе, были излагаемы на русскомъ языкѣ, допущено однако употребленіе и того языка, на которомъ говоритъ мѣстное населеніе

въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны и участвующія въ дѣлѣ лица не знаютъ русскаго языка. Четверть вѣка продолжается это исключеніе, имѣющее видъ льготы. Когда при новѣйшемъ пересмотрѣ судебныхъ уставовъ Высочайше утвержденною Коммисіею возникъ вопросъ, не слѣдовало ли бы эту льготу отмѣнить или ограничить, то огромнымъ большинствомъ и спрошенныхъ свѣдущихъ людей изъ магистратуры варшавскаго судебнаго округа, и членовъ Коммисіи признано, что такъ какъ знаніе русскаго языка дѣлаетъ между крестьянами малые успѣхи, то примѣчаніе къ ст. 464 должно остаться въ полной силѣ, безъ всякихъ измѣненій по существу. Замѣтимъ, что допускаемое въ примѣчаніи къ 464 статьѣ употребленіе не русской рѣчи при судоговореніи необязательное, а только факультативное и допускается только для сторонъ и свидѣтелей, не знающихъ русскаго языка, что всякое принудительное распространеніе языка не располагаетъ въ пользу этого языка, но возстановляетъ противъ него населеніе.

Имѣется еще одно весьма важное соображеніе въ пользу того, чтобы не трогать примѣчанія къ 464 статьѣ и, можетъ быть, даже въ пользу того, чтобы распространить его на общіе суды. Его соблюдали суды за всѣ прошедшія 25 лѣтъ, даже и въ тѣ годы, когда, съ одной стороны, проводилась энергическая система обрусенія края посредствомъ вытѣсненія польскаго языка не только изъ суда и школы, но даже и изъ общественной жизни, а съ другой стороны вслѣдствіе того росло и усиливалось въ народонаселеніи холодное озлобленіе по отношенію къ русскому языку. Всякій новый наступательный шагъ, который бы принудительно распространялъ широкій уже районъ русскаго языка въ жизни, пробудилъ бы вновь всѣ улегшіяся опасенія и непріязни и уничтожилъ бы, безъ всякой пользы для

государства и въ прямой вредъ ему, всѣ уже изданныя и намѣченныя правительственныя мѣропріятія, направленныя къ тому, чтобы сдѣлать мѣстныхъ обывателей мирными гражданами и вѣрноподданными. Требованія государства по отношенію къ языку въ области суда не должны идти дальше того, чтобы рѣшенія, приговоры, опредѣленія и всякіе отъ суда исходящіе акты были объявляемы и излагаемы на русскомъ языкѣ. При стремленіи перешагнуть эти предѣлы невольно возбуждается вопросъ: судъ ли существуетъ для потребностей населенія или населеніе для проявленія дѣятельности суда? Вполнѣ понятно, что на первыхъ порахъ при введеніи въ Ц. П. суда на русскомъ языкѣ по уставамъ 20 ноября 1864 г., при неизвѣстности, пригодятся или не пригодятся для пополненія его какіе либо мѣстные элементы, и при комплектованіи его главнымъ образомъ вызываемыми изъ чисто русскихъ губерній дѣятелями, необходимо было прибѣгать обязательно къ посредству оффиціальныхъ переводчиковъ. Нынѣ это затрудненіе или не существуетъ, или легко могло бы быть устранено. Вопросъ о языкѣ въ судахъ Ц. П. имѣетъ существенное значеніе въ примѣненіи къ польскому языку, такъ какъ о литовскомъ и нѣмецкомъ этотъ вопросъ не возбуждался до 1876 г., когда судъ производили только на польскомъ языкѣ, онъ не возбуждался и послѣ 1876 г., когда судъ сталъ производиться только на русскомъ. Оба языка, русскій и польскій—славянскіе, значитъ родственные. Русскихъ людей, являющихся соискателями должностей по судебной части въ Ц. П., нынѣ много. Цѣлесообразно было бы поставить условіемъ для принятія кандидатовъ на службу знаніе польскаго языка.—Для подкрѣпленія этого предложенія можно бы сослаться на мнѣніе, высказанное несомнѣнно компетентнымъ по этому вопросу государ-

ственнымъ человѣкомъ, К. П. Побѣдоносцевымъ, который выразилъ однажды, что, «по его глубокому убѣжденію, было бы весьма важно, чтобы и русскіе, подготовляющіеся для дѣятельности въ Ц. П. или на другихъ окраинахъ, были достаточно знакомы съ мѣстными нарѣчіями, что къ сожалѣнію, не соблюдается». Допустимъ, что это условіе будетъ узаконено, тогда примѣчаніе ст. 464 надлежало бы распространить въ городахъ на производство у Мировыхъ Судей и въ Мировыхъ Съѣздахъ и даже во всѣхъ общихъ судахъ. Польскій простолюдинъ въ городѣ въ правѣ пользоваться такою же льготою, какою пользуется простолюдинъ въ селеніи: объясняться на своемъ родномъ языкѣ. Что касается до Окружныхъ судовъ и Судебной палаты, если бы даже и допустить, что разрѣшеніе объясненій на родномъ языкѣ тяжущимся, обвиняемымъ и свидѣтелямъ могло бы повести къ тому, что льготою будутъ пользоваться демонстративно люди хорошо владѣющіе русскимъ языкомъ, то не имѣется никакого резоннаго основанія лишать ихъ этого права. Демонстративный характеръ теряетъ все то, что позволено.

Распространеніе на Царствѣ Польскомъ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., хотя и лишенныхъ тѣхъ качествъ, которыя ихъ дѣлаютъ въ коренной Россіи наиболѣе цѣнными для населенія, повлекло за собою то послѣдствіе, что на будущее время улучшеніе судебной части въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа стало не мѣстнымъ, а всероссійскимъ вопросомъ, прямо связаннымъ съ судьбами всего судопроизводства въ имперіи отъ Балтійскаго и Чернаго морей до Восточнаго Тихаго океана. Жители Царства заинтересованы съ одной стороны въ томъ, чтобы сдѣлаться и въ судебномъ отношеніи полноправными гражданами Россіи, значитъ въ

томъ, чтобы пользоваться учрежденіями не хуже тѣхъ, какими пользуются жители областей, состоящихъ на общемъ положеніи и имѣющихъ уставы нормальные, безъ урѣзокъ; съ другой стороны мѣстные жители должны заботиться о томъ, чтобы предпринятый нынѣ пересмотръ всѣхъ судебныхъ уставовъ не обратился имъ въ ущербъ такъ, чтобы проектируемые новые уставы не вышли хуже тѣхъ, которыми они пользуются въ настоящую минуту. Съ обѣихъ этихъ точекъ зрѣнія слѣдуетъ разобрать и обсудить каждое изъ судебныхъ учрежденій Ц. П., либо отступающихъ отъ нормъ, предустановленныхъ для коренныхъ центральныхъ областей Россіи, либо предлагаемыхъ ко введенію вновь въ пересматриваемые теперь судебные уставы.

Всѣ отступленія отъ нормъ уставовъ 20 ноября 1864 г., допущенныя въ особомъ положеніи для Варшавскаго судебнаго округа, вызваны были отдѣльными соображеніями, выраженными въ приведенномъ нами выше журналѣ Комитета по дѣламъ Ц. П. 24 Февраля 1865 г., изъ которыхъ въ одномъ замѣчалось недовѣріе къ политической благонадежности всѣхъ классовъ населенія Ц. П., кромѣ одного простонародья, притомъ не городского, а только сельскаго, а другое состояло въ желаніи оградить интересы большинства народа (то-есть собственно крестьянъ), вызваннаго правительствомъ къ новой гражданской жизни. Обѣ эти задачи, до извѣстной степени противоположныя, выразились: во 1-хъ, въ полномъ устраненіи отъ участія въ отправленіи правосудія общественнаго элемента въ видѣ или присяжныхъ засѣдателей, или сословныхъ представителей; во 2-хъ, въ образованіи для сельскаго населенія въ Ц. П. особыхъ коллегіальныхъ гминныхъ судовъ. Разсмотримъ отдѣльно каждое изъ этихъ отступленій отъ судебныхъ уставовъ.

По дѣйствующей 1309 ст. Уст. угол. суд. дѣла о болѣе тяжкихъ преступленіяхъ вѣдаются въ Варшавскомъ судебномъ округѣ окружнымъ судомъ безъ присяжныхъ засѣдателей, а по ст. 1309[1] къ этому округу не примѣняется ст. 201[1] угол. суд., устанавливающая подсудность особыхъ самоважнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ судебнымъ палатамъ съ сословными представителями, что̀ и понятно, такъ какъ въ Ц. П. не имѣется корпоративно устроенныхъ отдѣльныхъ состояній и сословій Имперіи, какъ-то: дворянства, горожанъ, крестьянъ, а существуетъ только перемолотая какъ бы на одну муку, безсословная масса, въ которой личности группируются по роду занятій, по средствамъ существованія и по образованію. Вообще говоря, юстиція страдаетъ, если въ судопроизводствѣ совсѣмъ отсутствуетъ народный общественный элементъ и если правосудіе сосредоточено въ рукахъ однихъ коронныхъ судей-техниковъ, юристовъ. Для доказательства приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ трудовъ Коммисіи по пересмотру судебныхъ уставовъ. Въ объяснительной запискѣ по учрежд. суд. устан. т. I, стр. 4 сказано: «незамѣнимо въ извѣстныхъ случаяхъ участіе общественнаго элемента въ лицѣ обывателей, несущихъ государственную повинность по отправленію правосудія». Предсѣдатель Коммисіи, Министръ Юстиціи Н. В. Муравьевъ сказалъ въ Коммиссіи по уголовному судопр. (объяснит. записк., т. II, стр. 76), «что въ 1864 г. судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей явился лишь новою формою стародавняго русскаго начала, нынѣ же судъ коронный безъ общественнаго элемента былъ бы въ Россіи совершеннымъ новшествомъ, безпочвенною пробою, неизвѣданною загадкою будущаго».—При отсутствіи въ Царствѣ Польскомъ сословій и вмѣстѣ съ тѣмъ матеріала для образованія суда съ сословными представите-

лями, участіе народнаго элемента въ уголовномъ судѣ могло бы выразиться только въ видѣ суда съ присяжными засѣдателями, но его примѣненіе къ Царству въ 1876 г. при введеніи судебныхъ уставовъ признавалось невозможнымъ не потому, что край не былъ еще усмиренъ въ тринадцать лѣтъ послѣ смуты, но главнымъ образомъ вслѣдствіе незнакомства населенія съ русскимъ языкомъ.

Сильное желаніе мѣстнаго населенія принимать участіе въ отправленіи правосудія не подлежитъ сомнѣнію. Съ другой стороны, въ правительственной Коммисіи по пересмотру судебныхъ уставовъ явилась мысль восполнить недостатокъ, заключающійся въ полномъ отсутствіи общественнаго элемента въ судѣ на окраинахъ, введеніемъ туда новаго своеобразнаго института присяжныхъ засѣдателей особаго состава, который въ центральной Россіи предполагается какъ учрежденіе, посредствующее между судомъ съ присяжными общаго состава и судомъ съ сословными представителями, а на окраинахъ онъ будетъ заступать вполнѣ теперешній судъ съ присяжными засѣдателями и будетъ кромѣ того вѣдать значительную часть дѣлъ, которыя вѣдаются нынѣ въ коронной Россіи судами съ сословными представителями. Чтобы постигнуть пользу отъ этого института и цѣлесообразность его, необходимо вникнуть въ его существо и сопоставить его съ институтами какъ присяжныхъ засѣдателей общаго состава, такъ и сословныхъ представителей.

По уставу угол. суд. (ст. 1030) государственныя преступленія, если они маловажныя, не влекущія за собою лишенія правъ, вѣдались Судебными Палатами, съ переносомъ по апелляціи въ Сенатъ, если же они были поважнѣе, то рѣшались окончательно, либо особымъ присутствіемъ палаты съ сословными представителями, либо особымъ присутствіемъ Сената съ сослов-

ными представителями, либо наконецъ верховнымъ уголовнымъ судомъ. Такимъ образомъ по первоначальному плану судебныхъ уставовъ сословные представители ни въ какихъ иныхъ дѣлахъ, кромѣ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, не участвовали.

Судебная практика указала, однако, на неудовлетворительность дѣятельности суда съ присяжными засѣдателями по нѣкотораго рода дѣламъ, которыя были затѣмъ изъ вѣдѣнія его изъяты и переданы суду Судебной Палаты, дѣйствующей съ сословными представителями. По этимъ родамъ дѣлъ усмотрѣно, что присяжные дѣйствуютъ слишкомъ снисходительно къ обвиняемымъ, что они мало способны становиться при сужденіи ихъ на государственную точку зрѣнія, напримѣръ, по преступленіямъ противъ порядка управленія, или по дѣламъ о преступленіяхъ по службѣ государственной или общественной, или по особенно сложнымъ и тонкимъ преступленіямъ служащихъ въ общественныхъ или частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. По всѣмъ однако попыткамъ найти судъ болѣе репрессивный, нежели присяжные засѣдатели, достигнутъ былъ однако только тотъ отрицательный результатъ, что судъ палаты, дѣйствующей вмѣстѣ съ сословными представителями, оказался тоже неудовлетворительнымъ. Новая юрисдикція признана въ одинаковой мѣрѣ мало репрессивною, но стоила болѣе хлопотъ и сопряжена была съ гораздо бо̀льшими расходами для казны. При новѣйшемъ пересмотрѣ особою Коммисіею судебныхъ уставовъ она предложила: 1) сдѣлать поворотъ назадъ къ первичному плану судебныхъ уставовъ и ограничить судъ съ сословными представителями только одними государственными преступленіями, не влекущими за собою потери правъ; 2) всѣ затѣмъ дѣла, изъятыя постепенно изъ вѣдѣнія обыкновенныхъ присяжныхъ засѣдателей и пе-

реданныя сословнымъ представителямъ, требующія для ихъ рѣшенія особыхъ познаній или знакомства съ службою государственною или общественною, передать опять окружному суду, но только дѣйствующему при участіи присяжныхъ засѣдателей не общаго, а особаго состава, отличающагося отъ перваго тѣмъ, что отъ нихъ требуется повышенный цензъ имущественный и образовательный. Такъ какъ всѣ такіе засѣдатели особаго состава и матеріально обезпечены, и кончили курсъ наукъ по крайней мѣрѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ они принадлежатъ къ высшему слою общества, въ которомъ русскій языкъ въ Царствѣ Польскомъ болѣе распространенъ, нежели въ простонародіи, то этотъ институтъ можно бы ввести безотлагательно во всѣ окраины и вполнѣ замѣстить имъ присяжныхъ общаго состава въ мѣстностяхъ, гдѣ до сихъ поръ никакіе присяжные не допускались къ участію въ судѣ по соображеніямъ политическаго, племенного и религіознаго свойства, или въ виду недостаточной культурности края. Такимъ образомъ институтъ присяжныхъ засѣдателей особаго состава проектируется нынѣ въ двоякомъ видѣ, въ одномъ для центра государства, а въ другомъ для окраины. Въ центрѣ государства ему предполагаютъ поручить только особенно сложныя и трудныя дѣла, не заключающія въ себѣ прямыхъ посягательствъ на государство, такъ что онъ будетъ дѣйствовать паралелльно суду присяжныхъ общаго состава и совмѣстно съ нимъ. Но на окраинахъ судъ съ присяжными особаго состава будетъ единственный судъ съ присяжными и будетъ вѣдать всѣ уголовныя дѣла, влекущія за собою потерю или ограниченіе правъ, разумѣется, за исключеніемъ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Самая идея суда съ присяжными какого бы то ни

было состава, общаго или особаго, не можетъ не быть привлекательна и заманчива для страны, которой были чужды донынѣ присяжные и того и другого сорта. Это нововведеніе освободило бы сразу уголовное судопроизводство въ Царствѣ Польскомъ отъ безполезной въ большинствѣ случаевъ, отяготительной и задерживающей ходъ уголовнаго правосудія апелляціонной инстанціи, неизбѣжной въ судахъ, дѣйствующихъ только въ составѣ коронныхъ судей безъ общественнаго элемента. Но въ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ оба вида присяжныхъ общаго и особаго состава будутъ дѣйствовать одновременно и паралельно, самое ихъ совмѣстное существованіе не можетъ не возбудить толковъ и сужденій о томъ, который изъ двухъ составовъ цѣлесообразнѣе и потому предпочтительнѣе? Старый судъ съ присяжными по образцу англійскаго jury, распространившійся по всей Европѣ и принятый въ Россіи, имѣетъ многочисленныхъ и горячихъ приверженцевъ, которые, отстаивая его, не могутъ не указать на то, что нововведеніе только по виду будетъ именоваться судомъ присяжныхъ, а въ дѣйствительности оно будетъ судомъ совсѣмъ иного типа, построеннымъ на совершенно другихъ основаніяхъ. Тонкій слой образованныхъ людей не можетъ ставить на каждую сессію полныхъ комплектовъ присяжныхъ засѣдателей (30—36 человѣкъ) для выбора изъ нихъ традиціоннаго числа 12 присяжныхъ. Потребуется на сессію 18 человѣкъ или меньше, а на каждое дѣло избранныхъ по жребію 9 или 7 человѣкъ. И отношеніе этихъ засѣдателей по жребію къ короннымъ судьямъ будетъ совсѣмъ иное, значительно уклоняющееся отъ начала раздѣльности функцій техниковъ юристовъ и обыкновенныхъ присяжныхъ. Присяжные особаго состава не будутъ рѣшать только о томъ, кто и въ чемъ виновенъ, а коронные судьи не

будутъ примѣнять законъ только одни, но наступитъ сліяніе коронного и народнаго элемента на равныхъ правахъ въ одной коллегіи, рѣшающей совмѣстно о степени вины и о мѣрѣ наказанія, съ предоставленіемъ старшему коронному судьѣ руководительства при совѣщаніяхъ. Положимъ, что при голосованіи народные судьи будутъ подавать голоса ранѣе коронныхъ и даже, что личный ихъ составъ будетъ значительнѣе короннаго ($^2/_3$ и $^1/_3$), но на сторонѣ коронныхъ будетъ всегда значительный перевѣсъ по бо̀льшему знанію ими закона и по сильному вліянію лицъ въ немъ предсѣдательствующихъ на остальныхъ членовъ его состава. Приговоры такого смѣшаннаго суда не могутъ быть сравниваемы съ вердиктами присяжныхъ. Они не джюри по англійскому типу, а шёффены по германскому. Нельзя сказать, чтобы такой судъ шёффеновъ утвердился гдѣ бы то ни было прочно и имѣлъ на своей сторонѣ свидѣтельство опыта. Онъ существуетъ пока въ Женевскомъ кантонѣ Швейцаріи; въ Германіи онъ не прошелъ въ общей высшей юстиціи, а только дѣйствуетъ въ низшихъ судахъ, соотвѣтствующихъ нашей мировой юстиціи. Замѣтимъ, что въ этомъ послѣднемъ видѣ онъ знакомъ и населенію Царства Польскаго. Германскій судъ съ шеффенами вполнѣ соотвѣтствуетъ гминному суду съ лавниками, въ особенности въ тѣхъ гминахъ, гдѣ гминный судья не по выборамъ, а по назначенію министра юстиціи. Само имя Schoeffen происходитъ отъ scabini, то-есть скамейщики или лавники. Это институтъ по происхожденію своему феодальный, заимствованный древнимъ польскимъ правомъ изъ тевтонскаго или нѣмецкаго, по которому мѣстный вотчинный судья, Vogt, а по-польски войтъ, чинилъ судъ и расправу совмѣстно съ понятыми изъ мѣстныхъ жителей людьми.

Усвоено ли будетъ русскимъ законодательствомъ предлагаемое ему нововведеніе въ видѣ присяжныхъ засѣдателей особаго состава?—это вопросъ будущаго. Будетъ ли онъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ—пока сомнительно. Онъ не можетъ не встрѣтить сильнаго сопротивленія со стороны приверженцевъ суда съ присяжными по англійскому типу, опасающихся, не безъ основанія, чтобы новые пересмотрѣнные судебные уставы не отступили отъ духа и коренныхъ основъ судебной реформы 1864 г., чтобы такъ называемые присяжные особаго состава не вытѣснили современемъ прежнихъ присяжныхъ засѣдателей общаго состава. Не подлежитъ спору, что отъ нововведенія пострадаетъ прежде всего простота плана первоначальнаго устройства уголовнаго суда. Будетъ совмѣстно существовать множество судебныхъ органовъ, различно устроенныхъ и дѣйствующихъ по различнымъ методамъ изслѣдованія, будутъ существовать: суды чисто коронные съ двумя инстанціями по существу дѣлъ; суды съ сословными представителями по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ; суды съ присяжными засѣдателями особаго состава, сплоченные въ одну коллегію съ коронными судьями и невольно напоминающіе бывшихъ засѣдателей дореформеннаго періода по учрежденіямъ Екатерины II; наконецъ, суды съ настоящими присяжными засѣдателями, къ которымъ русское общество привыкло и приноровилось. Въ судебномъ дѣлѣ неудобно вводить и узаконивать нѣсколько противоположныхъ методовъ изслѣдованія и ставить, такимъ образомъ, исходъ дѣла въ зависимости отъ того, по какому методу его будутъ рѣшать. Неудобно само установленіе двухъ, параллельно дѣйствующихъ, методовъ изслѣдованія при двухъ разныхъ составахъ присяжныхъ засѣдателей и при признаваемой Коммисіею для пересмотра судебныхъ уставовъ

большой популярности у насъ суда съ присяжными общаго состава. Если бы привился и укоренился судъ съ присяжными особаго состава и если бы онъ оказался болѣе удобнымъ для правительства, успѣхъ его могъ бы несомнѣнно повести къ упраздненію суда съ присяжными общаго состава, въ особенности, если этотъ успѣхъ отразится на окраинахъ, гдѣ присяжные засѣдатели особаго состава будутъ дѣйствовать одни, вполнѣ замѣщая присяжныхъ общаго состава.

По весьма вѣрному и глубокомысленному замѣчанію Коммисіи для пересмотра судебныхъ уставовъ (объясн. записка къ учр. суд. уст. ст. 13), «судъ долженъ быть равный для всѣхъ не только въ смыслѣ совокупности всѣхъ сословій, но въ смыслѣ совокупности всѣхъ единицъ государственной территоріи». Иными словами выражая ту же мысль, слѣдуетъ признать, что если временно при введеніи равнаго во всѣхъ областяхъ государства суда явится неизбѣжность допущенія изъятія изъ признанной цѣлесообразною нормы для цѣлаго государства, то только временно и съ твердымъ предвзятымъ намѣреніемъ осилить когда-нибудь въ будущемъ препятствія, вызвавшія отступленіе отъ этой нормы и подвести въ концѣ концовъ судебныя учрежденія области подъ одинъ знаменатель съ остальною массою государства. Безъ этого непрерывнаго стремленія къ объединенію частей можетъ случиться, что временно допущенное изъятіе изъ коренныхъ началъ суда, распространяясь по окраинамъ, превратится само въ общее правило и своимъ воздѣйствіемъ на центръ государства поведетъ къ отмѣнѣ въ самомъ центрѣ тѣхъ гарантій правосудія, охраняющихъ личность человѣка, которыя были лучшимъ украшеніемъ судебныхъ уставовъ въ ихъ первоначальной редакціи 1864 года. Общій характеръ совокупности новыхъ проектируемыхъ уставовъ

тотъ, что они составлены въ реакціонномъ духѣ; разительнымъ примѣромъ такого неблагопріятнаго воздѣйствія окраинъ на сердцевину государства является мировая юстиція, которою русскіе гордились, а между тѣмъ нынѣ она безъ достаточнаго повода предполагается къ сносу и упраздненію. Она была выборная съ переносомъ дѣлъ во вторую товарищескую съѣздовую инстанцію и состояла вмѣстѣ съ общими судами подъ общимъ куполомъ Сената, какъ кассаціоннаго суда. Но при введеніи судебныхъ уставовъ на окраинахъ этотъ выборный мировой судъ пришлось замѣстить коронными чиновниками того же наименованія, а затѣмъ 12 іюля 1889 г. послѣдовало учрежденіе коронныхъ чиновниковъ—земскихъ начальниковъ, сопровождаемое для низшей юстиціи разрушеніемъ единства кассаціонной инстанціи, а нынѣ проектируется учрежденіе участковыхъ мировыхъ судей, стирающее окончательно даже и само воспоминаніе о бывшей выборной мировой юстиціи и о съѣздахъ мировыхъ судей.

При полной неизвѣстности, каковъ будетъ успѣхъ въ законодательномъ порядкѣ идеи о судѣ съ присяжными особаго состава, необходимо разсмотрѣть тотъ и другой исходъ законодательной попытки. Либо она осуществится—тогда по всей вѣроятности, при чрезвычайной затруднительности, въ виду громаднаго объема государства, всякихъ общихъ или частичныхъ перемѣнъ, придется населенію Царства Польскаго разстаться надолго съ надеждами получить когда-либо судъ съ настоящими присяжными засѣдателями. Дѣйствовать будутъ въ этомъ краѣ только суды съ присяжными особаго состава, причемъ постороннему русскому наблюдателю не можетъ не показаться страннымъ, что въ странѣ, въ которой власть имѣетъ по общепринятому мнѣнію точки опоры главнымъ образомъ въ низшихъ классахъ,

будетъ водворенъ судъ гораздо болѣе «аристократическій», нежели въ остальной имперіи, то-есть заимствующій составъ своего народнаго элемента не изъ низшей или средней массы населенія, а изъ одного только самаго тонкаго верхняго его пласта.

Перейдемъ къ другому изъ двухъ единственно возможныхъ предположеній, что идея присяжныхъ засѣдателей особаго состава будетъ отвергнута. Спрашивается: неужели въ такомъ случаѣ все останется по старому? неужели судъ будетъ обходиться безъ всякаго народнаго элемента, безъ котораго, по единогласному убѣжденію членовъ всей коммисіи для пересмотра судебныхъ уставовъ, судъ въ Россіи въ настоящее время нежелателенъ и даже недопустимъ? Неужели не будетъ сдѣлана попытка сплоченія этого «сепаратически выдѣляющагося» края съ цѣлымъ государствомъ посредствомъ распространенія и на него нормальныхъ неурѣзанныхъ учрежденій. Неужели не будетъ измѣнена та, остающаяся донынѣ въ ходу по силѣ инерціи, политика, которая клонилась къ тому, чтобы держать населеніе края въ черномъ тѣлѣ и не допускать его до равноправности съ населеніемъ коренной Россіи? Намъ кажется, что такое рѣшеніе вопроса невозможно, тѣмъ болѣе, что имѣется въ наличности средство избѣжать такой крупной политической ошибки. Это средство заключается въ введеніи въ Царствѣ Польскомъ института присяжныхъ засѣдателей общаго состава. Если бы существовали еще кой-какія опасенія относительно правильности сужденій мѣстныхъ обывателей о преступленіяхъ противъ порядка управленія и о преступленіяхъ по государственной службѣ или иныхъ, то можно бы ихъ изъять изъ вѣдѣнія суда съ присяжными общаго состава и передать судамъ изъ однихъ коронныхъ чиновниковъ или сановниковъ, какъ это дѣлается въ Царствѣ Поль-

скомъ и теперь. Вообще даже и въ такомъ случаѣ, если бы судъ съ присяжными засѣдателями особаго состава былъ введенъ въ законодательство для всей имперіи со включеніемъ и Царства Польскаго, то во избѣжаніе обвиненія нашихъ законодателей, что они вводятъ въ Царствѣ Польскомъ судъ крайне аристократическій, слѣдовало бы уравнять варшавскій округъ съ другими округами и водворить въ этомъ краѣ оба параллельно дѣйствующіе вида суда съ присяжными засѣдателями и общаго, и особаго состава. Само собою разумѣется, что въ судахъ варшавскаго округа будутъ дѣйствовать, въ качествѣ народнаго элемента, мѣстные обыватели, большею частью поляки; выше мы выразили желаніе, чтобы и на этотъ судъ было распространено примѣчаніе къ 464 ст. учр. суд. уст. о допущеніи употребленія мѣстнаго языка сторонами по дѣлу и свидѣтелями, не знающими русскаго языка, безъ переводчика. Спрашивается, кто же въ такихъ судахъ нуждался бы въ переводчикѣ? конечно, никакъ уже не стороны и не присяжные засѣдатели, а только развѣ коронные судьи и прокуратура. Вопросъ этотъ донынѣ ставился самымъ неправильнымъ образомъ. Спрашивалось, какого происхожденія должны быть лица, назначаемыя въ должности судей или чиновъ прокурорскаго надзора: русскіе или поляки? При самомъ введеніи въ дѣйствіе судебной реформы въ Царствѣ Польскомъ въ 1876 г. при министрѣ юстиціи графѣ К. И. Паленѣ и потомъ, при Д. Н. Набоковѣ, господствовало убѣжденіе въ полной необходимости того, чтобы въ личномъ составѣ и магистратуры и прокуратуры одинаково участвовали и тѣ и другіе. Принято было правило, неопубликованное въ формѣ закона, но соблюдавшееся въ теченіе многихъ лѣтъ, чтобы на всѣхъ ступеняхъ судебной лѣстницы половина мѣстъ предоставляема была русскимъ

дѣятелямъ, а половина мѣстнымъ уроженцамъ, значитъ полякамъ. При замѣщеніи вакансій послѣ выбывающихъ на этихъ должностяхъ лицъ, различаемы были постоянно русскія и польскія вакансіи. Къ сожалѣнію, эта практика выведена изъ употребленія: изъ числа служащихъ по судебной части поляковъ остались теперь рѣдкія доживающія свой вѣкъ единицы, всѣ вакантныя должности замѣщаются только русскими, не задающими себѣ труда знакомиться съ языкомъ населенія, среди котораго они дѣйствуютъ. Суды не могутъ вообще считаться нормально дѣйствующими въ странѣ, если они состоятъ изъ лицъ, которыя чужды совсѣмъ странѣ, которой служатъ. Съ другой стороны, отъ кандидата на мѣсто по судебной части съ преобладающимъ населеніемъ, не употребляющимъ русскаго языка, государство можетъ требовать, не спрашивая даже о томъ, какого онъ происхожденія, чтобы онъ, кромѣ русскаго языка, зналъ удовлетворительно мѣстный языкъ. При поступленіи на должность эти кандидаты должны бы подвергаться въ этомъ знаніи испытанію. Это условіе весьма существенно при исполненіи судейскихъ обязанностей; оно еще существеннѣе для соискателей мѣстъ по прокуратурѣ, а что касается судебныхъ слѣдователей, то сіи послѣдніе добиваются истины по самымъ отдаленнымъ уликамъ, открываемымъ съ трудомъ въ громадной массѣ свидѣтельскихъ показаній лицъ, не владѣющихъ русскимъ языкомъ, и въ кипахъ переписки частной на польскомъ языкѣ. Слѣдователь, не знающій мѣстнаго языка и дѣйствующій только при пособіи переводчика, похожъ на слѣпого, ищущаго ощупью то, что зрячій человѣкъ отличитъ по первому взгляду. Къ сожалѣнію, весь личный составъ слѣдователей и прокуратуры въ Царствѣ Польскомъ состоитъ сплошь изъ

однихъ только русскихъ людей, не знающихъ большею частью совсѣмъ польской грамоты.

Отъ общихъ судовъ высшаго порядка перейдемъ къ низшей юстиціи, къ городскимъ мировымъ судьямъ и къ сельскимъ гминнымъ судамъ, свойственнымъ въ предѣлахъ Россіи только Царству Польскому и ни на какіе другіе русскіе суды непохожимъ. При изученіи общихъ судовъ въ Царствѣ приходилось желать, чтобы они сдѣлались одинаковыми съ таковыми же судами середины государства, и чтобы были отмѣнены по возможности скорѣе тѣ изъятія, ограниченія и отступленія отъ нормальнаго общаго типа, которыя большею частью были устанавливаемы только временно, но нынѣ, послѣ успокоенія края, потеряли свою цѣлесообразность и пригодность. Гминные суды, напротивъ того, совсѣмъ не предполагаются къ упраздненію; напротивъ того, слѣдовало бы, быть можетъ, желать, чтобы Имперія ихъ позаимствовала.

Они не связаны съ древнимъ бытомъ Польши, съ шляхетскими преданіями. Если Н. А. Милютинъ и его сподвижники по крестьянской реформѣ въ Ц. П. 1864 г. остановились на гминѣ и на гминномъ судѣ, то они поступили такъ, потому что въ силу своихъ славянофильскихъ стремленій они имѣли въ виду возрожденіе польскаго народа снизу, начиная съ мужика. Они ставили себѣ цѣлью не только обезпечить крестьянъ земельнымъ надѣломъ, но и учредить отдѣльное самоуправленіе крестьянъ съ общиннымъ владѣніемъ землею и круговою порукою общинниковъ. Эти надежды не осуществились, остались мечтами воображенія. Обособленное крестьянство даже и въ великорусскихъ губерніяхъ неспособно къ дальнѣйшему развитію. Крестьянская волость никакъ не можетъ стать политическою единицею и болѣе похожа на полицейскій участокъ, нежели на

органъ какого бы ни было общественнаго самоуправленія. Никакъ не удалось также перенести живьемъ волость на почву Ц. П. по полному отсутствію цемента, который бы могъ сплачивать тѣхъ безсословныхъ людей всякой вѣры, всякаго происхожденія и разныхъ расъ, которые смѣшались съ крестьянами, получившими личную свободу въ 1807 г., и привыкли съ этими крестьянами жить общею гражданскою жизнью, а не обособленною, только мужицкою. Когда по указамъ 1864 г. тѣ ихъ этихъ вольныхъ людей, которые были поселены на чужихъ земляхъ и работали на помѣщиковъ, получили земельные надѣлы, то образовался классъ въ полмилліона мелкихъ землевладѣльцевъ. Устраивая ихъ, пришлось по необходимости отказаться отъ обособленности сельскаго состоянія и созидать не крестьянскія волости, а безсословныя гминныя общины, низшія единицы государственнаго строенія, во главѣ которыхъ имѣлись бы выборные войты, какъ самые низшіе органы и представители правительства, словомъ, приспособиться къ тому, что уже существовало въ этой странѣ, когда она была Герцогствомъ Варшавскимъ и затѣмъ конституціоннымъ Царствомъ Польскимъ съ 1815 года.

Ту гмину, которая устроена учредительнымъ комитетомъ по указамъ 19 февраля 1864 г., нельзя собственно назвать всесословною. Въ нее предлагалъ маркизъ Вѣлёпольскій включить и духовенство, и капиталистовъ, и людей умственнаго труда, словомъ, людей всѣхъ профессій, заинтересованныхъ въ благоустройствѣ населяемой ими мѣстности; всѣ вмѣстѣ имѣли бы общее представительство въ гминномъ совѣтѣ, котораго предсѣдателемъ былъ бы войтъ. Указы въ 1864 г. исключили изъ общины всѣхъ духовныхъ лицъ, хотя бы они были вмѣстѣ съ тѣмъ и землевладѣльцы; они

исключили также капиталистовъ и людей умственнаго труда. Гмина устроена чисто землевладѣльческая, состоящая изъ обладателей крупной и мелкой собственности, то-есть изъ помѣщиковъ и изъ надѣленныхъ землею поселенцевъ. И тѣ, и другіе поставлены были, такъ сказать, на одну доску въ гминномъ сходѣ, собирающемся не менѣе 4 разъ въ году, при условіяхъ полной равноправности, но съ подавляющимъ по числу голосовъ преобладаніемъ крестьянскаго элемента надъ помѣщичьимъ. Никакого постояннаго совѣта при войтѣ гмины изъ избранныхъ сходомъ лицъ не имѣется. Званіе войта вполнѣ доступно и крестьянамъ, при имущественномъ цензѣ весьма невысокомъ (6 морговъ земли) и безъ всякаго образовательнаго ценза.

Учрежденіе гминныхъ судовъ послѣдовало позднѣе учрежденія гминъ. Оно состоялось уже по смерти Н. А. Милютина по закону о введеніи судебныхъ уставовъ въ Царствѣ Польскомъ 19 февраля 1875 г. Число гминныхъ судовъ не соотвѣтствуетъ числу гминъ, которыхъ имѣется 1331, между тѣмъ какъ число гминныхъ судовъ только 374. Допускается соединеніе 2, 3 и 4 гминъ въ одинъ судебный гминный округъ. Выборы производятся по каждой гминѣ порознь. Когда въ округѣ гмина одна, то на каждую должность представляются по два кандидата, изъ которыхъ одного утверждаетъ правительство. Если гминъ болѣе чѣмъ одна въ округѣ, то число кандидатовъ, представляемыхъ на выборъ правительству, равняется числу гминъ въ округѣ. Отъ гминнаго судьи требуется образовательный цензъ весьма низкій: окончаніе наукъ хотя бы въ простомъ только начальномъ училищѣ. Отъ лавниковъ требуется только, чтобы они были грамотные. При разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ проекта гминныхъ судовъ, проектъ этотъ вызвалъ большія пренія. Высказывались

мнѣнія въ пользу низведенія гминныхъ судовъ на степень сословной крестьянской расправы въ родѣ волостного суда. Министръ Паленъ долгое время противился ихъ введенію и предлагалъ всю низшую юстицію предоставить вѣдѣнію коронныхъ чиновниковъ. Одержало однако верхъ мнѣніе, проводимое тогдашнимъ статсъ-секретаремъ по д. Ц. П., Д. Н. Набоковымъ, который ссылался на взглядъ умершаго въ томъ же году Н. А. Милютина, состоявшій въ томъ, что необходимо въ гмину ввести выборное начало и образовать изъ него средство противодѣйствія враждебнымъ Россіи шляхетскимъ тенденціямъ.

Институтъ гминныхъ судовъ сразу привился и понравился всѣмъ классамъ населенія, не только крестьянамъ, но и помѣщикамъ—и образованные люди вообще, которыхъ нынѣ много между крестьянами, и сами помѣщики идутъ охотно на трудовыя, но почетныя должности гминныхъ судей и лавниковъ и избираются крестьянами. Судъ этотъ не партійный, но въ высокой степени безпристрастный, служитъ явнымъ признакомъ и доказательствомъ жизненности мѣстнаго польскаго общества и прямымъ опроверженіемъ предположенія о существованіи глубокой розни между образованными классами и крестьянами. Рознь эта была, но теперь ея нѣтъ. Гминнымъ судамъ видимо повезло. Бывшіе главные начальники края, напримѣръ, І. Вл. Гурко, давали о нихъ неблагопріятные отзывы, но высшіе представители магистратуры, начиная съ перваго по времени сенатора Н. Н. Герарда и до недавно скончавшагося старшаго предсѣдателя Варшавской Судебной Палаты, сенатора В. А. Аристова, были постоянно на ихъ сторонѣ. Аристовъ выразился о нихъ такимъ образомъ: гминные суды, несмотря на непродолжительное ихъ существованіе, укоренились и прекращеніе дальнѣйшаго существованія ихъ вызвало

бы несомнѣно неудовольствіе населенія, какъ сокращеніе недавно дарованныхъ ему правъ. Коммисія, пересматривавшая судебные уставы, признала гминные суды подлежащими сохраненію безъ всякихъ почти измѣненій.

Въ политикѣ соблюдается весьма вѣское и укоренившееся правило: quieta non movere—не трогать того, что спокойно. Сверхъ этого отрицательнаго удобства, есть другое, положительное, располагающее въ пользу института. Въ теченіе 35 лѣтъ дѣйствія судебныхъ уставовъ взгляды законодателя на коренные ихъ принципы колебались, напримѣръ, на выборное начало, на которомъ была построена мировая юстиція съ ея мировыми съѣздами. По закону 12 іюля 1889 г. мировые судьи въ Имперіи вообще оставлены только въ столицахъ и въ нѣсколькихъ большихъ городахъ, а въ другихъ мѣстахъ они замѣщены городскими судьями и земскими начальниками. По новому проекту коммисіи, пересматривавшей судебные уставы, они окончательно упраздняются и будутъ замѣнены участковыми судьями. Если, какъ слѣдуетъ предполагать, уцѣлѣютъ гминные суды, то выборное начало найдетъ себѣ пріютъ хотя бы въ этомъ крошечномъ уголку судебной области и будетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ того, что и выборный судъ можетъ правильно дѣйствовать какъ органъ правосудія.

Общее заключеніе, которое можетъ въ настоящее время считаться безспорнымъ, что гминные суды не будутъ подлежать отмѣнѣ, не устраняетъ нисколько возможности и желательности того, чтобы они улучшались и совершенствовались. Необходимость ихъ измѣненія давно уже намѣчена, но сдѣлается неотлагательною, когда по предначертаніямъ Коммисіи, пересматри-

вавшей судебные уставы, будутъ упразднены мировые судьи по городамъ и мировые съѣзды, въ которыхъ засѣдаютъ нынѣ гминные чередующіеся судьи вмѣстѣ съ мировыми и появятся коронные участковые судьи, на рѣшенія которыхъ, равно какъ и на рѣшенія гминныхъ судовъ будутъ приносимы апелляціи въ городскія и уѣздныя отдѣленія окружныхъ судовъ.

Преобразованія, которыя намѣчены въ объяснительныхъ запискахъ по проектамъ уставовъ пересматривавшей ихъ коммисіи, относятся къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: 1) къ установленію болѣе правильнаго назначенія лицъ на должности гминныхъ судей; 2) къ уравненію круга вѣдомства гминныхъ судовъ съ таковымъ же кругомъ вѣдомства теперешнихъ мировыхъ судей, а въ будущемъ участковыхъ судей; 3) въ примѣненіи къ Варшавскому судебному округу института почетныхъ судей. Каждый изъ этихъ пунктовъ требуетъ поясненія.

1) Порядокъ назначенія. Въ послѣднее время изъ общаго числа 374 должностей гминныхъ судей 118 мѣстъ (32%) заняты были не избранными на гминныхъ сходахъ членами той же гмины, но назначаемыми министромъ юстиціи чиновниками; они назначались не временно, а на сроки отъ выборовъ до выборовъ, то-есть на періодъ трехлѣтній. Выборъ въ гминные судьи и въ лавники ограничивается одними членами гмины и не можетъ падать на постороннее лицо. На каждую должность избирается двойное по меньшей мѣрѣ число кандидатовъ по спискамъ, которые ведутся войтомъ и его помощникомъ, солтысомъ. Одного изъ этихъ кандидатовъ губернаторъ представляетъ министру юстиціи, отъ котораго неограниченно зависѣло забраковать обоихъ кандидатовъ по 488 ст. учр. суд. уст. и, не предписывая произвести новые выборы, назначить на цѣлый срокъ, до новыхъ

выборовъ, своего чиновника. Неудобства отъ широкаго произвола усугубятся, если, по предложенію проекта коммисіи, срокъ, на который производятся выборы, будетъ удвоенъ (не на 3, а на 6 лѣтъ). Широкая власть браковать всѣхъ кандидатовъ зависѣла, конечно, отъ весьма низкаго уровня образованія, требуемаго отъ кандидатовъ, и отъ крайне малой увѣренности въ политической благонадежности всего населенія страны. Но нынѣ несомнѣнно въ каждой мѣстности имѣется достаточное количество лицъ вполнѣ благонадежныхъ; притомъ было бы, пожалуй, цѣлесообразнѣе, списки кандидатовъ въ гминные суды представлять до выборовъ на утвержденіе министерства, нежели забраковывать лицъ, уже избранныхъ, на основаніи конфиденціальныхъ сообщеній, которыя остаются тайною для избранныхъ, лишенныхъ такимъ образомъ возможности оправдаться. Что касается до условія образованности, то въ настоящее время можно было бы безъ всякаго затрудненія повысить образовательный цензъ, требуя отъ кандидатовъ на должность гминнаго судьи окончанія полнаго курса наукъ въ среднемъ учебномъ заведеніи.

2) Уравненіе круга вѣдомства гминныхъ судовъ съ таковымъ же кругомъ вѣдомства мировыхъ судовъ. По своему происхожденію гминные суды состоятъ въ ближайшей связи съ крестьянскою реформою и построены на политической идеѣ о необходимости привязать къ правительству крестьянъ и сдѣлать изъ нихъ твердую точку опоры. Отголоски этого взгляда слышатся еще и теперь, напримѣръ, въ мнѣніи сенатора Аристова (объясн. записка по проекту учр. суд. уст., т. V, с. 144) о томъ, что промыселъ города и земля деревни кладутъ будто бы на живущихъ въ нихъ людей особый отпечатокъ, до того рѣзкій, что весь складъ

жизни, нравы, взгляды и вѣрованія облекаются у тѣхъ и другихъ въ разныя формы и ставятъ въ полную противоположность горожанъ и селянъ. Гминнымъ судамъ законъ предоставляетъ (ст. 1490 у. гражд. суд.) то самое преимущество, которое предоставлено волостнымъ судамъ въ остальной Россіи, а именно—рѣшать нѣкоторыя гражданскія дѣла по чисто крестьянскимъ отношеніямъ по наслѣдованію, по семейнымъ отношеніямъ, по отчужденію и дробленію крестьянскихъ усадебъ и участковъ, по отдачѣ ихъ въ наемъ или въ заставу. Именно по той причинѣ, что гминный судъ соотвѣтствуетъ въ нѣкоторой степени волостному, его не рѣшились совсѣмъ уравнить съ мировымъ, котораго юрисдикція вышла по закону шире, нежели юрисдикція гминнаго суда, въ особенности по уголовнымъ дѣламъ. По 1287 ст. уст. угол. суд. гминный судъ вѣдаетъ дѣла, влекущія за собой заключеніе въ тюрьму до одного года, а юрисдикція мирового судьи доходитъ до заключенія въ тюрьмѣ на 1 годъ и 6 мѣсяцевъ. Гминнымъ судьямъ не подлежатъ по 1290 ст. того же устава дѣла о похищеніи лѣса, кражѣ, мошенничествѣ и присвоеніи чужого имущества цѣною свыше 30 рублей. Эти превышающія компетенцію гминнаго суда преступленія въ селеніяхъ вѣдаются особыми мировыми судьями, назначаемыми на нѣсколько гминныхъ округовъ (ст. 473 учрежд. суд. устан. и законъ 1 іюня 1875 года въ Полномъ Собраніи Зак. № 54752). Такимъ образомъ, между двумя юрисдикціями: гминною и мировою, проходитъ извѣстная промежуточная полоса, которая подвѣдома въ селеніяхъ мировымъ судьямъ того же уѣзда. Само существованіе этой промежуточной полосы есть очевидное безобразіе въ постройкѣ, которое можетъ быть устранено только уравненіемъ обѣихъ юрисдикцій, гминной и мировой. По мнѣнію коммисіи для пере-

смотра судебныхъ уставовъ (объясн. зап. по учр. суд. уст. т. V, с. 260), это уравненіе можетъ послѣдовать только при повышеніи образовательнаго ценза для гминныхъ судей и лавниковъ. Имущественный цензъ не будетъ повышаемъ (владѣніе участкомъ въ 6 морговъ), значитъ доступъ крестьянъ къ этимъ должностямъ не будетъ затрудненъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что само повышеніе образовательнаго ценза увеличитъ приливъ на эти должности крупновладѣльческаго элемента. На первый взглядъ могло бы показаться, что такой результатъ будетъ несоотвѣтствовать предначертаніямъ основателей гминныхъ судовъ, членовъ Учредительнаго Комитета Ц. П., полагавшихъ, что гминный судъ будетъ преимущественно пополняться людьми крестьянскаго происхожденія. Нельзя однако не признать, что многое мѣняется и въ жизни, и въ политикѣ, что антагонизмъ классовъ и состояній въ народѣ еще живомъ не есть явленіе неизмѣнное и вѣковѣчное. Онъ, повидимому, отжилъ свой вѣкъ въ Царствѣ Польскомъ. Если на гминныхъ сходахъ при громадномъ численномъ перевѣсѣ крестьянъ они избираютъ и крупныхъ помѣщиковъ, если эти избранники люди въ самомъ дѣлѣ консервативные и приверженцы строгой законности, если о нихъ выражаются одобрительно всѣ безъ исключенія высшіе представители магистратуры, чередовавшіеся въ Царствѣ Польскомъ, то этому можно только радоваться, даже и стоя на точкѣ зрѣнія русской. Не подлежитъ сомнѣнію, что утвердившееся правительство не можетъ опираться на одно только крестьянство. Правительство должно сплотить вокругъ себя людей всѣхъ состояній, убѣдившихся, что подъ государственнымъ владычествомъ Россіи они могутъ охранить свою національность.

3) Институтъ почетныхъ судей. До настоящаго времени бывали только почетные мировые судьи. Ком-

мисія, пересматривавшая судебные уставы, рѣшивъ отмѣну мировой юстиціи, предполагаетъ, однако, ввести почетныхъ судей вообще, какъ представителей общественнаго элемента, въ городскія и уѣздныя отдѣленія окружныхъ судовъ, разсматривающія по апелляціи протесты и жалобы на приговоры участковыхъ судей. Такъ какъ въ Ц. П. еще не предполагается упраздненіе гминной и мировой юстиціи, то мы остановимся только на однихъ почетныхъ мировыхъ судьяхъ. При обсужденіи судебной реформы въ Ц. П. въ Учредительномъ Комитетѣ и затѣмъ въ особомъ Совѣщательномъ Комитетѣ подъ предсѣдательствомъ сенатора Любощинскаго въ 1872 году, признано было довольно опрометчиво, что будто бы существованіе почетныхъ мировыхъ судей возможно только при избирательномъ порядкѣ и не имѣло бы значенія при комплектованіи мировыхъ установленій одними коронными чиновниками. Напротивъ того, на практикѣ оказалось, что они приносятъ наибольшую пользу въ тѣхъ именно областяхъ, гдѣ мировые судьи не выборные, а коронные, напримѣръ, въ Прибалтійскомъ краѣ и въ западныхъ губерніяхъ. Первый по времени старшій предсѣдатель Варшавской судебной палаты, сенаторъ Н. Н. Герардъ, сталъ хлопотать объ усиленіи почетными мировыми судьями въ числѣ 10 человѣкъ Варшавскаго городового мирового съѣзда. Это предложеніе нашло поддержку въ Государственномъ Совѣтѣ и у министра юстиціи Палена, ему сочувствовали генералъ-губернаторы Коцебу и Альбединскій, но назначенный потомъ главнымъ начальникомъ края ген. Гурко нашелъ невозможнымъ, по политическому состоянію края, учреждать въ какомъ бы то ни было видѣ почетныхъ мировыхъ судей изъ мѣстныхъ обывателей, вслѣдствіе чего всякая переписка по этому предмету была въ 1879 году прекращена. Замѣ-

тимъ, что вести списки о кандидатахъ на эти должности должна была администрація и назначеніе ихъ должно было зависѣть только отъ взаимнаго соглашенія Варшавскаго генералъ-губернатора съ министромъ юстиціи. Забытый вопросъ поднятъ опять Коммисіею для пересмотра судебныхъ уставовъ, которая нашла (объяснит. записка къ учр. суд. уст. т. V с. 83), что отъ осуществленія проектируемаго предположенія можно ожидать только благодѣтельныхъ послѣдствій, ибо независимо отъ пользы, приносимой въ судѣ мѣстными обывателями, введеніе этого учрежденія будетъ способствовать сближенію дѣйствующихъ законодательствъ (т.-е. кодекса Наполеона съ законодательствомъ Имперіи). На этотъ разъ, повидимому, проясняется вдали возможность осуществленія института, считавшагося полезнымъ до 1879 года, но не осуществленнаго безъ всякой достаточной къ тому причины, т.-е. испытавшаго судьбу, какую за послѣднія 35 лѣтъ имѣли почти всѣ преобразованія въ Царствѣ Польскомъ, такъ какъ по части всѣхъ существенныхъ улучшеній въ быту этого края водворился за этотъ періодъ полный застой.

На цѣлое Царство Польское съ его $9^1/_2$ милліоннымъ населеніемъ имѣется одинъ только коммерческій судъ въ Варшавѣ, отъ рѣшеній котораго поступаютъ апелляціи въ Варшавскую Судебную Палату. Дальнѣйшее существованіе этого суда зависитъ, очевидно, отъ того, останутся ли вообще въ Имперіи особые коммерческіе суды для торговыхъ дѣлъ гражданскихъ, или ихъ дѣла поступятъ въ вѣдѣніе общихъ судебныхъ установленій, то-есть будутъ завѣдывать ими простыя отдѣленія гражданскихъ судовъ. Общественное мнѣніе въ Царствѣ Польскомъ сильно стоитъ за сохраненіе Варшавскаго

Коммерческаго Суда съ засѣдателями-людьми торговаго званія.

Отмѣна съѣздовъ мировыхъ судей и переносъ дѣлъ по апелляціи въ окружные суды или въ городскія и уѣздныя ихъ отдѣленія будетъ, вѣроятно, встрѣчена съ удовольствіемъ.

Изъ всѣхъ окружныхъ судовъ, кромѣ Варшавскаго, наиболѣе обремененный по количеству дѣлъ Петроковскій. Округъ этого послѣдняго суда можно было бы съ удобствомъ раздѣлить, учредивъ особый окружной судъ въ Лодзи. Если бы признано было возможнымъ помириться въ Имперіи съ коммерческими судами, какъ особыми органами для торговаго судопроизводства, можно было бы, не заводя особаго окружнаго суда въ Лодзи, учредить въ этомъ городѣ только одинъ Коммерческій Судъ.

Варшавская Судебная Палата, имѣющая для гражданскихъ дѣлъ три департамента, не въ состояніи справляться съ поступающими въ нее дѣлами. Она нуждалась бы въ усиленіи ея еще двумя новыми гражданскими департаментами.

Адвокатура, какъ составная часть судебнаго вѣдомства, возникла въ Имперіи съ приведенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 1864 г. При обсужденіи проекта уставовъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1862 году № 65 записано, что «для правильнаго надзора за всѣми состоящими въ округѣ присяжными повѣренными необходимо учредить по собственному ихъ выбору въ каждомъ округѣ судебной палаты совѣтъ». Безъ совѣта нѣтъ настоящей адвокатуры. По словамъ коммисіи для пересмотра уставовъ (объяс. зап. къ учр. суд. уст. т. III, ст. 43), адвокатура безъ совѣта это только «совокупность лицъ, имѣющихъ одинаковаго рода занятія, не состоящихъ съ собою ни въ какой связи и

не пользующихся самоуправленіемъ». Безъ совѣта, по мнѣнію той же коммисіи (ст. 45), нѣтъ дѣйствительнаго надзора надъ присяжными повѣренными, нѣтъ возможности исключать изъ этого званія, долженствующаго пользоваться особымъ довѣріемъ публики, людей, хотя не совершающихъ уголовныхъ преступленій, но ведущихъ недостойный образъ жизни, или замѣчаемыхъ въ неблаговидныхъ поступкахъ, несовмѣстныхъ съ ихъ званіемъ и обличающихъ отсутствіе профессіональнаго чувства чести. Невведеніе совѣтовъ ни въ какіе судебные округа, кромѣ трехъ (Петербургъ, Москва, Харьковъ), вопреки прямому предначертанію закона, обличило самымъ явственнымъ образомъ слабость русской судебной реформы, безпричинность урѣзыванія и сокращенія важнѣйшихъ институтовъ и гарантій правосудія. Осуществленіе судебныхъ уставовъ было не полное, а только частичное. Изъ всѣхъ теперешнихъ 13 судебныхъ округовъ совѣты учреждены только въ 3. Уже 5 декабря 1874 года произошла временная, продолжающаяся донынѣ, пріостановка въ открытіи совѣтовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ они еще не введены (примѣч. къ ст. 357 учр. суд. уст.), а затѣмъ въ учрежденіи судебныхъ установленій для Царства Польскаго 19 Февраля 1875 года введено уже не временное, а безусловное постановленіе для Варшавскаго судебнаго округа не образовать совѣта присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 588 учр. суд. уст.). — 27 лѣтъ длящаяся пріостановка дѣйствія безусловно цѣлесообразнаго закона могла бы быть съ большимъ удобствомъ снята немедленно, не дожидаясь того, какой будетъ результатъ совершаемаго опыта пересмотра судебныхъ уставовъ, такъ какъ открытіе совѣта ничѣмъ не осложняетъ въ другихъ частяхъ судебнаго устройства и не требуетъ никакихъ затратъ, усилій или устраненія препятствій. Коммисія для пере-

смотра судебныхъ уставовъ признаетъ это открытіе совѣтовъ вполнѣ своевременнымъ и полезнымъ для однообразнаго устройства сословія присяжныхъ повѣренныхъ и для усиленія надзора за ихъ дѣятельностью. Но дѣлая предположеніе объ отмѣнѣ и примѣчанія къ 357 и 358 ст. учр. суд. уст., коммисія, однако, предполагаетъ ввести для Варшавскаго совѣта ограничительныя правила сравнительно съ совѣтами другихъ округовъ, заключающіяся главнымъ образомъ въ томъ, чтобы примѣнить къ выборамъ въ члены Варшавскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ систему выборовъ въ гминные судьи и лавники. Коммисія требуетъ, чтобы въ своемъ избирательномъ собраніи присяжные повѣренные избирали только кандидатовъ въ члены въ двойномъ количествѣ противъ числа вакантныхъ мѣстъ, а изъ этихъ кандидатовъ Варшавская судебная палата при участіи прокурора будетъ назначать по своему выбору предсѣдателя, товарища предсѣдателя и остальныхъ членовъ совѣта. Не входя въ разборъ того, хорошъ ли этотъ способъ для замѣщенія должностей гминныхъ судовъ и лавниковъ, укажемъ на то, что онъ идетъ въ разрѣзъ съ намѣченнымъ коммисіею намѣреніемъ установить однообразіе въ устройствѣ адвокатуры по всей Россіи и въ особенности съ намѣреніемъ усилить надзоръ за присяжными повѣренными. При предполагаемомъ способѣ комплектованія совѣта, онъ не будетъ представителемъ и выразителемъ корпораціи, онъ не можетъ нести и отвѣтственности за промахи, за послабленія, за допущеніе въ корпорацію недостойныхъ людей, а равно за то, что будетъ терпѣть въ средѣ сословія людей, которыхъ слѣдовало бы исключить. Совѣтъ будетъ созданіемъ не сословія, а палаты. Сама коммисія сознаетъ (235 стр. объясн. з. т. V къ учр. суд. уст.), что при большомъ количествѣ подлежащихъ

избранію кандидатовъ будутъ проскакивать въ совѣтъ и такія лица, которыя менѣе другихъ достойны, но избираются только потому, что они мало энергичны и только по одному своему спокойствію имѣютъ меньшее число недоброжелателей. Они выдвигаются впередъ именно вслѣдствіе своей «безцвѣтности». Можно почти безошибочно предсказать, что совѣтъ будетъ пополняться такими именно лицами, которымъ палата будетъ отдавать предпочтеніе, вслѣдствіе ихъ покладистости и уступчивости.

Въ ближайшемъ будущемъ готовится еще одна перемѣна, достойная сожалѣнія, но повидимому неизбѣжная,— значительное отступленіе отъ начала единства кассаціонной инстанціи для всего государства. Функція кассаціи принадлежала, отъ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, всецѣло Правительствующему Сенату, какъ единому верховному истолкователю законовъ, до котораго въ этомъ его качествѣ доходили снизу всѣ дѣла, и крупныя, и мелкія, насколько въ нихъ возбуждались сторонами вопросы не о справедливости рѣшеній по существу, но по нарушеніямъ въ рѣшеніяхъ самого закона. Сенатъ разъяснялъ смыслъ закона, давалъ направленіе законовѣдѣнію, вносилъ въ него послѣдовательность, систематичность и сильно содѣйствовалъ вообще прогрессу въ судебной практикѣ. Единство кассаціи дало громадный авторитетъ и не малую славу нашей верховной магистратурѣ — кассаціоннымъ департаментамъ Сената. Верховное единство кассаціи было поколеблено закономъ 12 іюня 1889 г. объ участковыхъ земскихъ начальникахъ, предоставившимъ жалобы объ отмѣнѣ окончательныхъ судебныхъ рѣшеній органовъ низшей юстиціи, полуадминистративнымъ и полусудебнымъ губернскимъ присутствіямъ во многихъ десяткахъ центральныхъ губерній.

Въ настоящее время коммисія по пересмотру судебныхъ уставовъ предполагаетъ передать кассаціонную функцію по всѣмъ дѣламъ низшей юстиціи мѣстнымъ судебнымъ палатамъ. Въ предѣлахъ Варшавскаго судебнаго округа всѣ дѣла, начинающіяся въ гминныхъ судахъ и у мировыхъ судей или у участковыхъ, будутъ подвѣдомы Варшавской судебной палатѣ, какъ кассаціонной инстанціи, которая, превратившись въ верховное судилище и отдѣлившись отъ Сената, выработаетъ свою особенную сепаратную практику, не уменьшающую, а увеличивающую рознь, которая существуетъ между губерніями Царства Польскаго и другими частями Россійскаго государства. При теперешней разобщенности мѣстнаго населенія Царства Польскаго и его судилищъ, въ интересахъ этого населенія гораздо было бы выгоднѣе имѣть возможность по кассаціоннымъ вопросамъ обращаться въ С.-Петербургъ къ Правительствующему Сенату, какъ верховному толкователю законовъ.

МНИМАЯ ВИНА ОКРАИНЪ

„ВЪ ОСКУДѢНІИ ЦЕНТРА“.

При обширности государства, обнимающаго шестую часть всей суши земного шара, естественно является многоразличіе въ густотѣ населенія и условіяхъ производительности въ разныхъ областяхъ, а также и въ мѣстныхъ потребностяхъ самого государственнаго управленія, въ зависимости отъ положенія разныхъ полосъ государства и даже отдѣльныхъ губерній.

Такъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ пограничныхъ полосахъ вообще, а въ особенности въ губерніяхъ, расположенныхъ близъ западной границы, уже одно постоянное содержаніе значительной массы войскъ связано съ бо́льшими, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ, производимыми на мѣстѣ расходами. Но изъ обусловленной этимъ обстоятельствомъ сравнительной высоты итоговъ мѣстныхъ расходовъ совершенно ошибочно было бы выводить заключеніе, что государство расходуетъ въ пограничной полосѣ на нужды самого населенія болѣе, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ войскъ содержится мало.

Конечно, часть расходовъ на содержаніе войскъ, а именно по поставкѣ продовольствія и фуража, а также по военнымъ постройкамъ и ремонту, обращается въ пользу мѣстнаго населенія. Но даже и эта часть расходовъ не идетъ исключительно въ мѣстныя руки, такъ какъ при большомъ развитіи желѣзнодорожныхъ сообщеній въ западной и южной полосахъ государства и при существующемъ дифференціальномъ тарифѣ грузовъ, уравнивающемъ цѣны зерна и муки, доставляемыхъ изъ внутреннихъ губерній и даже изъ Сибири, съ цѣнами мѣстныхъ продуктовъ, нѣтъ основанія полагать, чтобы войска, расположенныя въ пограничныхъ губерніяхъ, довольствовались мукой, производимой въ этихъ именно мѣстностяхъ. Это замѣчаніе въ особенности относится къ Царству Польскому, въ которомъ войска бо́льшую часть своего продовольствія получаютъ изъ внутреннихъ губерній.

Въ еще большей степени независимо отъ мѣстныхъ производствъ вещевое или коммисаріатское довольствованіе войскъ. Сукно, холстъ и сапожный товаръ доставляются войскамъ, хотя бы даже при посредствѣ мѣстныхъ подрядчиковъ, изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ производятся товары соотвѣтственнаго качества и по болѣе дешевымъ цѣнамъ, причемъ значительная часть поставокъ для войскъ, стоящихъ хотя бы и не далеко отъ западной границы, идетъ изъ внутреннихъ губерній.

Наконецъ, самое вооруженіе войскъ уже весьма мало связано съ тѣми мѣстностями, гдѣ они расположены. Изготовленіе ружей и холоднаго оружія производится на казенныхъ заводахъ, находящихся въ разныхъ пунктахъ государства, а отливка орудій, приготовленіе снарядовъ и выдѣлка пороха и разрывныхъ составовъ сосредоточены въ спеціальныхъ казенныхъ заводахъ, находящихся во внутреннихъ губерніяхъ.

Далѣе, для производства строительныхъ работъ по военному вѣдомству въ западной полосѣ нерѣдко выписываются партіи рабочихъ изъ губерній бѣлорусскихъ (землекопы) и внутреннихъ (каменщики, плотники и маляры).

Такимъ образомъ, самъ по себѣ, тотъ фактъ, что изъ мѣстныхъ казначействъ производится расходъ на потребности войскъ и постройку укрѣпленій и заносится въ рубрику расходовъ, произведенныхъ въ такой-то мѣстности, еще никакъ не оправдываетъ не только вывода, что расходъ этотъ былъ произведенъ на нужды мѣстнаго населенія, но даже и такого предположенія, будто итогъ выплаченныхъ въ данномъ казначействѣ денегъ пошелъ цѣликомъ на покупку мѣстныхъ продуктовъ или на оплату труда мѣстнаго рабочаго населенія.

Съ другой стороны, необходимо принимать во вниманіе и то еще обстоятельство, что расположеніе войскъ въ любой мѣстности соединено для населенія и съ нѣкоторой тягостью, а именно съ постоемъ, постояннымъ или временнымъ въ теченіе лагерныхъ сборовъ.

Въ равной мѣрѣ и расходъ государства на содержаніе мѣстной администраціи, хотя жалованье, пособія, награды и прогоны и производятся изъ мѣстныхъ казначействъ, а стало быть входятъ въ составъ расходовъ государства въ той же губерніи, нельзя относить цѣликомъ къ расходамъ на пользу мѣстнаго населенія. Ясно, что поскольку государство признаетъ необходимымъ содержать въ той или иной мѣстности болѣе многочисленный административный составъ, а стало быть, и большее количество казенныхъ зданій, а также довольствовать служащихъ на окраинѣ усиленными окладами — все это обусловливается прежде всего потребностями обще-государственными.

Служащія въ данной мѣстности лица, конечно, расходуютъ большую часть своего содержанія на наемъ квартиръ, пріобрѣтеніе продуктовъ и другихъ вещей, причемъ мѣстное населеніе получаетъ пользу. Но даже и этотъ расходъ, хотя производимый на мѣстахъ, не обращается цѣликомъ на уплату мѣстнымъ домовладѣльцамъ, сельскимъ хозяевамъ, ремесленникамъ и рабочимъ, такъ какъ многіе изъ служащихъ могутъ дѣлать сбереженія и переходить на службу въ другія мѣстности, содержать сыновей, находящихся въ столицахъ или другихъ городахъ центра, выписывать изъ столицъ разныя вещи, расходовать часть своего содержанія, пребывая во временномъ отпускѣ въ Имперіи или за границей и т. п.

Между тѣмъ, въ послѣднее время проявилось въ нѣкоторыхъ органахъ печати стремленіе доказывать, на основаніи однихъ итоговъ государственныхъ расходовъ, производимыхъ изъ казначействъ окраинныхъ губерній, будто государство какъ бы пристрастно способствуетъ благосостоянію окраинъ изъ общихъ государственныхъ средствъ, обращая ихъ преимущественно на пользу инородческихъ населеній въ ущербъ кореннымъ, великорусскимъ губерніямъ. Изъ такого, совершенно произвольно поставленнаго положенія выводится заключеніе, что необходимо дѣйствовать въ смыслѣ противоположномъ и оказывать великорусскому ядру, создавшему государство, предпочтеніе передъ областями покоренными.

Въ разсужденіи этомъ есть основная погрѣшность, состоящая въ умышленномъ смѣшеніи расходовъ, обусловливаемыхъ политическими видами, интересами общегосударственнаго могущества и безопасности, съ расходами, которые вызываются собственными потребностями мѣстнаго населенія и производятся прямо съ цѣлью

увеличенія его благосостоянія. Если общая безопасность государства вызвала сѣть стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ, идущихъ отъ центра къ западу и югу и развѣтвляющихся въ разныхъ направленіяхъ къ границѣ, если въ виду обширности государства, обусловливающей сравнительно меньшую быстроту мобилизаціи войскъ, признано нужнымъ создать на западѣ нѣсколько сильно укрѣпленныхъ оборонительныхъ линій и держать тамъ массу войскъ, то въ этомъ и тѣ великорусскія губерніи, которыя создали государство, очевидно заинтересованы не менѣе, чѣмъ какія-либо иныя.

Изъ этого факта общегосударственнаго значенія, что въ западной и южной полосахъ пришлось издержать большія суммы на стратегическія дороги, на постройку большихъ крѣпостей, на содержаніе дѣйствующей арміи, на сооруженіе портовъ, изъ которыхъ отпускается за границу также и хлѣбъ великорусскихъ губерній, еще никакъ не слѣдуетъ, что равныя или хотя бы особыя, чрезвычайныя средства должны быть употреблены государствомъ спеціально въ великорусскихъ губерніяхъ на основаніе новыхъ университетовъ, гимназій и народныхъ школъ, на улучшеніе народнаго хозяйства, развитіе промысловъ и т. д. Усиленіе средствъ, отпускаемыхъ на культурныя цѣли въ одной полосѣ государства, можетъ оказываться необходимымъ само по себѣ, но никакъ не на томъ полемическомъ соображеніи, что въ другой полосѣ были произведены значительные расходы для цѣлей общегосударственныхъ. Степень удовлетворенія собственныхъ нуждъ населенія той или другой полосы должна быть разсматриваема отдѣльно отъ пожертвованій на потребности всего государства.

Задачею должно быть, конечно, возможно полное равновѣсіе въ содѣйствіи государства благосостоянію

всѣхъ его частей, за исключеніемъ, разумѣется, случаевъ чрезвычайныхъ, каковые представляются народными бѣдствіями. Такъ, большой неурожай, постигшій 17 великорусскихъ и южныхъ губерній въ 1891 и 1892 гг., какъ извѣстно, потребовалъ оказанія населенію ихъ изъ государственной казны пособій въ размѣрѣ 161 милл. руб., и было бы, конечно, неосновательно ожидать, чтобы по этой причинѣ въ ближайшіе затѣмъ годы былъ произведенъ равный чрезвычайный отпускъ казенныхъ средствъ на мѣстныя нужды прочихъ губерній. Государственная связь обусловливаетъ извѣстную солидарность всѣхъ областей и обязательность взаимной помощи въ случаяхъ чрезвычайныхъ.

Но столь же неосновательнымъ представлялось бы, очевидно, и такое требованіе, чтобы усиленные расходы, произведенные или производимые въ извѣстной полосѣ на цѣли общегосударственныя, служили поводомъ къ отпуску равныхъ суммъ или вообще усиленныхъ средствъ на мѣстныя нужды другой полосы.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, имѣющихъ цѣлью выяснить, что итоги расходовъ, производимыхъ изъ казначействъ въ разныхъ губерніяхъ, не представляютъ собою суммъ, расходуемыхъ государствомъ на собственныя нужды каждой изъ этихъ губерній, мы приступимъ къ разсмотрѣнію вопроса: правда ли, какъ то утверждаютъ нѣкоторыя газеты, будто губерніи Царства Польскаго и вообще губерніи западной окраины платятъ суммы сборовъ меньшія, чѣмъ тѣ средства, которыя государство на нихъ расходуетъ, между тѣмъ какъ главную тягость сборовъ несутъ губерніи центральныя. Сравненія мы сдѣлаемъ на основаніи цифръ, сообщенныхъ въ отчетѣ Государственнаго Контроля за 1899 годъ.

Доходовъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ получено

въ томъ году болѣе, чѣмъ произведено расходовъ въ губерніяхъ: Московской на 42,5 м. р., Херсонской на 29,2 м. р., Петроковской на 22,6 м. р., Кіевской на 18,5 м. р., Донской области на 16,3, Варшавской губерніи на 14 м. р. и Саратовской губерніи на 13,4 м. р. [1]). Среди этихъ губерній исключительное положеніе занимаютъ Московская и Петроковская, какъ богатыя фабриками, что создаетъ въ нихъ доходъ таможенный и усиливаетъ питейный, при чемъ надо замѣтить, что населеніе Московской губерніи обоего пола составляетъ 2 м. 433 т. душъ, а Петроковской только 1 м. 409 т. душъ. Изъ остальныхъ же губерній среди названныхъ семи, дающихъ наибольшія превышенія въ казенныхъ поступленіяхъ противъ казенныхъ расходовъ, центральною является только одна Саратовская и притомъ съ наименьщей цифрой превышенія дохода.

Въ сопоставленіи превышеній дохода и расхода не по отдѣльнымъ губерніямъ, но по цѣлымъ районамъ, въ отчетѣ контроля показаны цифры превышеній: по московско-промышленному району (губерніи Владимірская, Московская, Калужская, Тверская, Ярославская и Костромская) — въ 61,3 м. руб., а по Царству Польскому—въ 37 м. р. Населенія въ совокупности первыхъ шести губерній и 10 губерній Царства приблизительно равны, а именно первыхъ шести — 9 м. 501 т. душъ обоего пола, послѣднихъ десяти — 9 м. 456 т. душъ обоего пола. Но если принять во вниманіе массу войскъ, стоящихъ въ Царствѣ и находящіяся тамъ крѣпости, то легко понять, почему превышеніе казеннаго дохода надъ расходомъ далеко не доходитъ въ Царствѣ Польскомъ до равнаго размѣра, какъ въ губерніяхъ Московскаго района. Во всякомъ случаѣ крупное превы-

---

[1]) Здѣсь приведены только излишки свыше 11 м. руб.

шеніе казеннаго дохода надъ расходомъ сказывается и въ Царствѣ, а стало быть, нѣтъ ни малѣйшаго основанія для предположенія, будто центральныя губерніи оплачиваютъ излишкомъ поступающихъ съ нихъ сборовъ недоборъ въ доходахъ Царства. Вмѣсто такого недобора, и губерніи Царства даютъ значительный излишекъ дохода.

Вотъ цифры казеннаго дохода, поступившаго въ 1899 г. съ каждой изъ губерній Царства:

Варшавской	64.431.729	рублей.
Калишской	6.241.255	»
Кѣлецкой.	4.437.841	»
Ломжинской.	3.981.549	»
Люблинской.	6.383.944	»
Петроковской	28.652.447	»
Плоцкой	2.759.131	»
Радомской	4.729.718	»
Сувалкской	9.879.525	»
Сѣдлецкой	3.372.847	»
Итого . .	134.869.986	рублей.

А такъ какъ населеніе обоего пола 10 губерній Царства Польскаго по переписи 1897 года исчислено въ 9.455.943 душъ, то отсюда слѣдуетъ, что на 1 душу каждаго пола приходится въ Царствѣ сборовъ 14 р. 26 к. слишкомъ, не считая сборовъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, которые въ контрольномъ отчетѣ включаются въ составъ поступленій по Петербургской губерніи [1]).

[1]) Вслѣдствіе сего цифра дохода въ этой губерніи и не могла быть приведена въ предшествующемъ сравненіи губерній, дающихъ наибольшія превышенія дохода. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что при системѣ единства кассъ статистика государственныхъ доходовъ и расходовъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ не можетъ претендовать на совершенную точность.

Для сравненія возьмемъ 9 центральныхъ губерній черноземной полосы и приведемъ цифры поступающаго съ каждой изъ нихъ казеннаго дохода.

Въ 1899 году казенныхъ сборовъ поступило съ губерній:

Воронежской	14.602.187	рублей.
Курской	13.996.362	»
Орловской	13.951.256	»
Пензенской	9.355.554	»
Рязанской	10.466.460	»
Саратовской.	20.051.820	»
Симбирской	6.552.855	»
Тамбовской	17.873.868	»
Тульской	9.603.101	»
Итого . .	116.453.791	рублей.

Населеніе же въ названныхъ 9 губерніяхъ, по переписи 1897 г., составляетъ 18.401.876 душъ обоего пола. Такимъ образомъ въ этихъ достаточныхъ центральныхъ губерніяхъ приходится казенныхъ сборовъ на 1 душу каждаго пола, въ среднемъ, только 6 р. 32 коп. слишкомъ, то-есть безъ всякаго сравненія менѣе, чѣмъ въ губерніяхъ Царства Польскаго.

Взглянемъ теперь на расходы, производимые въ границахъ отдѣльныхъ губерній. Въ 1899 г. израсходовано казначействомъ въ губерніяхъ:

	ОБЩІЯ ЦИФРЫ		На военныя потребности.	
Варшавской. . .	50.498.167	р.	23.497.759	руб.
Калишской . . .	5.203.999	»	980.854	»
Кѣлецкой . . .	3.706.841	»	981.062	»
Ломжинской . .	5.998.647	»	3.258.074	»
Люблинской . .	9.126.253	»	3.961.462	»
Петроковской . .	6.004.416	»	1.586.537	»

ОБЩІЯ ЦИФРЫ.		На военныя потребности.
Плоцкой. . . .	4.661.716 »	2.599.343 руб.
Радомской . . .	3.265.129 »	942.722 »
Сувалкской. . .	6.009.597 »	3.439.356 »
Сѣдлецкой . . .	3.945.766 »	1.410.228 »
Итого . .	98.420.531 р.	42.697.397 руб.

Итакъ, болѣе 40 проц. всей суммы расходовъ казны въ губерніяхъ Царства обращаются на военныя потребности. Вычитая эти военные расходы изъ общей суммы расходовъ по каждой губерніи, легко убѣдиться, какъ невелики затѣмъ расходы казны по каждой губерніи на всѣ остальныя потребности, кромѣ губерніи Варшавской. Но и въ этой послѣдней изъ остающихся за военными расходами около 27 милл. р. свыше 19 милл. идутъ на пути сообщенія и потребности министерства финансовъ, то-есть, главнымъ образомъ, на расходы по взиманію доходовъ. Необходимо еще прибавить, что и расходъ на личный составъ администраціи въ губерніяхъ Царства относительно болѣе великъ, чѣмъ въ губерніяхъ центральныхъ, вслѣдствіе производства усиленныхъ окладовъ и отсутствія самоуправленія.

Какъ бы то ни было, но изъ отчета контроля видно, что получаемая съ 10 губерній Царства общая сумма дохода, составляющая 134.869.986 рублей, даетъ казнѣ излишекъ надъ расходомъ въ размѣрѣ около 37 милл., а стало быть, не только не имѣется никакого основанія къ утвержденію, будто Царство Польское находится въ какомъ-то привилегированномъ финансовомъ положеніи, но совершенно несомнѣненъ тотъ фактъ, что, наоборотъ, часть сборовъ, взимаемыхъ въ Царствѣ, обращается на пользу другихъ частей государства.

Какъ уже замѣчено въ началѣ настоящей главы, лишь малая часть военныхъ расходовъ въ Царствѣ,

составляющихъ 42,7 мил. руб. въ годъ, могутъ служить источникомъ для мѣстныхъ заработковъ и производительности, при закупкѣ зерновыхъ хлѣбовъ для войскъ въ губерніяхъ приволжскихъ, Курской и иныхъ, внѣ мѣстнаго района, а коммиссаріатскихъ матеріаловъ—изъ центральныхъ промышленныхъ губерній.

Что касается жалобъ на преимущество, оказанное западной окраинѣ въ сооруженіи желѣзнодорожной сѣти, то сверхъ тѣхъ возраженій, которыя уже были приведены выше, съ указаніемъ, что направленіе и густота сѣти обусловились, прежде всего, какъ стратегическими, такъ и другими обще-государственными интересами, необходимо имѣть въ виду, что въ послѣднее время желѣзнодорожному строительству дано было преимущественно развитіе именно во внутреннихъ губерніяхъ. Въ изданіи Министерства Финансовъ «Россія въ концѣ XIX ст.» указывается на фактъ, что внутреннія земледѣльческія губерніи имѣютъ желѣзную сѣть въ $7^1/_2$ тысячъ верстъ, съ весьма значительнымъ движеніемъ грузовъ и что, по отношенію къ развитію сообщеній, губерніи эти занимаютъ нынѣ въ Имперіи первое мѣсто.

Неосновательны также и сѣтованія нѣкоторыхъ русскихъ газетъ, будто на западной окраинѣ дѣлается болѣе, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ, по части народнаго образованія. Правда, если выбирать для примѣра отдѣльные факты, то можно указать, что церковноприходскихъ школъ числится: въ Кіевской епархіи 913, въ Волынской 717, въ Подольской 668 въ то время, какъ въ Московской ихъ только 260, въ Петербургской 223, а въ Костромской 178. Но вѣдь это показываетъ только, что заботы церковно-народнаго учительства направлены болѣе къ утвержденію населенія въ православной вѣрѣ въ губерніяхъ юго-западныхъ.

Распредѣленіе начальныхъ училищъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, уже совсѣмъ иное. Хотя и здѣсь тотъ фактъ, что начальныхъ школъ этой категоріи имѣется въ Варшавскомъ округѣ 3026, то-есть значительно болѣе, чѣмъ въ Петербургскомъ, гдѣ этихъ школъ 2283, можетъ объясняться отчасти заботою о распространеніи государственнаго языка, но всетаки въ Московскомъ округѣ такихъ же школъ вдвое слишкомъ болѣе, чѣмъ въ Варшавскомъ, а именно 6496. Вообще въ округахъ, обнимающихъ земскія губерніи, числа начальныхъ школъ, составляя отъ $2^1/_2$ до 3 тыс. на округъ, далеко превышаютъ соотвѣтствующія цифры въ губерніяхъ, не имѣющихъ земства. Извѣстно также, что въ статистикѣ воинскихъ призывовъ одинъ изъ самыхъ высокихъ процентовъ безграмотныхъ приходится на новобранцевъ изъ Царства Польскаго.

Относительно средняго образованія представляются слѣдующія данныя.

Изъ общаго числа 235 гимназій и прогимназій съ 58.092 учениками приходятся на Варшавскій округъ:

28 гимназій и прогимназій съ . . 8.273 учен.

изъ 104 реальныхъ училищъ съ . . . 24.279 »

приходятся на Варшавскій округъ:

4 реальныя училища съ. . . . . 1.185 учен.

Слагая среднія училища обоихъ типовъ и числа учениковъ, получаемъ:

изъ 339 среднихъ училищъ съ. . . . 82.371 учен.

находятся въ Варшавскомъ округѣ:

32 среднихъ училища съ . . . . 9.458 учен.

Такое отношеніе въ значительной мѣрѣ обусловливается большимъ числомъ учениковъ въ прогимназіяхъ Варшавскаго округа: въ 7 прогимназіяхъ здѣсь 1.268

учащихся, т.-е. болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ округѣ. Такъ, въ Московскомъ округѣ, который слѣдуетъ за Варшавскимъ по числу учениковъ въ прогимназіяхъ, этихъ заведеній имѣется 13 или почти вдвое въ сравненіи съ Варшавскимъ округомъ, а учениковъ въ нихъ все-таки менѣе, а именно 1.144. Итакъ, въ Варшавскомъ округѣ особенно переполнены прогимназіи, многіе ученики которыхъ не идутъ далѣе этихъ низшихъ гимназическихъ классовъ.

Если же сравнивать числа учениковъ среднихъ школъ безъ прогимназій, то получатся слѣдующія цифры: изъ 281 гимназіи и реальныхъ училищъ съ 75.861 учениками приходятся на Варшавскій округъ 25 гимназій и реальныхъ училищъ съ 8.190 учениками.

Во всякомъ случаѣ эти отношенія, составляя для Варшавскаго округа менѣе 10% общаго числа среднихъ училищъ, и нѣсколько болѣе 10% общаго числа учащихся, вовсе не свидѣтельствуютъ о какомъ-либо привилегированномъ положеніи средняго образованія въ Царствѣ, если принять во вниманіе сравнительную значительность въ этомъ краѣ городского населенія.

Такъ, городское населеніе въ Европейской Россіи, безъ Царства Польскаго, составляетъ 11.830,546 душъ на 94.215.415 душъ общаго населенія или около 12%. Въ губерніяхъ же Царства Польскаго городское населеніе составляетъ 2.059.940 душъ на 9.455.943 души общаго населенія, т.-е. около 22%.

Переходя къ высшимъ училищамъ, мы находимъ, что изъ 9 университетовъ съ 16.582 учащимися въ Варшавскомъ округѣ находится 1 университетъ съ 1.242 учащимися. Это отношеніе оказывается уже ниже отношенія общей цифры населенія Царства къ населенію всего государства. Но отношеніе это окажется особенно далекимъ отъ какого-либо особаго предпочтенія

потребностей даннаго края общимъ потребностямъ государства, если принять во вниманіе, что городское населеніе въ Царствѣ составляетъ одну пятую часть общаго населенія, а въ Европейской Россіи, безъ Царства, только одну восьмую.

Высшихъ техническихъ училищъ во всемъ государствѣ находится 14; изъ нихъ одно въ Варшавскомъ округѣ, недавно основанный на частныя приношенія политехническій институтъ. Изъ 4 высшихъ сельскохозяйственныхъ училищъ 1 находится въ Царствѣ. Наконецъ, въ этомъ бѣгломъ статистическомъ очеркѣ необходимо упомянуть также, что въ Имперіи, за исключеніемъ Царства Польскаго, образовательныя средства представляются еще военно-учебными заведеніями, а именно: 5 академіями съ 1.328 учащимися, военными училищами и корпусами съ 17.527 учащимися.

Эти цифры рѣшительно опровергаютъ произвольныя жалобы на мнимое предпочтеніе интересовъ Царства въ дѣлѣ образованія.

Немалую роль въ сѣтованіяхъ нѣкоторыхъ газетъ на мнимое благопріятствованіе населенію окраинъ насчетъ коренныхъ русскихъ губерній играютъ конкуренціонныя жалобы промышленниковъ центральнаго района. Главнымъ аргументомъ при этомъ служитъ ссылка на то, что изъ русскихъ губерній вывозятся въ Царство преимущественно сырье или полуобработанные продукты, а изъ Царства идутъ взамѣнъ различныя издѣлія.

Фактъ этотъ, самъ по себѣ, не подлежитъ сомнѣнію, но существенный вопросъ заключается въ томъ, какъ именно представляется расчетный балансъ по обмѣну продуктовъ и товаровъ между Имперіею и Царствомъ? А такого вывода нельзя сдѣлать и на основаніи, напр., книги «Царство Польское на русскомъ рынкѣ»

гг. Дружинина и Точицкаго, такъ какъ въ ней сравниваются только количества, а не цѣнность вывозимыхъ и привозимыхъ товаровъ.

Но даже и на основаніи данныхъ, приводимыхъ въ этой книгѣ, позволительно усомниться, чтобы расчетный балансъ по взаимному обмѣну представлялся не только особенно благопріятнымъ для Царства Польскаго, но и вообще оказывался въ его пользу.

Изъ подсчета приведенныхъ въ книгѣ данныхъ слѣдуетъ, что изъ Имперіи ввезено въ Царство въ 1897 году 104½ милл. пудовъ разныхъ продуктовъ и товаровъ, а изъ Царства Польскаго въ Имперію нѣсколько менѣе 53 милл. пудовъ. Стало быть, Царство получило изъ Имперіи излишка ввоза противъ своего отпуска 52 милл. пудовъ, такъ что одинъ излишекъ привоза изъ Имперіи почти равнялся всему отпуску изъ Царства въ Имперію.

При томъ далеко не все количество товаровъ изъ Имперіи представлялось малоцѣнными сравнительно продуктами. Такъ изъ Имперіи ввезено въ Царство 159.736 штукъ живого скота, а изъ Царства въ Имперію всего 5 тысячъ штукъ.

Сырыхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ привезено изъ Имперіи въ Царство въ 1897 г. около 22 милл. пудовъ, а обработанныхъ до 19 милл. пуд.; изъ Царства же въ Имперію: первыхъ—2,2 милл. пуд., послѣднихь—1,4 милл. пуд. Привозъ продуктовъ полуобработанныхъ въ Царство составлялъ 3,2 милл. пуд., а отсюда въ Имперію—1,4 милл. пуд. Въ числѣ послѣднихъ надо отмѣтить шерсть, которой изъ Имперіи привезено 1,3 милл. пуд., вывезено же въ Имперію только 228 тыс. пуд., и кожи, которыхъ доставлено въ Царство 608 тыс. пуд., а получено 206 тыс. пуд.

Затѣмъ привозъ въ Царство и вывозъ отсюда далъ

слѣдующія цифры: для руды всякой—10,8 милл. противъ $6^1/_4$ милл. пуд., хлопка—1,4 м. противъ 3 тыс. пуд., матеріаловъ аптечныхъ, химическихъ и красильныхъ—1,3 милл. пуд. противъ 850 тыс. Привозъ въ Царство керосина и смазочныхъ составовъ далъ 4,6 милл. пуд., привозъ рыбы 1,6 милл. пуд., соли 5,6 милл. пуд., издѣлій изъ дерева 4,4 милл. пудовъ.

Зато превышеніе вывоза изъ Царства въ Имперію противъ привоза изъ Имперіи замѣчается по слѣдующимъ статьямъ: вывезено необработанныхъ металловъ 8 милл., привезено 3,7 милл., металлическихъ издѣлій вывезено 8,4 милл., ввезено 1,4 милл., издѣлій ткацкихъ вывезено 4,8 милл., ввезено 1,1 милл., сахару вывезено 1,9 милл., ввезено 1,1 милл. Наиболѣе же значительный перевѣсъ представляется въ вывозѣ тканей; по этой статьѣ перевѣсъ въ пользу Царства составлялъ 3,7 милл. пуд.

Что касается предшествующихъ цифръ, то слѣдуетъ отмѣтить, что излишекъ вывоза металловъ изъ Царства уравновѣшивается перевѣсомъ ввоза руды изъ Имперіи, а превышеніе въ вывозѣ металлическихъ издѣлій, какъ-то: машинъ, инструментовъ, вагоновъ объясняется желѣзнодорожными заказами и сравнительнымъ усовершенствованіемъ выдѣлки нѣкоторыхъ предметовъ въ Царствѣ.

Вывести расчетный балансъ по торговымъ операціямъ Имперіи съ Царствомъ слишкомъ трудно, такъ какъ для этого необходимо было бы не только знать цѣны сдѣлокъ, но и вычислить съ точностью всѣ элементы производства и доставки.

Нельзя оспаривать того факта, что по большинству родовъ товаровъ Царство получаетъ изъ Имперіи болѣе, чѣмъ вывозитъ въ нее—сырыхъ и необработанныхъ продуктовъ, а своихъ издѣлій сбываетъ въ Импе-

рію болѣе, чѣмъ получаетъ издѣлій изъ Имперіи. Но главный вопросъ все-таки—въ высотѣ самыхъ оборотовъ, а тотъ фактъ, что въ общемъ Имперія вывозитъ въ Царство товаровъ на 52 милл. пудовъ болѣе, чѣмъ получаетъ изъ Царства, а скота вывозитъ на 154 тысячи штукъ болѣе, чѣмъ ввозитъ, едва ли не свидѣтельствуетъ уже самъ по себѣ, что по цѣнности обмѣна расчетный балансъ положительно долженъ сводиться въ пользу Имперіи.

Если же въ отдѣльности, по тѣмъ или инымъ родамъ производства, замѣчается перевѣсъ отпуска изъ Царства въ Имперію или наоборотъ, то это представляетъ собой явленіе естественное и обусловленное обоюдною пользой. Съ обѣихъ сторонъ покупаютъ тамъ, гдѣ цѣны ниже, а сбывать стараются тамъ, гдѣ цѣны выше. Нареканія мѣстныхъ хозяевъ вызываютъ лишь дифференціальные тарифы перевозки, такъ какъ удешевленною доставкою дешеваго хлѣба они понижаютъ цѣны мѣстнаго хлѣба, низводя ихъ на уровень, при коемъ уже не оплачивается самая стоимость производства.

Такимъ образомъ въ Царство ввозятся весьма большія количества сырыхъ продуктовъ изъ мѣстностей Имперіи, гдѣ эти продукты производятся дешево. По той же причинѣ русскій потребитель охотно покупаетъ дешевый лодзинскій миткаль и дешевыя желѣзныя издѣлія Сосновицкаго округа. Этого требуютъ экономическій законъ и взаимная польза, и напрасно на это жаловаться.

Приведенная фактическая провѣрка жалобъ на мнимую эсплоатацію центра окраинами удостовѣряетъ полную неосновательность этихъ жалобъ, особенно въ отношеніи къ Царству Польскому. Это обстоятельство не противорѣчитъ вовсе тому, что нѣкоторыя экономиче-

скія условія во внутреннихъ губерніяхъ могутъ быть неудовлетворительны и что повсемѣстно были бы желательны болѣе быстрые успѣхи народнаго образованія.

Разсмотрѣніе особыхъ бытовыхъ условій во внутреннихъ губерніяхъ не можетъ входить въ задачу настоящаго очерка. Несомнѣнно, что важное вліяніе на бытъ населенія внутреннихъ губерній должны были оказывать такія причины, какъ относительно меньшіе, чѣмъ въ западныхъ губерніяхъ, размѣры земельнаго надѣла крестьянъ, меньшіе успѣхи въ разнообразіи земледѣльческой культуры, общинное владѣніе землею, болѣе частный переходъ владѣльческихъ имѣній изъ рукъ въ руки, испольное или арендное веденіе хозяйства, отсутствіе помѣщиковъ, отвлекаемыхъ отъ земли государственной службой, высокая заболѣваемость и смертность, отзывающіяся убыточно на крестьянскомъ хозяйствѣ и т. д.

Но каковы бы ни были причины, задерживающія улучшеніе бытовыхъ условій во внутреннихъ губерніяхъ, причины эти несомнѣнно должны быть болѣе глубоки и болѣе значительны, чѣмъ тѣ выгоды, какія можетъ доставлять населенію Царства Польскаго пребываніе въ его предѣлахъ 1 солдата на 40 жителей и хотя бы перевѣсъ вывоза миткалей изъ Царства въ Имперію на 3,7 мил. пудовъ въ годъ.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ

КРЕСТЬЯНЪ НА ЗАРАБОТКИ.

Вопросъ о переселеніи крестьянъ, многократно обсуждавшійся на страницахъ органовъ польской печати всѣхъ лагерей, все еще стоитъ на очереди и долго не перестанетъ быть предметомъ тщательныхъ изслѣдованій и вызывать страстные споры. Вопросъ этотъ породилъ цѣлую литературу, въ которой участвовали какъ публицисты, такъ и представители практической жизни; были даже попытки со стороны администраціи приподнять завѣсу, скрывающую тайну этого стихійнаго движенія среди безземельнаго крестьянства. Казалось бы, что послѣ столь разностороннихъ изслѣдованій вопросъ о переселеніи долженъ быть достаточно освѣщенъ и долженъ потерять характеръ таинственнаго явленія въ нашемъ обществѣ; что уже не только самыя сокровенныя тайны этого вопроса перестали быть тайнами, но что уже должны быть найдены средства предупрежденія и что если даже они не примѣнены пока на дѣлѣ, то уже вполнѣ выяснены, такъ что не можетъ оставаться никакихъ сомнѣній относительно того, по какому

пути слѣдуетъ идти. Къ сожалѣнію, во всей массѣ изслѣдованій и публицистическихъ статей по этому вопросу разсматривалась та или другая сторона этого общественнаго явленія, но нигдѣ мы не нашли анализа этого явленія во всей совокупности, ни даже въ главныхъ чертахъ. Еще менѣе можно теперь говорить о предупредительныхъ мѣрахъ, такъ какъ подъ вліяніемъ одностороннихъ взглядовъ примѣнялись иногда крайнія средства, забывались, а подчасъ умышленно игнорировались интересы населенія.

Это несоотвѣтствіе намѣреній съ достигнутыми результатами не должно удивлять того, кто знаетъ сложность всякаго явленія общественной жизни. Безъ предварительныхъ работъ и изслѣдованій можно лишь фантазировать на эту тему, но невозможно прійти къ положительнымъ выводамъ, хотя бы исписавъ цѣлые томы, ибо непосредственное изученіе общественныхъ явленій превышаетъ единичныя силы даже наиболѣе талантливыхъ людей. Неизбѣжно такому изученію должно предшествовать умѣлое и тщательное собираніе статистическаго матеріала, а это можетъ быть только сдѣлано правительственными и притомъ спеціальными органами, при непремѣнномъ условіи призыва къ совмѣстному труду компетентныхъ общественныхъ учрежденій. Хотя, какъ выше замѣчено, вопросъ переселенческій былъ уже затронутъ правительствомъ, но изслѣдованія эти были лишь подготовительныя; имъ недоставало системы, постоянства, главнымъ же образомъ въ этихъ трудахъ не было заинтересовано и привлечено къ участію общество. Во всякомъ случаѣ только правительство, либо широко развитыя общественныя учрежденія могутъ располагать достаточнымъ арсеналомъ средствъ, необходимыхъ для основательнаго изученія явленія общественной жизни, но и эти средства еще не все, что

нужно: они не могутъ замѣнить участія самого общества, исключеніе котораго можетъ привести лишь къ столь печальнымъ результатамъ, какіе достигнуты статистикою сельскаго хозяйства, которая служитъ нагляднымъ примѣромъ того, чѣмъ не должна быть статистика.

Послѣ этихъ указаній на затрудненія, связанныя съ занимающимъ насъ вопросомъ, излишне говорить, что мы не намѣрены всесторонне его разрѣшить, ниже указывать предупредительныя средства. Такая задача превышала бы наши силы и для рѣшенія ея мы не располагаемъ достаточными статистическими данными. Мы имѣемъ въ виду лишь сопоставить результаты прежнихъ изслѣдованій, поскольку мы придаемъ имъ значеніе, и присовокупить отъ себя нѣсколько вполнѣ объективныхъ замѣчаній, основанныхъ на изученіи статистическихъ данныхъ.

Въ высшей степени поразительно, что въ массѣ изслѣдованій, посвященныхъ занимающему насъ предмету, ни разу не сдѣлано попытки найти отвѣтъ на этотъ основной, по нашему мнѣнію, вопросъ: чѣмъ обусловлено переселеніе нашихъ крестьянъ за границу? По крайней мѣрѣ, насколько намъ извѣстно, никто не разрѣшалъ этого вопроса по цифровымъ даннымъ, хотя эти данныя есть, и даже довольно точныя.

Всякая эмиграція, постоянная или временная, вызывается прежде всего быстрымъ ростомъ населенія и недостаткомъ подходящаго занятія для излишка рабочихъ силъ. Эти условія встрѣчаются главнымъ образомъ въ промышленныхъ странахъ, гдѣ производительность земледѣлія не удовлетворяетъ нуждамъ страны, либо же въ странахъ, которыя, несмотря на быстрый ростъ населенія, по тѣмъ либо другимъ причинамъ, не въ состояніи развить соотвѣтственно свою производительность промышленную и земледѣльческую.

Царство Польское, несмотря на пресловутое развитіе промышленности, до сихъ поръ страна преимущественно земледѣльческая, ибо никоимъ образомъ нельзя присвоить эпитета «промышленная» странѣ, въ которой городское населеніе составляетъ лишь 21,74%. Въ Западной Европѣ, въ странахъ, по густотѣ населенія ближе всего стоящихъ къ Царству, городское населеніе составляетъ: во Франціи 37,4%, а въ Германіи 47%. Такимъ образомъ въ Царствѣ Польскомъ, изъ этихъ трехъ странъ занимающемъ послѣднее мѣсто (въ Ц. П. 61,4 душъ на кв. килом., во Франціи 71,8, въ Германіи 96,5) сельское населеніе гуще, чѣмъ во Франціи, и почти равно съ германскимъ, а именно во Франціи на 1 кв. килом. приходится 45 сельскихъ жителей, въ Царствѣ Польскомъ 48, въ Германіи 51. Это ненормальное отношеніе является прямымъ послѣдствіемъ чрезвычайно быстраго прироста населенія въ Царствѣ Польскомъ, при невозможности найти для большей части этого прироста занятіе въ городахъ, т.-е. въ промышленности.

Изъ разсмотрѣнія статистики населенія Германіи оказывается, что въ періодъ времени съ 1871 по 1890 годъ, при общемъ ежегодномъ приростѣ на 1,07%, городское населеніе возрасло съ 14.790.789 до 23.243.229 душъ, тогда какъ сельское населеніе за то же время даже уменьшилось съ 26.219.352 до 26.185.241. Во Франціи въ 1846 году отношеніе городского и сельскаго населенія выражалось въ сотыхъ доляхъ цифрами 24,42 и 75,58; по истеченіи же 50 лѣтъ, въ 1896 году цифры эти уже 37,4 и 62,6. И во Франціи, и въ Германіи весь приростъ населенія съ избыткомъ даже нашелъ себѣ мѣсто въ городахъ, несмотря на то, что въ Германіи за время съ 1871 по 1890 годъ населеніе увеличилось на 24%. Въ Царствѣ Польскомъ происходитъ какъ разъ обратное явленіе: коэффиціентъ прироста населенія здѣсь

самый высокій—1,57% ежегодно (въ Европейской Россіи 1,27; въ Голландіи 1,17; въ Великобританіи 1,10; въ Германіи 1,07; въ Венгріи 1,04; въ остальной Европѣ ниже 1); вслѣдствіе сего все населеніе Царства за 25 лѣтъ, съ 1872 по 1897 годъ, возрасло съ 6.528.017 до 9.455.943 душъ, т.-е. на 2.927.926 душъ; въ то же время городское населеніе увеличилось съ 1.057.936 до 2.055.895, т.-е. на 997.956 душъ. Итакъ, вслѣдствіе необыкновенно быстраго роста всего населенія, несмотря на еще болѣе быстрый ростъ городовъ, огромное большинство общаго прироста, около 1.930 тысячъ душъ, не имѣло возможности размѣститься въ городахъ, подобно тому какъ во Франціи и Германіи, но должно было остаться на землѣ.

Не слѣдуетъ ни на минуту обманывать себя мыслью о томъ, что излишекъ сельскаго населеніе можетъ въ ближайшемъ будущемъ найти помѣщеніе для своихъ производительныхъ силъ въ промышленности. Хотя взглядъ такой можетъ казаться слишкомъ пессимистическимъ, но цифры ясно доказываютъ истину этихъ словъ. Предположимъ, что изъ 1930 тысячъ душъ, составляющихъ общій приростъ сельскаго населенія Царства, только $^1/_3$, т.-е. свыше 600 тысячъ, способна къ труду—замѣтимъ кстати, что мы беремъ отношеніе ниже того, которое принято въ Западной Европѣ — слѣдовательно, возникаетъ вопросъ, могутъ ли эти 600 тысячъ, и даже половина того количества, 300 тысячъ душъ, расчитывать въ близкомъ будущемъ на работу въ промышленности? Цифры даютъ категорическій отвѣтъ — отрицательный. Несомнѣнно, промышленность Ц. П. развилась чрезвычайно: въ 1871 году общее количество лицъ, занятыхъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, было 75.616—въ 1897 году число это возрасло до 243.733. Но это именно и доказываетъ полную невозможность

найти въ скоромъ времени занятіе для излишка сельскаго населенія. Дѣйствительно, на низшихъ ступеняхъ развитія промышленности легко удвоить и даже утроить количество рабочей силы; но чѣмъ дальше развивается промышленность, тѣмъ это труднѣе,—быстрота развитія все замедляется. Если бы мы были въ состояніи удвоить наше промышленное производство въ теченіе 10 лѣтъ, то это угрожало бы, по всей вѣроятности, крупнымъ общественнымъ бѣдствіемъ. Мы были бы наканунѣ перепроизводства со всѣми его послѣдствіями, застоемъ дѣлъ и даже промышленнымъ крахомъ. Мы твердо увѣрены въ томъ, что промышленность Царства не перестанетъ развиваться, но, не поддаваясь самообольщенію, говоримъ откровенно и прямо, что въ близкомъ будущемъ промышленность эта можетъ употребить на дѣло лишь незначительную часть излишка нашего сельскаго населенія.

Мы уже нѣсколько разъ назвали приростъ сельскаго населенія излишкомъ. Чтобы доказать правильность такого опредѣленія, которое можетъ казаться не обоснованнымъ и предвзятымъ, разсмотримъ вкратцѣ условія сельской производительности Царства.

Одно сопоставленіе урожая хлѣба съ 1 гектара въ странахъ съ развитою культурою, а именно

въ	Великобританіи	31,1	гектолитровъ
»	Бельгіи	30,2	»
»	Голландіи	28,5	»
»	Франціи	18,1	»

ясно доказываетъ, что Ц. П. въ этомъ отношеніи стоитъ далеко позади. Мы не приводимъ здѣсь среднихъ цифръ урожаевъ Царства, такъ какъ цифры эти, исходящія отъ гминныхъ писарей, не заслуживаютъ довѣрія. Всякій сельскій хозяинъ знаетъ, однако, прекрасно, что

Ц. П. далеко въ этомъ отношенiи отстало даже отъ Францiи, гдѣ среднiй урожай соотвѣтствуетъ 10 четвертямъ съ десятины. Оно далеко отстало даже отъ сосѣдней и находящейся въ такихъ же почти климатическихъ условiяхъ Германiи. Казалось бы посему, что если не весь приростъ сельскаго населенiя, то по крайней мѣрѣ значительная его часть могла бы найти себѣ пропитанiе въ земледѣлiи, которое, при все болѣе интенсивномъ хозяйствѣ, будетъ нуждаться въ соотвѣтственномъ увеличенiи числа рабочихъ рукъ. Весь вопросъ въ томъ, можетъ ли Ц. П. довести свое сельское хозяйство хотя бы до того состоянiя, въ какомъ оно находится въ Германiи. Не говоря объ иныхъ многочисленныхъ и весьма важныхъ факторахъ, обусловливающихъ бóльшую, либо меньшую интенсивность сельскаго хозяйства, остановимся на одномъ первостепенномъ условiи, какимъ является, безспорно, густота населенiя. Сопоставляя среднiй урожай съ 1 гектара съ густотою населенiя, мы находимъ слѣдующiя данныя:

	Число жителей на 1 кв. килом.	Урожай съ 1 гектара гкл.
Великобританiя . . .	126	31,1
Бельгiя.	220	30,2
Голландiя	149	28,5
Францiя	72	18,1

Изъ приведенной таблицы наглядно явствуетъ, что при одинаковыхъ остальныхъ условiяхъ интенсивность сельскаго хозяйства находится въ прямой зависимости отъ густоты населенiя и что, слѣдовательно, Ц. П. лишено этого необходимаго фактора. Названныя страны вслѣдствiе густоты населенiя являются странами потребляющими привозный хлѣбъ, Ц. П. же до сихъ поръ является страною, вывозящей хлѣбъ. Только въ четырехъ уѣздахъ, Варшавскомъ, Лодзинскомъ, Ченстоховскомъ и

Бендинскомъ, мѣстное производство хлѣба не удовлетворяетъ мѣстнымъ нуждамъ. На всемъ остальномъ пространствѣ края находимъ вездѣ извѣстный избытокъ. Взглядъ этотъ нѣсколько противорѣчитъ недавно опубликованнымъ выводамъ, основаннымъ на изученіи желѣзнодорожной статистики, согласно которымъ Ц. П. уже теперь является страною хлѣбнаго ввоза. Не разбирая подробнѣе помянутаго труда, составленнаго съ бенедиктинскою, воистину, кропотливостью, замѣтимъ только, что въ немъ не приняты во вниманіе сплавъ хлѣба по Вислѣ и вывозъ по грунтовымъ дорогамъ. Если же мы припомнимъ, что весь пограничный съ Пруссіею районъ Царства лишенъ желѣзнодорожнаго сообщенія и что къ нашей границѣ направляются многочисленныя вѣтви прусскихъ желѣзныхъ дорогъ, то легко понять, какія послѣдствія долженъ былъ имѣть пропускъ вывоза по грунтовымъ дорогамъ, тѣмъ болѣе, что, по самому скромному подсчету, въ Сувалкской, Калишской и Плоцкой губерніяхъ избытокъ хлѣбовъ составляетъ около 18 мил. пудовъ, то-есть значительно болѣе, чѣмъ весь воображаемый недородъ хлѣба въ Царствѣ. По этимъ соображеніямъ мы рѣшительно утверждаемъ, что въ настоящее время страна эта является страною хлѣбнаго вывоза. Всѣ же мечты объ интенсивной культурѣ въ видахъ вывоза—несбыточны. Стоимость производства хлѣба растетъ соотвѣтственно повышенію культуры и окупается только при обезпеченіи непосредственныхъ рынковъ сбыта. Несмотря на улучшеніе средствъ сообщеній, вывозъ сельскихъ продуктовъ въ необработанномъ видѣ доступенъ только странамъ съ низкою культурою, требующею ничтожныхъ затратъ. Если затѣмъ принять во вниманіе сильную конкуренцію на всемірныхъ рынкахъ, значительно понижающую цѣны продуктовъ сельскаго хозяйства, то слѣ-

дуетъ усомниться въ возможности быстраго подъема культуры у насъ, по крайней мѣрѣ такого подъема, который бы обезпечилъ занятіе для значительной части безземельнаго населенія.

Итакъ, вслѣдствіе естественныхъ причинъ, главнымъ же образомъ благодаря неблагопріятному взаимоотношенію городского и сельскаго населенія, т.-е. вслѣдствіе отсутствія мѣстныхъ рынковъ сбыта, Царство Польское лишено условій, необходимыхъ для интенсивнаго производства хлѣба по крайней мѣрѣ въ настоящее время и въ ближайшемъ будущемъ. Помимо этихъ естественныхъ экономическихъ причинъ, выдвигаются также и задерживающіе факторы, т. сказ., искусственные: среди нихъ первое мѣсто занимаетъ конкуренція на нашихъ главныхъ рынкахъ сбыта восточныхъ окраинъ. Востокъ побиваетъ Ц. П. дешевизною производства, неразрывно связаннаго съ первоначальными ступенями культуры, точнѣе—съ ея отсутствіемъ; но эта конкуренція при громадныхъ сухопутныхъ разстояніяхъ не существовала бы вовсе, или сводилась бы къ весьма скромнымъ размѣрамъ, если бы не примѣнялись искусственныя средства возбужденія, въ видѣ неслыханнаго пониженія желѣзнодорожныхъ тарифовъ, которое поддерживаетъ эту конкуренцію и даже прямо порождаетъ ее.

Въ результатѣ рынки Ц. П. всегда переполнены хлѣбными запасами, что̀ удерживаетъ цѣны зерна и муки на слишкомъ низкомъ уровнѣ, вовсе не соотвѣтствующемъ стоимости производства. При такихъ условіяхъ невозможно мечтать о быстромъ подъемѣ сельскохозяйственной культуры, а, слѣдовательно, и объ увеличеніи спроса на рабочія руки на этомъ поприщѣ.

Выдвигая впередъ условія производства хлѣба, мы имѣли въ виду, что не только у насъ, но и въ стра-

нахъ съ наиболѣе интенсивною культурою, оно занимаетъ первое мѣсто. Степень интенсивности культуры равносильна увеличенію производства корнеплодныхъ растеній и большему спросу на рабочія руки, но и въ этомъ отношеніи нельзя у насъ ставить благопріятныхъ предсказаній. Это особенно относится къ пограничному поясу Царства, гдѣ переселенческое движеніе наиболѣе развито и гдѣ преобладаетъ легкая почва. Для такой почвы естественнымъ корнеплоднымъ растеніемъ является картофель, наибольшимъ же потребителемъ—винокуреніе. Достаточно привести нѣсколько цифръ, дабы убѣдиться въ томъ, что эта столь важная отрасль сельскохозяйственной промышленности за послѣднія 25 лѣтъ не только не развивается, а напротивъ того, находится въ упадкѣ:

	Число винокуренныхъ зав.	Стоимость производства въ тысяч. руб.	Число занятыхъ рабочихъ.
въ 1871 году . . .	1.027	11.810	5.127
» 1880 » . . .	463	14.775	2.874
» 1897 » . . .	340	3.161	2.048

Положимъ, что въ то же время значительно развилось сахарovареніе, а слѣдовательно и культура свекловицы, но она свойственна только тяжелымъ почвамъ и, слѣдовательно, не можетъ покрыть тѣхъ недочетовъ, которые вызваны упадкомъ винокуренія.

Несмотря на столь неблагопріятныя условія, всей совокупности которыхъ мы не можемъ здѣсь разсмотрѣть, нельзя не признать того обстоятельства, что наше сельское хозяйство хотя и медленно, но все же развиваетъ и улучшаетъ всѣ отрасли своего производства. Но и такое улучшеніе культуры не всегда порождаетъ болѣе выгодныя условія труда и соотвѣственное увеличеніе спроса на рабочія руки. Это особенно замѣтно въ производствѣ хлѣбовъ, гдѣ употребленіе улучшенныхъ земле-

дѣльческихъ орудій, въ особенности же замѣна серпа косою, а этой послѣдней—машиною для жнива, никоимъ образомъ не сопровождается увеличеніемъ спроса на рабочія руки. Еще менѣе благопріятныя послѣдствія имѣла замѣна цѣпа конною молотилкою, а затѣмъ паровою, которая, значительно сокращая рабочее время, во многихъ случаяхъ является роковымъ факторомъ, обусловливающимъ опустошеніе деревень и обезцѣненіе хлѣба, появляющагося на рынкахъ не постепенно, а сразу въ большомъ количествѣ.

Неоднократно уже указывалось, что наилучшимъ средствомъ противъ переселеній является предоставленіе безземельному населенію земельной собственности. Эта, въ основѣ своей здравая, мысль можетъ быть, однако, осуществлена лишь въ незначительныхъ размѣрахъ, и никакъ не въ отношеніи всего безземельнаго люда. Существеннымъ препятствіемъ являются прежде всего матеріальныя условія. Въ настоящее время безземельное населеніе въ Царствѣ превышаетъ 1 милліонъ душъ, что составитъ, считая по 5 душъ на семью (по оффиціальнымъ даннымъ 4,2), около 200 тысячъ семей. Чтобы создать такое же количество самостоятельныхъ хозяйствъ, считая стоимость каждаго минимально въ $1^1/_2$ тыс. руб., слѣдуетъ затратить 300 милл. руб. По крайней мѣрѣ третью часть этой суммы, т.-е. 100 милл. руб. должны внести сами соискатели такихъ хозяйствъ; но едва ли возможно предполагать, что нашъ безземельный пролетаріатъ располагаетъ столь значительнымъ капиталомъ. Создавать же хозяйства, обремененныя долгомъ свыше $^2/_3$ своей стоимости, значило бы создавать хозяйственныя единицы, не имѣющія прочныхъ основъ, точнѣе, вовсе безъ основъ. Мы позволимъ себѣ позаимствовать въ этомъ отношеніи данныя изъ дѣятельности Крестьянскаго банка, пришед-

шаго къ убѣжденію, что слишкомъ широкій кредитъ приводитъ къ самымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ, какъ, напр., покинутіе усадебъ новыми пріобрѣтателями, имѣвшее мѣсто въ Плоцкой губ., или принудительныя продажи ихъ, къ которымъ приходилось прибѣгать въ Люблинской губ.

Разбирая въ краткомъ очеркѣ условія развитія нашей промышленности и земледѣлія, мы пришли къ конечному выводу, что излишекъ сельскаго населенія, несомнѣнно существующій въ Ц. П., не можетъ расчитывать ни въ данную минуту, ни въ ближайшемъ будущемъ на занятіе своихъ силъ какъ въ фабричномъ производствѣ, такъ и въ земледѣліи, ни въ видѣ рабочей силы, ни въ видѣ мелкихъ земельныхъ собственниковъ. При такихъ естественныхъ условіяхъ возникло и развивается переселенческое движеніе нашихъ крестьянъ, въ видѣ эмиграціи навсегда, или же ухода на время, на заработки. Оно является движеніемъ массъ, толкаемыхъ экономическою необходимостью, а отнюдь не влекомыхъ желаніемъ увидѣть чужія страны, какъ то полагаютъ нѣкоторые наши изслѣдователи. Конечно, нельзя отрицать, что могутъ быть и такіе единичные случаи, но ихъ не должно обобщать, принимая часть за цѣлое. Этому стихійному движенію среди нашего народа, какъ и всякому массовому движенію, нельзя поставить преграды, ни даже думать о постановкѣ серьезныхъ препятствій. Естественныя потребности массъ должны найти себѣ удовлетвореніе въ той или другой формѣ; тутъ не помогутъ никакія, даже самыя суровыя репрессивныя мѣры. Но совершенно другое дѣло, задаваться не цѣлью уничтожить это движеніе, а только поставить его въ извѣстныя рамки для того, чтобы обезпечить нашимъ переселенцамъ наибольшія матеріальныя выгоды, не забывая и о

ихъ нравственныхъ потребностяхъ, а также общихъ экономическихъ нуждахъ всей страны. Такая дѣятельность, не только возможная, но по многимъ причинамъ весьма желательная, является даже общественною и государственною необходимостью. Что же сдѣлано у насъ въ этомъ направленіи? Къ сожалѣнію, почти ничего. Административная власть въ краѣ, видя свое безсиліе противъ этого массоваго движенія, желала по возможности облегчить паспортныя формальности, дабы предотвратить нарушенія правилъ. Но и эти чисто канцелярскія мѣропріятія не достигли желаемой цѣли, такъ какъ крестьяне въ большинствѣ случаевъ не желаютъ брать и не берутъ даже безплатныхъ паспортовъ. Только въ послѣднее время россійскія консульства въ Кенигсбергѣ и Бреславлѣ начали обращать вниманіе на движеніе и положеніе нашихъ переселенцевъ на чужбинѣ. Но пока единственною успѣшною мѣрою является исходатайствованіе у германскаго правительства освобожденія нашихъ сельскихъ рабочихъ отъ обязательныхъ вычетовъ въ пользу государственнаго страхованія рабочихъ, института въ высшей степени спасительнаго для туземцевъ, но являющагося для временныхъ переселенцевъ только тягостью.

Польская печать по мѣрѣ возможности пыталась исполнить свой долгъ, забивъ тревогу. Но для основательнаго освѣщенія вопроса прежде всего не было статистическихъ данныхъ. Статистики занятій (Berufsstatistik) у насъ и вовсе не ведется, а статистика сельскохозяйственной производительности является плодомъ фантазіи и юмора гминныхъ писарей. Что же касается до интеллигенціи, то она искусственно такъ удалена отъ народа, что не могло быть и рѣчи объ участіи ея въ систематическомъ изученіи вопроса; она не имѣетъ возможности сблизиться съ народомъ, по

отсутствію всякой хозяйственной организаціи. Основанныя въ послѣднее время сельско-хозяйственныя общества являются первыми опытами на этомъ поприщѣ, но и они, будучи даже исполнены наилучшихъ намѣреній, не будутъ въ состояніи поставить на очередь и изслѣдовать столь сложный и многозначительный соціальный вопросъ. Этому прежде всего помѣшаетъ отсутствіе необходимыхъ, весьма дорогихъ средствъ и учрежденій.

Посему неудивительно, что переселенческое движеніе имѣетъ для насъ обликъ сфинкса. Хорошо еще, если мы знаемъ какими путями и куда оно направляется, но если только пожелаемъ коснуться вопросовъ о количествѣ и условіяхъ, то попадаемъ въ истинный лабиринтъ загадокъ. Кромѣ отдѣльныхъ фактовъ, намъ ничего неизвѣстно, факты же эти мы почерпаемъ изъ разнообразныхъ, часто недостовѣрныхъ и всегда неточныхъ источниковъ. Результатомъ этого является, напр., то обстоятельство, что одни опредѣляютъ переселеніе въ Германію только въ нѣсколько десятковъ тысячъ, другіе же говорятъ о 300 тысячахъ. То же относится и къ матеріальнымъ условіямъ: одни, въ оптимистическомъ ослѣпленіи, видятъ въ переселеніи не только экономическую неизбѣжность, но и прямое благодѣяніе, другіе, напротивъ того, по разнымъ соображеніямъ не признаютъ за переселеніемъ никакого основанія и порицаютъ его огуломъ.

Среди такой массы самыхъ разнообразныхъ мнѣній и взглядовъ не трудно заблудиться, даже при наилучшихъ желаніяхъ; посему мы старались занять по возможности наиболѣе объективную точку зрѣнія. Анализъ статистическихъ данныхъ и сопоставленіе ихъ со всей совокупностью существующихъ отношеній, изображенныхъ здѣсь лишь въ краткомъ очеркѣ, привели насъ къ убѣжденію, что переселеніе крестьянъ является

неизбѣжнымъ послѣдствіемъ тѣхъ экономическихъ и соціальныхъ условій, въ которыхъ находится Царство Польское.

Въ отношеніи этого переселенческаго движенія слѣдуетъ признать установленнымъ: 1) что болѣе обезпеченная часть переселенцевъ предпочитаетъ эмиграцію навсегда въ заморскія страны въ надеждѣ достигнуть тамъ обезпеченнаго положенія; 2) что болѣе значительная часть переселенцевъ, располагающая меньшими матеріальными средствами, направляется на временные заработки въ Германію, возвращаясь на родину по окончаніи рабочаго времени.

Эмиграція, въ собственномъ смыслѣ этого слова, всегда почти утрачиваетъ экономическую связь съ родиною и потому мы ее оставимъ въ сторонѣ, изучая переселенческое движеніе главнымъ образомъ съ экономической точки зрѣнія.

Временное переселеніе нашихъ крестьянъ на заработки широкимъ потокомъ направилось въ Германію, гдѣ оно нашло наилучшій рынокъ для своего труда. Выше мы замѣтили, что во временномъ переселеніи участвуетъ наименѣе обезпеченная часть нашего населенія; при такомъ условіи оно естественно должно было избрать ближайшій рынокъ для своего труда, а таковымъ несомнѣнно является Германія. Кромѣ побужденій, имѣющихъ свой источникъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ, Германія, будучи страною съ интенсивною культурою, т.-е. съ сильно развитою культурою корнеплодныхъ, привлекаетъ еще и тѣмъ, что нуждается въ рабочихъ силахъ на болѣе продолжительное рабочее время. Вотъ почему, всѣ проекты, задающіеся цѣлью направить нашихъ переселенцевъ во внутреннія губерніи, лишены всякаго основанія, такъ какъ даже сравнительно высокая заработная плата не можетъ уравновѣ-

сить такихъ факторовъ, какъ суровость климата и первобытное состоянiе хозяйствъ, которые сокращаютъ до минимума рабочiй перiодъ. Вотъ почему предпринятыя въ 1899 году попытки направить переселенческое движенiе изъ Плоцкой губернiи потерпѣли полнѣйшую неудачу, вызвавъ среди крестьянъ лишь нареканiя и озлобленiе.

Въ нашемъ очеркѣ мы пытались изобразить роковую необходимость переселенiя нашего крестьянства за предѣлы родины на заработки и рацiональность избраннаго направленiя, но мы умышленно не касались вопросовъ о томъ, насколько можно предотвратить это переселенческое движенiе, какiя мѣры слѣдовало бы примѣнить съ этою цѣлью и что̀ можно сдѣлать для улучшенiя условiй переселенiя. Все это такiе вопросы, правильное рѣшенiе которыхъ зависитъ прежде всего отъ обстоятельнаго знакомства со всѣми даже самыми незначительными явленiями переселенческаго движенiя, между тѣмъ, какъ мы уже неоднократно имѣли случай замѣтить, несмотря на огромное значенiе разбираемаго вопроса и наилучшiя желанiя общества, мы до сихъ поръ бредемъ въ темнотѣ вслѣдствiе отсутствiя фактическаго матерiала, собраннаго не случайно, а на основанiи серьезнаго изслѣдованiя, произведеннаго по предначертанному плану. Только данныя, собранныя такимъ путемъ, могли бы имѣть падлежащiй вѣсъ и могли бы лечь въ основу дальнѣйшихъ выводовъ, которые бы соотвѣтствовали значенiю разбираемаго вопроса. Вотъ почему, не желая заслужить упрекъ въ легкомысленномъ отношенiи къ общественнымъ вопросамъ, мы ограничиваемся на указанiи огромнаго значенiя эмиграцiи для Царства Польскаго и настоятельной необходимости тщательныхъ и объективныхъ изслѣдованiй всѣхъ проявленiй этого движенiя.

Но, повторяемъ, ни усилія отдѣльныхъ лицъ, ни совокупные труды сельскохозяйственныхъ обществъ, ни даже работы правительства, сами по себѣ, недостаточны для успѣшнаго рѣшенія этого вопроса. Необходимо еще дѣятельное организованное соучастіе мѣстной интеллигенціи. Здѣсь не мѣсто указывать, чѣмъ должна быть эта организація, мы обращаемъ вниманіе лишь на ея необходимость.

Изслѣдованія, произведенныя при такихъ условіяхъ, дадутъ богатый статистическій матеріалъ и послужатъ исходной точкой для дѣятельности, направленной прежде всего къ упорядоченію эмиграціи, а затѣмъ къ созданію такихъ экономическихъ и соціальныхъ отношеній, которыя бы обезпечили столь выгодный внутренній рынокъ для рабочей силы, чтобъ постепенно исчезла необходимость переселяться на чужбину, не вслѣдствіе системы запретовъ, но въ силу непоколебимаго закона равновѣсія между спросомъ на трудъ и его предложеніемъ.

Однако въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно одновременно приступить и къ изученію вопроса, и къ вышеозначенной дѣятельности; это въ особенности касается мѣръ, направленныхъ къ охранѣ переселенцевъ. Изъ нихъ мы назовемъ:

1) Созданіе оффиціальныхъ посредническихъ и справочныхъ конторъ, съ цѣлью устранить вредное вліяніе тайныхъ посредниковъ.

2) Совершенное устраненіе переселенія подростающей молодежи, въ каковомъ возрастѣ эмиграція порождаетъ обыкновенно нравственное одичаніе.

и 3) Опеку государства надъ переселенцами за границею, въ видахъ предотвращенія злонамѣренной эксплоатаціи.

Изъ числа средствъ предупрежденія мы поставимъ на первомъ мѣстѣ:

1) Упорядоченіе земельныхъ отношеній въ странѣ посредствомъ постепенной отмѣны сервитутовъ на помѣщичьихъ земляхъ и разверстанія угодій.

2) Приведеніе наслѣдственнаго права въ соотвѣтствіе съ обычаемъ крестьянъ.

3) Созданіе для мелкой земельной собственности долго- и краткосрочнаго кредита.

4) Введеніе обязательнаго взаимнаго страхованія движимости отъ огня, домашняго скота отъ падежа и посѣвовъ отъ града.

5) Развитіе и поддержаніе кустарнаго промысла соотвѣтственно мѣстнымъ потребностямъ.

6) Распространеніе среди крестьянъ познаній по земледѣлію и сельскому хозяйству; устройство образцовыхъ фермъ и случныхъ пунктовъ племенного скота.

Наконецъ, къ косвеннымъ мѣрамъ, но имѣющимъ первостепенное значеніе, мы причислимъ:

1) упорядоченіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ во внутреннемъ и внѣшнемъ сообщеніи, съ цѣлью удержать цѣны на хлѣбъ на уровнѣ, соотвѣтствующемъ мѣстнымъ условіямъ;

2) содѣйствіе развитію всѣхъ отраслей сельскохозяйственной промышленности;

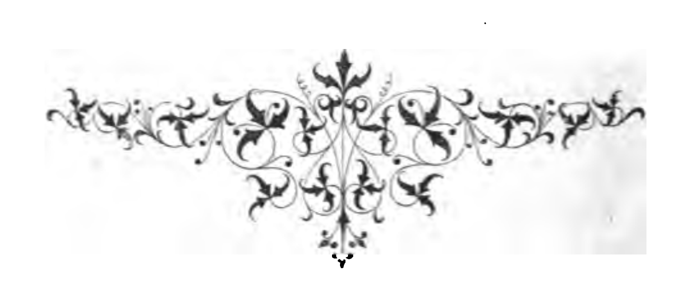
3) улучшеніе грунтовыхъ и водяныхъ путей сообщенія;

4) созданіе меліоративнаго кредита для сельскаго хозяйства;

5) содѣйствіе промышленности въ краѣ съ цѣлью создать рядъ внутреннихъ рынковъ для сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства, а равно и очаговъ, куда бы уходили излишнія рабочія силы деревни.

Начертанная нами въ самыхъ общихъ чертахъ про-

грамма превосходитъ силы и средства частной инициативы не только отдѣльныхъ лицъ, но и общественныхъ учрежденій—и это не удивительно. Вопросъ переселенческій одинъ изъ тѣхъ, которые безконечны по своей обширности, важности и сложности. Въ рѣшеніи такихъ задачъ частный и даже общественный починъ только тогда можетъ имѣть значеніе, если найдетъ энергическую поддержку и содѣйствіе въ правительственныхъ сферахъ.

УЧРЕЖДЕНІЯ

МЕЛКАГО КРЕДИТА.

Учрежденія мелкаго кредита для сельскаго населенія возникли въ Царствѣ Польскомъ непосредственно послѣ надѣленія землею крестьянъ, которое вызвало потребность въ этихъ учрежденіяхъ.

Новые собственники, получивъ сразу, безъ соотвѣтственной подготовки усадьбы на правахъ собственности, были лишены денежныхъ средствъ на необходимые расходы по улучшенію хозяйства, по сооруженію и ремонту построекъ, по покупкѣ инвентаря и т. п.; среди нихъ были и малоземельные, получившіе только пустыя поля, требовавшія полнаго хозяйственнаго обзаведенія.

Для удовлетворенія этой спѣшной потребности правительство, по собственному почину, открыло гминныя ссудо-сберегательныя кассы, составляющія въ извѣстной степени развитіе и дополненіе акта надѣленія крестьянъ землею.

Образцомъ для этихъ кассъ послужили недавно передъ тѣмъ возникшія и очень шибко развившіяся, осо-

бенно въ Германіи, ссудныя товарищества системы Шульце-Делича и Райффейзена, отъ коихъ, однако, наши кассы существенно отличаются во многомъ. Ссудныя товарищества вызываются къ жизни извѣстной группою лицъ, которая сама чувствуетъ въ нихъ потребность, гминныя же кассы возникаютъ по распоряженію правительства; въ ссудныхъ товариществахъ основной капиталъ складываютъ сами участники, а гминнымъ кассамъ его даетъ государство либо гмина; въ ссудныхъ товариществахъ правленіе дѣйствуетъ самостоятельно и избирается изъ числа участниковъ, въ гминной кассѣ правленіе ея тѣсно связано съ управленіемъ самой гмины, гминный войтъ вмѣстѣ съ тѣмъ и директоръ кассы.

Первоначально основной капиталъ для гминныхъ кассъ былъ почерпнутъ изъ капитала на общественныя нужды, собраннаго земскимъ кредитнымъ обществомъ въ суммѣ 1.940.474 р. 95½ к. и внесеннаго въ 1866 году въ депозитъ казны на общественныя цѣли. Правительство признало, что нельзя сдѣлать изъ этого капитала лучшаго употребленія, какъ назначивъ проценты отъ него на открытіе гминныхъ ссудо-сберегательныхъ кассъ. Въ 1869 г. правительство выплатило изъ него 166.560 р. и на эти деньги было учреждено въ каждомъ уѣздѣ Царства Польскаго по одной гминной кассѣ, всего 85 кассъ—каждая съ основнымъ капиталомъ въ 737 р.; въ слѣдующемъ году въ каждомъ уѣздѣ прибавлено по 2 кассы, съ основнымъ капиталомъ въ 610 р.

Независимо отъ этихъ кассъ, основанныхъ изъ средствъ капитала на общественныя нужды, гмины открывали кассы на собственныя свои средства; наконецъ, извѣстное число кассъ было основано на прибыли, полученныя кассами первой категоріи, ибо правительство поставило условіемъ, что прибыль, полученная кас-

сами, которыя основаны на средства изъ капитала на общественныя нужды, будетъ употреблена на учрежденіе новыхъ кассъ.

Однимъ изъ важныхъ источниковъ прибылей гминныхъ кассъ въ первые годы ихъ существованія были пени, уплачиваемыя заемщиками по просроченнымъ ссудамъ. До судебной реформы, послѣдовавшей въ 1876 г., эти пени включались въ капиталы гминныхъ кассъ, а такъ какъ, съ одной стороны, крестьяне часто просрочиваютъ ссуды, съ другой же, пени весьма высоки, составляя копѣйку съ рубля въ недѣлю, т.-е. 52% въ годъ, то деньги, получавшіяся изъ этого источника, доходили до значительныхъ суммъ, дававшихъ возможность открывать новыя кассы. Съ 1876 года пени получили новое назначеніе, а именно на содержаніе мѣстъ заключенія, вслѣдствіе чего этотъ обильный источникъ прибылей для гминныхъ кассъ изсякъ и съ этого времени учрежденіе новыхъ кассъ на прибыли существующихъ стало гораздо болѣе рѣдкимъ.

Въ общемъ основной капиталъ 1320 гминныхъ кассъ, дѣйствовавшихъ 1 января 1900 г., составлялъ первоначально 1.364.336 р. 72¾ к.; затѣмъ къ этой суммѣ прибавились: а) сдѣланныя въ пользу кассъ пожертвованія въ суммѣ 10.963 р. 56½ к., б) прибылей, полученныхъ ими въ суммѣ 5.804.379 р. и, такимъ образомъ, основной капиталъ кассъ составлялъ къ 1 января 1900 г. 7.168.716 р. 54¼ к.

Гминныя кассы предназначены исключительно для сельскаго и городского населенія, съ исключеніемъ крупныхъ собственниковъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ. Первоначально въ кассахъ могли пользоваться кредитомъ только крестьяне, но затѣмъ кругъ лицъ, которымъ выдаются ссуды, былъ расширенъ и теперь кредитомъ пользуются:

1) крестьяне, владѣющіе недвижимостью въ предѣлахъ гмины;

2) безземельные сельскіе рабочіе;

3) шляхтичи, владѣющіе землей, въ размѣрѣ не болѣе 60 морговъ;

4) мѣщане-земледѣльцы;

5) жители посадовъ, не принадлежащіе къ классу мѣщанъ-земледѣльцевъ, и владѣющіе землею съ постройками не свыше 6 морговъ.

Въ отношеніи же способа пользованія кредитомъ кліенты гминныхъ кассъ дѣлятся на двѣ категоріи:

1) владѣльцы недвижимостей получаютъ ссуды подъ залогъ своей собственности, а если у нихъ устроена ипотека, то на первый нумеръ ея;

2) безземельные пользуются личнымъ кредитомъ при условіи поручительства за нихъ двухъ владѣльцевъ недвижимостей.

Всѣ учрежденія поземельнаго кредита устанавливаютъ минимумъ оцѣнки или пространства, съ условіемъ, что недвижимости ниже этого минимума не принимаются въ залогъ, такъ какъ слишкомъ мелкія недвижимости не представляютъ гарантіи для кредита. Первоначальный уставъ кассъ установилъ, какъ таковой минимумъ, 3 морга земли. Оказалось, однако, что крестьяне не расположены къ поручительствамъ, вслѣдствіе чего личный кредитъ нашелъ въ гминныхъ кассахъ столь незначительное примѣненіе, что на 25 ссудъ, обезпеченныхъ недвижимостью, приходилась одна ссуда за поручительствомъ; это обстоятельство вынудило законодательную власть въ 1870 г. расширить границы залоговаго кредита, предоставивъ его и малоземельнымъ собственникамъ, владѣющимъ участкомъ земли болѣе 1 морга.

Принципъ выдачи ссудъ преимущественно подъ обез-

печеніе недвижимостей, а въ тѣхъ случахъ, когда устроена ипотека, на первый нумеръ ея, ставитъ значительное число лицъ, имѣющихъ личныя квалификаціи для полученія кредита, въ фактическую невозможность пользоваться имъ.

По новѣйшимъ статистическимъ даннымъ пространство земель, входящихъ въ составъ сельскихъ и посадскихъ гминъ, составляетъ 20.913.835 морговъ, изъ коихъ: а) 8.702.277 морговъ составляетъ надѣльная крестьянская собственность, находящаяся въ рукахъ 817.895 владѣльцевъ, b) 1.065.546 морговъ пріобрѣли крестьяне на собственныя средства, благодаря парцелляціи (продажѣ въ раздробь) крупныхъ имѣній и с) 441.000 морговъ пріобрѣтено ими при содѣйствіи крестьянскаго банка. Мелкіе собственники двухъ послѣднихъ категорій не могутъ пользоваться кредитомъ гминныхъ кассъ, такъ какъ у тѣхъ, которые пріобрѣли землю на собственныя средства, первый нумеръ ипотеки обыкновенно занятъ ссудой земскаго кредитнаго общества или обязательствами въ пользу прежнихъ владѣльцевъ, а тѣ, которые пріобрѣли землю при содѣйствіи крестьянскаго банка, не имѣютъ права пріобрѣтенной земли отягощать никакими долгами, кромѣ остающихся на ней обязательствъ прежнимъ владѣльцамъ.

Но и остальные владѣльцы мелкихъ крестьянскихъ усадебъ могутъ пользоваться ипотечнымъ кредитомъ гминныхъ кассъ лишь въ незначительномъ размѣрѣ по той простой причинѣ, что у нихъ не устроена ипотека. Изъ числа 817.895 мелкихъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ 8.702.277 моргами, всего у 8.282, съ пространствомъ земли въ 175.737 морговъ, въ 1890 году была устроена ипотека, что составляетъ 1% усадебъ и 2% пространства крестьянской поземельной собственности.

При отсутствіи ипотеки гминныя кассы выдаютъ

ссуды подъ залогъ земли и этотъ видъ кредита имѣетъ широкое примѣненіе, но слѣдуетъ замѣтить, что вслѣдствіе несоблюденія гминными кассами предписаній относительно залога недвижимостей дѣйствующаго въ Царствѣ Польскомъ кодекса Наполеона, залогъ этотъ является не дѣйствительнымъ, а фиктивнымъ и не закрѣпляетъ правъ гминныхъ кассъ на заложенныя земли, а потому ссуды, основанныя на такомъ обезпеченіи, не вполнѣ прочно гарантированы.

Размѣръ выдаваемыхъ гминными кассами ссудъ доходитъ до 100 р., если ихъ основной капиталъ съ наросшими процентами не превышаетъ 1000 р., въ болѣе богатыхъ кассахъ ссуды достигаютъ 200 р. Ссуда, выданная подъ залогъ или на ипотеку недвижимости, не можетъ превышать $^1/_3$ ея оцѣнки. Для опредѣленія размѣра открываемаго кассами кредита установлена нормальная оцѣнка земли, вслѣдствіе чего при выдачѣ ссуды нѣтъ надобности въ особой оцѣнкѣ усадьбы, и кредитъ выдается въ размѣрѣ $^1/_3$ нормальной оцѣнки. Но надо замѣтить, что оцѣнка эта, установленная лѣтъ 30 тому назадъ, не отвѣчаетъ теперь дѣйствительной стоимости и въ виду общаго повышенія цѣнъ на земли должна быть увеличена. Въ отношеніи построекъ принимается въ разсчетъ страховая оцѣнка.

Самый длинный срокъ ссуды составляетъ 12 мѣсяцевъ, по истеченіи коихъ ссуда можетъ быть отсрочена на $^1/_2$ года.

Опытъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ показалъ, что сельское населеніе разумно пользуется кредитомъ гминныхъ кассъ, что онъ употребляется на производительныя цѣли и, главнымъ образомъ, на пріобрѣтеніе земли и инвентаря, на постройку и ремонтъ строеній, а также для разсчетовъ между сонаслѣдниками по смерти главы семейства. Такое назначеніе ссудъ, получаемыхъ изъ

гминныхъ кассъ, приводитъ къ заключенію, что размѣръ этихъ ссудъ слишкомъ низокъ, и срокъ ихъ слишкомъ кратокъ. Затраты на эти предметы требуютъ и большихъ капиталовъ, и возможности погашенія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Второй задачей гминныхъ кассъ, какъ показываетъ ихъ названіе, является пріемъ сбереженій. Въ этомъ отношеніи нѣтъ ограниченій, какія установлены при выдачѣ ссудъ. Депозиты на храненіе, а также вклады для наращенія процентовъ принимаются отъ всѣхъ безъ исключенія жителей гминъ всего уѣзда. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ гминныхъ кассахъ хранятся гминные капиталы, а также капиталы малолѣтнихъ.

Съ ссудъ кассы взимаютъ $^2/_3$% ежемѣсячно, или 8% годовыхъ, а по вкладамъ платятъ $^1/_2$% въ мѣсяцъ или 6% годовыхъ, эта разница въ 2% составляетъ прибыль гминныхъ кассъ.

Что касается до сбереженій, то въ этомъ отношеніи гминныя кассы оказали не меньшія услуги, чѣмъ въ отношеніи кредита. Благодаря довѣрію, которое онѣ пріобрѣли у сельскаго населенія, внесенные въ кассы вклады на проценты достигли солидной суммы 12.000.000 р., независимо отъ 50.000 р., внесенныхъ въ депозитъ ихъ на храненіе.

Если мы сравнимъ эту сумму съ суммой вкладовъ, находившихся 1 января 1899 г. въ 432 государственныхъ ссудо-сберегательныхъ кассахъ, дѣйствующихъ въ Царствѣ Польскомъ, которая составляла 23.053.000 р., то убѣдимся, какую важную роль играютъ въ накопленіи народныхъ сбереженій тихія и скромныя гминныя кассы.

Прибавляя къ 12.000.000 вкладовъ основной капиталъ гминныхъ кассъ, составляющій, какъ сказано выше, болѣе 7.000.000 рублей, мы получили сумму въ

19.000.000 р., изображающую оборотный капиталъ дѣйствующихъ въ Царствѣ Польскомъ ссудо-сберегательныхъ гминныхъ кассъ. Этотъ капиталъ не лежитъ непроизводительно въ кассахъ, а находится въ дѣйствительномъ оборотѣ, въ чемъ убѣждаетъ состояніе наличности, каковая 1 января 1900 г. составляла въ 1320 кассахъ 605.000 р., т.-е. среднимъ числомъ по 460 р. въ каждой кассѣ на неизбѣжные текущіе платежи.

Капиталъ въ 12.000.000 р., внесенный въ гминныя кассы въ видѣ вкладовъ, не исчерпываетъ всей суммы сбереженій сельскаго населенія; при лучшей организаціи кассъ, въ нихъ оказалось бы еще нѣсколько милліоновъ рублей.

Ограниченіе, съ одной стороны, числа лицъ, имѣющихъ право пользоваться кредитомъ въ гминныхъ кассахъ, а съ другой—ограниченіе размѣра самого кредита, вслѣдствіе чего болѣе крупные капиталы не могутъ найти въ нихъ помѣщенія, на ряду съ доказанной большой бережливостью польскаго крестьянина, непрерывно увеличивающаго свои средства, вызвали, какъ то единогласно засвидѣтельствовано всѣми губернскими крестьянскими властями, то нежелательное послѣдствіе, что гминныя кассы не только отказываютъ въ пріемѣ вкладовъ, не имѣя возможности пользоваться ими, но даже принуждаютъ вкладчиковъ брать таковые обратно.

Вслѣдствіе сего, съ одной стороны, много мелкихъ капиталистовъ должно уходить отъ дверей гминныхъ кассъ со своими сбереженіями въ виду отказа въ пріемѣ ихъ вкладовъ, а съ другой—много мелкихъ производителей, нуждающихся въ кредитѣ, должно отъ тѣхъ же самыхъ дверей возвращаться съ пустыми руками въ виду отказа въ выдачѣ ссудъ. Расширеніе тѣснаго круга лицъ, имѣющихъ право пользоваться кредитомъ въ кассахъ, а равно расширеніе предѣловъ кредита

удовлетворило бы обѣ стороны, и благотворно воздѣйствовало бы на гминныя кассы въ обоихъ направленіяхъ ихъ дѣятельности, какъ учрежденій сберегательныхъ, такъ и ссудныхъ.

Гминныя кассы, возникшія на средства правительства или гминъ и разсматриваемыя, какъ учрежденія общественной пользы, не задавались, конечно, цѣлью извлеченія прибылей изъ своихъ операцій, а между тѣмъ ихъ финансовые результаты блестящи. Изъ полученныхъ прибылей сумма въ 5.793.369 р. 25½ к. назначена на увеличеніе основного капитала гминныхъ кассъ, а независимо отъ сего значительныя суммы назначены на общія нужды гминъ. Благодаря прибылямъ, полученнымъ отъ операціи гминныхъ кассъ, явилась возможность лучше обезпечить завѣдывающихъ ими войтовъ гминъ, возведено, устроено и отремонтировано много зданій гминныхъ управленій, школъ, арестныхъ домовъ, пожарныхъ командъ, дорогъ, мостовыхъ, библіотекъ и т. п. Расходы на эти цѣли иногда достигали 3000 р. единовременно.

Это успѣшное финансовое положеніе тѣмъ болѣе достойно вниманія, что непосредственное управленіе гминными кассами находится не въ рукахъ лицъ, принадлежащихъ къ богатымъ или интеллигентнымъ сферамъ, а въ рукахъ гминныхъ войтовъ и ихъ писарей, умственный уровень которыхъ въ нашемъ краѣ вообще невысокъ.

Гминныя кассы составляютъ единственный типъ учрежденій мелкаго кредита для сельскаго населенія въ Царствѣ Польскомъ, между тѣмъ какъ законъ 1895 г. объ учрежденіяхъ мелкаго кредита устанавливаетъ три ряда этихъ учрежденій:

1. Кредитныя товарищества, учреждаемыя на средства, заимствованныя изъ Государственнаго Банка съ круговою порукою всѣхъ членовъ товарищества.

2. Ссудо-сберегательныя товарищества, основанныя на средства, собранныя самими участниками.

3. Сельскіе банки и кассы, учреждаемые на средства сельскихъ гминъ и волостей.

Гминныя кассы принадлежатъ къ послѣдней категоріи, въ Имперіи же съ давнихъ поръ болѣе всего распространены ссудо-сберегательныя товарищества, по образцу которыхъ въ 1873 г. въ Царствѣ учреждены три товарищества: въ Гройцѣ, Вискиткахъ и Кутнѣ, но послѣднее, просуществовавъ нѣсколько лѣтъ, закрылось. Впослѣдствіи дѣлалось много попытокъ увеличить число этихъ учрежденій и распространить ихъ во всемъ краѣ, но эти усилія остались безрезультатными вслѣдствіе неутвержденія властями представленныхъ проектовъ уставовъ. И лишь обнародованіе закона 1895 г. объ учрежденіяхъ мелкаго кредита дало этому дѣлу новый толчокъ; но насколько въ силу этого закона легко достигается утвержденіе уставовъ товарищества, предназначенныхъ для городского населенія, настолько же власти неохотно даютъ разрѣшенія на открытіе ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ деревняхъ, выходя изъ того положенія, что при существованіи и успѣшномъ развитіи ссудо-сберегательныхъ гминныхъ кассъ, находящихся подъ опекой и контролемъ властей, нѣтъ надобности въ открытіи конкурренціонныхъ учрежденій, основанныхъ на принципахъ самопомощи и самоуправленія.

Вмѣсто того, чтобы поддерживать открытіе ссудо-сберегательныхъ товариществъ, власти рѣшили преобразовать и улучшить гминныя кассы, и съ этой цѣлью установлена особая комиссія, которая уже закончила свои труды по этому предмету и выработала новый уставъ гминныхъ кассъ. Трудно, однако, согласиться съ мнѣніемъ, будто бы въ Царствѣ Польскомъ на ряду

съ гминными кассами не могутъ существовать другія кредитныя установленія, предусмотрѣнныя въ Положеніи объ учрежденіяхъ мелкаго кредита 1895 года, въ особенности же ссудо-сберегательныя товарищества, которыя такъ успѣшно развиваются въ Имперіи, независимо отъ многочисленныхъ сельскихъ банковъ, весьма схожихъ съ гминными кассами.

По отчету комитета сельскихъ и промышленныхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ за 1900 годъ, въ Имперіи до 1 сентября 1900 года было всего утверждено 597 уставовъ сельскихъ банковъ, состоящихъ подъ надзоромъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, что вовсе не помѣшало утвержденію къ тому же приблизительно сроку 1633 уставовъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, изъ коихъ пять шестыхъ предназначены исключительно для сельскаго населенія.

Гминныя кассы были у насъ учреждены при исключительныхъ условіяхъ: въ то время, послѣ эмансипаціи нужда въ кредитѣ для крестьянъ была неотложная, но невозможно было предоставить заботу объ удовлетвореніи этой потребности самопомощи заинтересованнаго сельскаго населенія. Вновь созданный хозяинъ не успѣлъ еще доказать, сумѣетъ ли онъ справиться со своимъ собственнымъ хозяйствомъ, а потому нельзя было дѣлать экспериментовъ съ принципомъ самопомощи въ области кредита и еще болѣе обширной области учрежденій кооперативныхъ.

Съ тѣхъ поръ, однако, прошло слишкомъ 30 лѣтъ, крестьянинъ представилъ несомнѣнныя доказательства своей распорядительности и самостоятельности, не только не утративъ полученной въ надѣлъ земли, но, напротивъ того, значительно расширивъ ея границы и не обманулъ надеждъ, которыя на него возлагали, предоставляя ему преимущественно участіе въ гминномъ

управленіи. Тотъ, кто умѣетъ вести свое хозяйство, кто можетъ руководить дѣлами гмины, тотъ сумѣетъ нести на своихъ плечахъ и тяжесть управленія ссудо-сберегательнымъ товариществомъ. Нынѣшнее поколѣніе выросло на собственной землѣ, пустило въ ней глубокіе корни и вполнѣ созрѣло для самопомощи.

Нѣтъ никакихъ причинъ для закрытія существующихъ гминныхъ кассъ; мы выше указали, что онѣ обладаютъ всѣми жизненными условіями и оказали большія услуги обществу, но подобно тому, какъ сельскіе банки въ Имперіи, такъ у насъ гминныя кассы не могутъ служить препятствіемъ для учрежденія ссудо-сберегательныхъ товариществъ, основанныхъ на взаимопомощи, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе желаетъ ихъ учредить по собственному почину, сознавая ихъ пользу, и предоставляетъ для сего нужные капиталы и трудъ.

Развитію ссудо-сберегательныхъ товариществъ способствуетъ и то обстоятельство, что они не имѣютъ, подобно гминнымъ кассамъ, исключительнаго характера, не предназначены для одного только сословія, а доступны всѣмъ классамъ общества, всѣмъ вообще лицамъ, имѣющимъ право распоряжаться своимъ имуществомъ.

Это подтверждаетъ и вышеупомянутый отчетъ петербургскаго комитета ссудо-сберегательныхъ товариществъ, который въ ряду причинъ, препятствующихъ распространенію сельскихъ банковъ, на первомъ мѣстѣ ставитъ то, что они предназначены исключительно для крестьянскаго сословія, среди которыхъ нѣтъ людей, достаточно образованныхъ и подготовленныхъ для веденія книгъ и дѣлъ банковъ.

Безъ сомнѣнія, наиболѣе заслугъ въ области мелкаго кредита для сельскаго населенія положилъ Райфейзенъ,

извѣстный основатель и пропагандистъ сельскихъ кредитныхъ товариществъ; онъ посвятилъ всю свою жизнь сельскому населенію, среди котораго жилъ и нужды коего обстоятельно изучилъ; созданныя имъ учрежденія устроены такимъ образомъ, что могутъ служить только лицамъ малоимущимъ и что не могутъ уклониться отъ сего назначенія. Но несмотря на то, а вѣрнѣе именно потому, онъ требуетъ, чтобы въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ принимали дѣятельное участіе люди состоятельные и образованные. Ихъ участіе онъ считаетъ необходимымъ, какъ по соображеніямъ матеріальнымъ, такъ и нравственнымъ. «Участіе имущихъ классовъ, говоритъ онъ, создаетъ и поддерживаетъ пріязненныя отношенія между ними и малоимущимъ классомъ населенія, какъ благодаря личнымъ столкновеніямъ, такъ и благодаря кредиту, который они доставляютъ учрежденію. Въ общихъ собраніяхъ бѣдняки сидятъ рядомъ съ богачами и убѣждаются воочію, съ какимъ безкорыстіемъ послѣдніе пекутся объ ихъ нуждахъ.—Ихъ любовь вызываетъ взаимное чувство. Подобно состоятельнымъ участвовать въ ссудныхъ товариществахъ должны и образованные классы, въ особенности же учителя и духовенство, которое такимъ образомъ пріобрѣтаетъ расположеніе прихожанъ и облегчаетъ себѣ исполненіе своей высокой задачи. Двери, черезъ которыя подаютъ матеріальную помощь, открываютъ доступъ и въ сердце».

Первымъ учрежденіемъ мелкаго кредита въ городахъ Царства Польскаго была основанная въ 1870 году ссудная касса варшавскихъ промышленниковъ, по образцу которой возникло болѣе десятка такихъ учрежденій въ разныхъ городахъ Царства. Однако, вслѣдствіе недостатка въ нашей странѣ кредитныхъ учрежденій, нѣкоторыя кассы промышленниковъ не оправ-

дали своего назначенія, не ограничивались только мелкимъ кредитомъ, стремились къ расширенію своей дѣятельности и спѣшили служить крупной промышленности и торговлѣ. Только въ послѣдніе годы начали распространяться ссудо-сберегательныя товарищества въ силу Положенія объ учрежденіяхъ мелкаго кредита 1895 года и нормальнаго Устава 1896 года. Въ Варшавѣ возникли два такія товарищества, а именно «Варшавское ссудо-сберегательное товарищество» и «Ссудо-сберегательное товарищество варшавскихъ ремесленниковъ и торговцевъ». По ихъ примѣру были основаны новыя товарищества въ разныхъ провинціальныхъ городахъ и число ихъ все увеличивается. Принципы, по которымъ созданы эти учрежденія и ихъ устройство таковы, что они должны держаться въ предѣлахъ мелкаго кредита и переступить сего предѣла не могутъ, и только нынѣ, благодаря этимъ учрежденіямъ, можно надѣяться, что мелкій кредитъ получитъ подлежащее распространеніе, по крайней мѣрѣ въ городахъ, гдѣ открытіе учрежденій этихъ не встрѣчаетъ никакихъ препятствій со стороны властей.

РАЗДѢЛЫ

НАСЛѢДСТВЪ У КРЕСТЬЯНЪ.

Въ губерніяхъ Царства Польскаго, во избѣжаніе слишкомъ большого дробленія усадебъ, крестьянамъ не дозволяется продавать, или при продажѣ земли оставлять себѣ участки земли менѣе 6 морговъ. Законъ воспрещаетъ въ этомъ краѣ раздѣлъ усадебъ на части меньше означеннаго пространства.

Это правило, по существу благодѣтельное, недостаточно, однако, для достиженія намѣченной цѣли, потому что наслѣдники, не требующіе раздѣла земли по суду, могутъ дѣлить, и дѣйствительно дѣлятъ между собой усадьбы совершенно произвольно, такъ какъ нарушеніе запрещенія гражданскаго закона не составляетъ преступленія и предотвратить этого рода нарушенія невозможно.

Незаконный раздѣлъ усадьбы длится обыкновенно до тѣхъ поръ, пока среди сонаслѣдниковъ не найдется кого-нибудь менѣе терпѣливаго, который возбудитъ судебный споръ, оканчивающійся обыкновенно продажей усадьбы съ публичныхъ торговъ, а эта продажа разоряетъ крестьянскую семью.

Чтобы съ бо́льшимъ успѣхомъ оградить недѣлимость усадебъ, надлежало бы воспользоваться здравыми инстинктами крестьянъ и не только расширить свободу завѣщаній, но кромѣ того обдумать такой порядокъ вещей, который закрѣплялъ бы усадьбу послѣ умершаго безъ завѣщанія крестьянина за однимъ изъ сонаслѣдниковъ.

Гминные суды Царства Польскаго получили при судебной реформѣ 1876 года инструкцію, чтобы при семейныхъ раздѣлахъ примѣнялись не только законы, но и мѣстные обычаи. Это распоряженіе весьма благодѣтельно, такъ какъ позволяетъ крестьянамъ дѣлать то, къ чему они привыкли вѣками, а именно: завѣщать усадьбу одному изъ сонаслѣдниковъ, вознаграждая остальныхъ деньгами. Обыкновенно это дѣлается посредствомъ договора при жизни; такимъ образомъ, крестьянинъ, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, отдаетъ по оффиціальному акту усадьбу одному изъ сыновей подъ условіемъ выдачи алиментовъ родителямъ до ихъ кончины, а также уплаты родственникамъ суммъ, указанныхъ въ актѣ, причемъ родственники обыкновенно участвуютъ въ договорахъ.

Слѣдовательно, стремленіе къ огражденію недѣлимости усадебъ въ порядкѣ наслѣдства встрѣтитъ въ обычаяхъ и взглядахъ крестьянъ не препятствіе, а помощь.

Наибольшимъ препятствіемъ для недѣлимости являлись бы преувеличенная оцѣнка усадьбы и включеніе ея натурой въ общее наслѣдство. Слѣдовательно, поскольку расширеніе завѣщательнаго права должно было бы вліять на недѣлимость усадьбы, постольку оно должно заключаться:

1) въ способѣ оцѣнки усадьбы, не по продажной цѣнѣ, а по доходности, такъ какъ въ противномъ слу-

чаѣ наслѣдники, получающіе въ наслѣдство усадьбу, никогда не были бы въ состояніи оплатить ее изъ доходовъ, были бы отягощены платежами въ пользу родственниковъ и должны были бы непремѣнно разориться;

2) въ установленіи сроковъ уплаты сонаслѣдникамъ, удобныхъ для производящихъ уплаты;

3) въ уменьшеніи расходовъ по составленіи акта и, наконецъ, что самое важное;

4) въ замѣнѣ въ общей массѣ наслѣдства усадьбы въ натурѣ цѣной ея, т.-е. въ предоставленіи завѣщателю права завѣщать усадьбу въ однѣ руки съ раздѣломъ ея цѣны между сонаслѣдниками и съ оставленіемъ земли въ нераздѣльности.

Было бы желательно ввести особые реестры и установить, чтобы внесенныя въ эти реестры усадьбы, въ случаѣ смерти ихъ владѣльцевъ безъ завѣщаній, переходили въ руки одного изъ наслѣдниковъ въ установленномъ закономъ порядкѣ на изложенныхъ выше основаніяхъ въ отношеніи оцѣнки, платежныхъ сроковъ и расходовъ.

Существующее съ этой цѣлью въ Ганноверѣ и Вестфаліи добровольное внесеніе крестьянами усадебъ въ реестры, обезпечивающіе нераздѣльность земель, оставшихся безъ завѣщанія, принесло самые лучшіе результаты, ничѣмъ не стѣсняя крестьянъ; такое внесеніе во всякое время можно уничтожить и замѣнить завѣщаніемъ, если того пожелаетъ завѣщатель. Дѣйствіе этого порядка оказалось столь благодѣтельнымъ, что всѣ крестьяне вносятъ свои усадьбы въ реестры и ни одинъ не вычеркиваетъ ихъ затѣмъ изъ реестровъ.

Надъ майоратами и миноратами такой порядокъ вещей имѣетъ то большое превосходство, что не стѣсняетъ крестьянина, который, замѣтивъ въ своемъ

старшемъ сынѣ порочныя наклонности, долженъ имѣть возможность передать усадьбу другому сыну, имѣя въ виду благо всей семьи.

Дробленіе усадебъ слѣдуетъ считать большою общественною и хозяйственною опасностью; расширеніе же свободы завѣщаній и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпеченіе для крестьянскихъ усадебъ нераздѣльности ab intestato, слѣдуетъ считать самыми успѣшными способами противодѣйствія раздробленію усадебъ.

СЕЛЬСКАЯ ПРОПИНАЦІЯ.

Есть вопросы, разрѣшимые по существу безъ особыхъ затрудненій, но ожидающіе только рѣшенія многіе годы вслѣдствіе ряда привходящихъ обстоятельствъ, которыя тормозятъ правильное теченіе дѣла. Примѣромъ сказаннаго можетъ служить вопросъ о вознагражденіи за произведенную шесть лѣтъ тому назадъ отмѣну сельской пропинаціи въ губерніяхъ Царства Польскаго, донынѣ не рѣшенный и какъ будто даже заглохшій послѣ оживленной газетной полемики, которая велась о немъ въ 1898 и въ 1899 годахъ. Между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что отмѣна пропинаціи, происшедшая вслѣдствіе введенія въ краѣ казенной продажи питей, внесла нѣкоторую неопредѣленность въ его экономическую жизнь, такъ какъ послѣдствіемъ неизвѣстности относительно вопроса о вознагражденіи является невозможность точной оцѣнки поземельной собственности или выдѣлившихся изъ нея пропинаціонныхъ правъ, входившихъ до ихъ отмѣны въ область гражданскаго оборота. Въ извѣстной своей части этотъ оборотъ нынѣ пріостановленъ, и рядъ гражданскихъ сдѣлокъ не можетъ быть осуществляемъ.

Поэтому скорѣйшее рѣшеніе вопроса о вознагражденіи за отмѣну сельской пропинаціи представляется настоятельной необходимостью. Такое рѣшеніе можетъ быть только положительнымъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно противорѣчило бы всѣмъ до нынѣ изданнымъ относительно пропинацій законодательнымъ актамъ и общему смыслу какъ общеимперскаго, такъ и мѣстнаго гражданскаго положительнаго права, не допускающаго возможности отчужденія частныхъ имуществъ для пользы государственной или общественной безъ справедливаго вознагражденія владѣльцевъ.

Когда въ 1896 году вопросъ объ отмѣнѣ пропинаціи въ губерніяхъ Царства Польскаго и западныхъ перешелъ на разсмотрѣніе общаго собранія департаментовъ Государственнаго Совѣта — тотчасъ же было замѣчено, что въ Царствѣ дѣло обстоитъ иначе, чѣмъ въ западныхъ губерніяхъ. Признавъ возможнымъ произвести немедленно выкупъ городской пропинаціи на основаніяхъ значительно болѣе широкихъ, чѣмъ тѣ, которыя рекомендовались министерствомъ финансовъ, Государственный Совѣтъ не согласился съ представленіемъ объ отмѣнѣ сельской пропинаціи въ Царствѣ безъ вознагражденія ея владѣльцевъ и въ III отдѣлѣ Высочайше утвержденнаго 29 апрѣля 1896 г. своего мнѣнія предоставилъ министру финансовъ выработать проектъ выкупа таковой пропинаціи съ такимъ расчетомъ времени, чтобы этотъ проектъ могъ быть утвержденъ ко дню введенія въ томъ краѣ казенной продажи питей. Такимъ образомъ вопросъ о вознагражденіи владѣльцевъ за отмѣну пропинаціи въ сельскихъ мѣстностяхъ губерній Царства Польскаго является по существу уже рѣшеннымъ въ законодательномъ порядкѣ въ смыслѣ утвердительномъ, и подлежащему вѣдомству предстояла послѣ сего лишь задача подробно разсмо-

трѣть и опредѣлить самый способъ и формальныя условія выкупа.

Однако уже вскорѣ по воспослѣдованіи вышеприведеннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта возникъ вновь споръ о самомъ правѣ владѣльцевъ сельской пропинаціи въ Царствѣ на вознагражденіе, возгорѣвшійся на страницахъ повременной печати съ особенной силой послѣ того, какъ въ «Варш. Дневникѣ» появились извлеченія изъ труда проф. Цитовича, отрицавшаго за сельскими пропинаторами право на вознагражденіе отъ казны за отмѣну пропинаціи. Съ легкой руки названнаго автора стали повторяться въ печати его аргументы, сводящіеся въ общемъ къ тому, будто право владѣльцевъ сельской пропинаціи въ Царствѣ ничѣмъ не отличалось отъ правъ помѣщиковъ внутреннихъ губерній на содержаніе на ихъ землѣ питейныхъ заведеній, и будто существовавшее до надѣленія крестьянъ Царства землею пропинаціонное право польскихъ помѣщиковъ отмѣнено, вмѣстѣ съ другими ихъ доминіальными правами, указами 19 Февраля 1864 года объ устройствѣ мѣстныхъ крестьянъ и постановленіями учредительнаго комитета. Но по мнѣнію противниковъ вознагражденія всѣ воспослѣдовавшіе послѣ сихъ указовъ юридическіе акты, касающіеся сельской пропинаціи, представляются чуть ли не прямымъ нарушеніемъ закона и результатомъ юридической путаницы, будто бы господствующей въ краѣ. Право пропинаціи, — говоритъ вслѣдъ за проф. Цитовичемъ, г. А. Дружининъ, — есть остатокъ крѣпостного права, т.-е. результатъ грубаго насилія и не остановленнаго вó-время захвата, оно «незаконно» удержалось послѣ 1864 года и, наконецъ, сметено окончательно введеніемъ казенной продажи питей («Варш. Дневн.» 1899 г. № 36 и посл.) Ни о какомъ вознагражденіи, конечно, при такомъ взглядѣ на вещи, не

можетъ быть и рѣчи. Въ увлеченіи этимъ якобы государственнымъ взглядомъ, противники вознагражденія увѣряютъ даже, будто введеніе казенной продажи спиртныхъ напитковъ не вызываетъ перехода къ казнѣ монопольныхъ правъ частныхъ владѣльцевъ, а является лишь новой формой взиманія питейнаго сбора съ полнымъ устраненіемъ предпринимательской прибыли («Нов. Вр.» № 8271).

Все это было бы прекрасно, если бы не являлось результатомъ ошибочнаго толкованія дѣйствующаго закона и невнимательнаго отношенія къ источникамъ пропинаціоннаго права и къ его исторіи.

Не излагая ея на этомъ мѣстѣ со всей подробностью, нельзя не указать на то, что право пропинаціи въ бывшемъ Польско-литовскомъ государствѣ издавна было связано съ правомъ земельной собственности и окончательно оформилось юридически законодательными актами XVIII вѣка. Еще статутъ короля Іоанна-Альберта 1496 года постановилъ (Vol. leg. I. 269), что право производства и продажи крѣпкихъ напитковъ принадлежитъ землевладѣльцамъ. То же постановляетъ 33 артикулъ XIV раздѣла Литовскаго статута. Конституція 1673 года о питейномъ сборѣ «шеленжное» упоминаетъ единственно о вотчинникахъ (Vol. leg. V. 69). Сеймовая конституція 1703 года гласитъ, что вотчинникамъ принадлежитъ исключительное право торговли крѣпкими напитками («Wydawania likworòw na szynk» Vol. leg. VI. 92), конституція же 1768 года (Vol. leg. VIII. 600) подтверждаетъ вотчинныя права землевладѣльцевъ, опредѣляя, что цѣлость dominii et proprietatis надъ вотчинами никогда не будетъ нарушена. На основаніи трактата о гарантіи въ составленіи этого закона принимала участіе и Россія, и на немъ фигурируетъ подпись русскаго посла князя Репнина. Установляя подать «постоян-

ной жертвы (ofiary) провинцій обоихъ народовъ», Сеймовая конституція 1789 года принимаетъ въ расчетъ принадлежащую вотчинникамъ въ ихъ имѣніяхъ пропинацію, какъ подлежащую обложенію реальную цѣнность. Переименованная Указомъ 29 Декабря/10 Января 1848/49 года въ поземельный налогъ, подать «офяра» продолжала существовать подъ новымъ названіемъ и въ послѣдующее время.

При присоединеніи областей бывшей Польской республики къ Россіи, русская Верховная Власть подтвердила рядомъ указовъ (Указъ графу Чернышеву, наказъ ген. Каховскому и Кречетникову. П. Полн. Собр. Зак. №№ 13807, 13808, 17090) всѣ принадлежащія вотчинникамъ имущественныя права. Эти законодательные акты повелѣваютъ «всѣхъ жителей не токмо оставить при всемъ томъ, что̀ каждый правильно имѣетъ, но всячески охранять въ безопасности личной и имущественной», «публиковать, чтобы всякъ остался спокойно при владѣніи настоящаго», «подтверждать въ законномъ каждаго владѣніи имущества». Наконецъ Манифестъ Императрицы 30 Октября 1794 года, объявленный княземъ Репнинымъ, гласитъ: «Оставляя каждаго принесшаго присягу «не только въ свободномъ вѣры его исповѣданіи, но «при всей онаго собственности и преимуще- «ствахъ, каковыя кому по правамъ Польской «республики принадлежатъ, подвизаемся человѣко- «любіемъ Нашимъ къ основанію въ несчастной сей «землѣ благоустройства и къ предупрежденію всего «того, что̀ можетъ расторгнуть въ оной порядокъ, ти- «шину и бѐзопасность, истинное благо жителей состав- «ляющія, кои имъ Нашимъ Императорскимъ словомъ «обѣщеваемъ».

Хотя въ вышеприведенныхъ законодательныхъ актахъ и не упомянуто, что они относились къ области,

образующей нынѣ десять губерній Царства Польскаго (большая его часть была первоначально присоединена къ Пруссіи), но высказанное въ нихъ начало неприкосновенности имущественныхъ правъ гражданъ во вновь присоединенныхъ областяхъ является началомъ общимъ, принятымъ всѣми культурными государствами, и его примѣняемость къ губерніямъ Царства не можетъ вызывать никакихъ сомнѣній.

Впрочемъ, при введеніи въ Царствѣ въ 1808 году Кодекса Наполеона неприкосновенность правъ мѣстныхъ вотчинниковъ была провозглашена въ законодательномъ порядкѣ, такъ какъ 2-й статьей правилъ о введеніи помянутаго уложенія было постановлено, «что «права, для пріобрѣтенія коихъ не требуется уже ни«какого положительнаго дѣйствія, не могутъ быть на «основаніи Кодекса ни нарушены, ни подвергаемы ка«кому-либо измѣненію». Это положеніе относилось очевидно къ основаннымъ на сеймовыхъ конституціяхъ правамъ мѣстныхъ вотчинниковъ, а слѣдовательно и къ пропинаціонному праву. Многіе послѣдовавшіе затѣмъ законодательные акты русскаго Правительства повелѣваютъ охранять имущественныя права вотчинниковъ какъ въ городскихъ, такъ и въ сельскихъ поселеніяхъ. Сюда относятся многочисленныя узаконенія объ обращеніи сельскихъ поселеній въ городскія и обратно. Далѣе, Высочайшій Указъ 4/16 Октября 1835 года и дѣйствующее до настоящаго времени Положеніе объ устройствѣ поступившихъ въ частную собственность по пожалованію въ вѣчное и потомственное владѣніе майоратныхъ имѣній подтверждаютъ существованіе пропинаціоннаго права, включая въ табель объ уравненіи приносимаго сими имѣніями дохода также доходъ отъ пропинаціи, коимъ майоратные владѣльцы пользуются и нынѣ.

Что касается ближайшихъ источниковъ дѣйствовавшаго въ губерніяхъ Царства Польскаго до введенія тамъ казенной продажи питей законодательства о питейной торговлѣ, то исходной ихъ точки слѣдуетъ искать въ Высочайшемъ Указѣ 5/17 Іюня 1844 года, запретившемъ духовенству (ст. 9) извлекать непосредственно и лично доходы отъ принадлежащихъ ему питейныхъ заведеній въ городскихъ и сельскихъ поселеніяхъ. При этомъ (ст. 12) Административному Совѣту Царства было поручено издать правила относительно перехода къ частнымъ лицамъ и городамъ пропинаціонныхъ правъ духовенства съ выдачей за сіе послѣднему особаго вознагражденія. Такимъ образомъ часть принадлежавшихъ сельскимъ вотчинникамъ Царства, до введенія тамъ казенной продажи питей, пропинаціонныхъ правъ была пріобрѣтена ими недавно отъ третьихъ лицъ за денежный эквивалентъ на точномъ основаніи Указа 1844 года.

Въ исполненіе вышеупомянутой 12-й статьи сего указа совѣтъ Управленія Царства издалъ 6/18 Ноября того же 1844 года особыя правила, въ коихъ сказано (ст. 114 и 134): «магазинъ вина и всякаго рода водокъ «въ сельскихъ поселеніяхъ можетъ находиться един-«ственно въ фольварочныхъ строеніяхъ, принадлежащихъ «владѣльцу винокурни или пропинаціи: всякая же про-«дажа вина и водокъ, оптовая и раздробительная, по-«сторонними лицами въ деревняхъ не въ пользу мѣст-«наго владѣльца, имѣющаго исключительное право на «продажу питей, и безъ его дозволенія, воспрещается».

Эти постановленія вошли затѣмъ въ Высочайше утвержденное 4/16 Мая 1848 года Положеніе о выдѣлкѣ и продажѣ крѣпкаго вина въ Царствѣ Польскомъ («Дневн. Закон.» XI. 224), а затѣмъ были перенесены въ Высочайше утвержденный 19 Іюля 1866 года уставъ о пи-

тейномъ сборѣ, который не только не отмѣняетъ ихъ, а, напротивъ, подтверждаетъ существованіе сельскаго пропинаціоннаго права, согласуя лишь пользованіе этимъ правомъ съ указами $\frac{19 \text{ февраля}}{2 \text{ марта}}$ 1864 года объ устройствѣ быта крестьянъ. Исходя изъ начала органической связи пропинаціоннаго права съ вотчиннымъ, надѣлившіе крестьянъ землею указы $\frac{19 \text{ февраля}}{2 \text{ марта}}$ 1864 года признаютъ вполнѣ послѣдовательно за новыми вотчинниками и право пропинаціи на отошедшей къ нимъ земельной площади.

Статья 17 указа гласитъ буквально: «Право пропи-«націи (т.-е. право выдѣлки и розничной продажи питей) «на пріобрѣтенной крестьянами землѣ, составляя при-«надлежность права собственности, предоставляется всему «сельскому обществу; но доходы, изъ сего права извле-«каемые, обращаются на усиленіе средствъ, изъ коихъ «имѣетъ быть произведено вознагражденіе владѣльцевъ. «Поэтому, впредь до окончательной уплаты казною сего «вознагражденія, извлеченіе доходовъ отъ пропинаціи «на пріобрѣтаемыхъ крестьянами земляхъ будетъ про-«изводиться по распоряженію казны. По совершеніи же «таковой уплаты, пропинація на пріобрѣтенной крестья-«нами въ собственность землѣ отдается въ распоряже-«ніе сельскаго общества, какъ оброчная статья ему «принадлежащая».

Изъ текста вышеприведенной статьи, на которую ссылаются всѣ позднѣйшія узаконенія, явственно слѣдуетъ: 1) что въ Царствѣ Польскомъ законъ призналъ существованіе права пропинаціи, составляющаго принадлежность права земельной собственности; 2) что передавая въ собственность крестьянъ часть помѣщичьихъ земель, указы 1864 года передали крестьянамъ и право пропинаціи на сихъ земляхъ; 3) что право пропинаціи на земляхъ, оставшихся за помѣщиками, сохранилось по-

прежнему въ ихъ распоряженіи; и, наконецъ, 4) что послѣ окончанія ликвидаціонной операціи право пропинаціи на земляхъ крестьянъ, принадлежа имъ de jure съ 1864 года, должно поступить и фактически въ ихъ распоряженіе, какъ право ихъ общественной собственности.

Поэтому не можетъ быть и рѣчи о томъ, будто указъ $\frac{\text{19 февраля}}{\text{2 марта}}$ 1864 года «смелъ» съ лица земли пропинаціонное право въ сельскихъ поселеніяхъ губерній Царства Польскаго. Онъ, наоборотъ, призналъ это право и точно опредѣлилъ въ приведенной 17-й статьѣ. Что касается 29-й статьи того же указа, на которую, не приводя ея подлиннаго текста, любятъ ссылаться противники вознагражденія владѣльцевъ сельской пропинаціи при введеніи въ Ц. П. казенной продажи питей, то ея текстъ гласитъ: «Отмѣняются, какъ несо-«вмѣстныя съ правомъ полной собственности, слѣ-«дующія обязанности и ограниченія, нынѣ лежащія на «крестьянахъ, владѣющихъ усадьбами: a) платежъ вот-«чиннику или казнѣ опредѣленной суммы, извѣстной подъ «названіемъ «лаудеміи», при переходѣ усадьбы отъ од-«ного лица къ другому, въ какихъ бы случаяхъ этотъ «взносъ ни взыскивался и на какомъ бы основаніи ни «исчислялся; b) право вотчинника или казны взимать «единовременно, въ опредѣленные сроки (черезъ каждыя «20, 30, 40 и т. д. лѣтъ), высшій чиншъ, извѣстный «подъ названіемъ «господской копѣйки» или «лаудеміи»; «c) всѣ изъ контрактовъ, или мѣстныхъ обычаевъ, исте-«кающія воспрещенія или ограниченія, коимъ подвер-«гались крестьяне въ производствѣ разныхъ промы-«словъ, въ устройствѣ на ихъ усадьбахъ водяныхъ и «вѣтряныхъ мельницъ и всякаго рода фабричныхъ за-«веденій; d) сохранившійся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ «обычай, въ силу коего крестьянамъ воспрещалось

«пріобрѣтать для своего употребленія горячіе напитки «иначе, какъ съ заводовъ или изъ мѣстъ раздробитель«ной продажи, принадлежащихъ владѣльцу имѣнія; е) про«чія всякаго рода исключительныя права прежняго вот«чинника, несовмѣстныя съ переходомъ земель въ пол«ную собственность крестьянъ. Во всѣхъ подобныхъ от«ношеніяхъ крестьяне подчиняются общимъ, наравнѣ «съ другими землевладѣльцами, законамъ».

Очевидно, что отмѣненныя этой статьей ограниченія и стѣсненія, существовавшія въ нѣкоторыхъ какъ частныхъ, такъ и казенныхъ имѣніяхъ «по обычаю», не имѣли ничего общаго съ пропинаціей, принадлежавшей вотчинникамъ не по обычаю, а въ силу законно существовавшаго и ничѣмъ не отмѣненнаго права. Приведенная статья вовсе этого права и не касается, а имѣетъ исключительно въ виду доминіальныя отношенія помѣщика къ крестьянамъ, а не его право пропинаціи на собственной землѣ. Государственная власть никогда не отрицала существованія сельской пропинаціи въ губерніяхъ Царства Польскаго послѣ 1864 года, а напротивъ, въ отдѣльныхъ актахъ часто упоминала о немъ. Такъ, напримѣръ, при пожалованіи въ 1866 году имѣнія Ковалево Варшавской губерніи Высочайшій указъ совѣту управленія Царства гласитъ, что имѣніе жалуется «съ дворскою въ предѣлахъ сего фольварка пропина«ціей». О сельской пропинаціи говорятъ многочисленныя постановленія учредительнаго комитета, признавая его существованіе и цѣнность.

Что право сельской пропинаціи несомнѣнно законно существовало до самаго момента введенія въ Царствѣ Польскомъ казенной продажи питей—легко убѣдиться изъ текста дѣйствовавшихъ до сказаннаго момента въ этомъ краѣ статей Акцизнаго устава. Изъ нихъ статья 118 (п. 10-й) гласитъ, что «въ губерніяхъ Царства Поль-

«скаго всѣ вообще лица на собственной своей или въ «ихъ владѣніи состоящей землѣ, а также въ мѣстно-«стяхъ, гдѣ право продажи напитковъ не принад-«лежитъ кому-либо исключительно, могутъ устраи-«вать заводы для выдѣлки питей, подлежащихъ оплатѣ «акцизомъ съ соблюденіемъ полицейскихъ, а равно «симъ уставомъ установленныхъ правилъ».

Далѣе законъ опредѣляетъ, что «въ губерніяхъ Цар-«ства Польскаго, если торговля питьями открывается «въ мѣстностяхъ, гдѣ, по праву пропинаціи, исклю-«чительное право на продажу напитковъ принадле-«житъ или казнѣ, или особымъ учрежденіямъ, или част-«нымъ лицамъ, должно быть представлено разрѣшеніе «подлежащаго вѣдомства или лица на торговлю питьями» (ст. 414. Примѣчаніе).

Въ дальнѣйшихъ затѣмъ 594—597 статьяхъ свода уставовъ объ акцизныхъ сборахъ содержатся нижеслѣдующія постановленія:

«На открытіе заведеній, упомянутыхъ въ статьяхъ «408 (п. 1-й) и 586, въ мѣстностяхъ, гдѣ право на про-«дажу напитковъ не принадлежитъ кому-либо исклю-«чительно, не требуется, кромѣ взятія патента, осо-«баго разрѣшенія. Въ прочихъ же мѣстностяхъ откры-«тіе вышеназванныхъ заведеній разрѣшается: 1) въ «городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ — владѣльцами «оныхъ; 2) въ имѣніяхъ казенныхъ — арендаторами «сихъ имѣній или права продажи питей въ сихъ имѣ-«ніяхъ, если таковое право отдается въ аренду особо «отъ имѣнія; 3) на земляхъ, принадлежащихъ «частнымъ владѣльцамъ—владѣльцами сихъ земель» (ст. 593).

«Право на продажу питей на земляхъ, пріобрѣтен-«ныхъ крестьянами въ собственность въ имѣніяхъ част-«ныхъ, институтскихъ и майоратныхъ, на основаніи пра-

«вилъ 19 Февраля 1864 года [1]) временно принадле-«жащее казнѣ, отдается въ арендное содержаніе по «правиламъ при семъ приложеннымъ (ст. 595).

«Заведенія для раздробительной продажи питей на «крестьянскихъ земляхъ могутъ быть содержимы только «лицами, которыя, на основаніи правилъ, приложенныхъ «къ статьѣ 595-й, возьмутъ въ свое арендное содер-«жаніе право продажи питей въ сихъ земляхъ. Вла-«дѣльцы отдѣльныхъ усадьбъ (не исключая и тѣхъ, въ «которыхъ находятся корчмы), расположенныхъ посреди «крестьянскихъ земель или смежно съ ними, не могутъ «на упомянутыхъ усадьбахъ содержать заведенія для «раздробительной продажи питей, если не будутъ со-«держателями права продажи питей на крестьянскихъ «земляхъ (ст. 596).

«Если прежній собственникъ крестьянскихъ земель «не возьметъ въ содержаніе право продажи питей на «оныхъ, а между тѣмъ имѣетъ посреди селенія или «смежно съ нимъ корчемную усадьбу, то, при сдачѣ «упомянутаго въ статьѣ 595 права съ торговъ, какъ «онъ, такъ и прочіе владѣльцы не крестьянскихъ от-«дѣльныхъ усадьбъ, о коихъ говорится въ предшед-«шей (596) статьѣ, участвуютъ въ раздѣлѣ дохода, «на торгахъ установившагося по числу владѣемыхъ ими «усадьбъ. Причемъ владѣлецъ того строенія, въ кото-«ромъ будетъ оставленъ шинокъ, получаетъ въ воз-«награжденіе за помѣщеніе онаго 5% съ арендной «платы, вносимой содержателемъ за право раздроби-«тельной торговли виномъ. Если для шинка нѣтъ гото-«товаго помѣшенія, то казна не принимаетъ на себя «обязанности отводить арендатору какое-либо на сей «предметъ строеніе (ст. 597).

---

[1]) Т.-е. вышеприведенной 17-й статьи.

Разсмотрѣніе вышеприведенныхъ статей неминуемо приводитъ къ убѣжденію, что въ сельскихъ мѣстностяхъ Ц. Польскаго право пропинаціи, т.-е. монопольное право выдѣлки и торговли крѣпкими напитками, поземельныхъ собственниковъ существовало на законномъ основаніи до самаго введенія въ краѣ монополіи казенной. Согласно 597 статьѣ, достаточно имѣть усадьбу среди крестьянскихъ земель или смежно съ ними, чтобы участвовать въ прыбыляхъ отъ пропинаціи на крестьянскихъ земляхъ.

Монопольное пропинаціонное право, какъ ясно слѣдуетъ изъ ст. 594, принадлежало на частныхъ земляхъ, владѣльцамъ таковыхъ земель и осуществлялось ими до введенія казенной продажи питей въ полномъ размѣрѣ. Въ сдѣлкахъ о куплѣ-продажѣ сельскихъ имѣній весьма часто упоминается право пропинаціи, какъ связанное съ вотчиннымъ правомъ, такъ и отдѣленное отъ него, оно отмѣчается въ ипотечныхъ книгахъ и служитъ нерѣдко само по себѣ обезпеченіемъ обязательствъ по отношенію къ третьимъ лицамъ. Нарушенія этого права вели за собой судебные процессы, по которымъ послѣдовалъ рядъ рѣшеній, установившихъ основныя положенія, относящіяся къ характеру, предѣламъ и предмету пропинаціоннаго права. Такъ, въ рѣшеніи Варшавской Судебной Палаты отъ 5 Мая 1877 г. (сборникъ Карпинскаго) установлено, что право пропинаціи составляетъ интегральную часть права поземельной собственности, а не личную привилегію, а «потому владѣлецъ, въ силу ст. 544 Гражд. Код, можетъ распоряжаться имъ неограниченно и пользоваться исключительно». Въ рѣшеніяхъ 24 и 28 Января 1884 г. Судебная Палата разъясняетъ, что право пропинаціи на чиншевыхъ земляхъ не подлежитъ выкупу и остается за вотчинникомъ, что подтверждено и рѣше-

ніемъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, категорически признавшаго существованіе права пропинаціи на сельскихъ земельныхъ участкахъ, «не подходящихъ ни подъ дѣйствіе указовъ «объ устройствѣ крестьянъ, ни подъ дѣйствіе относящихся «къ городамъ узаконеній». Изъ другихъ принципіальныхъ рѣшеній Варшавской Судебной Палаты слѣдуетъ упомянуть о рѣшеніи 3 Марта 1893 года, коимъ установлено, что искъ къ вотчиннику можетъ быть обезпеченъ на правѣ пропинаціи, и о рѣшеніи 19 Февраля 1892 года, разъяснившемъ, что право пропинаціи можетъ быть продано отдѣльно отъ имѣнія.

Случаи отчужденія одного лишь права пропинаціи по договорамъ аренды или продажи, а также случаи отчужденія недвижимости съ сохраненіемъ за прежнимъ владѣльцевъ права пропинаціи широко и прочно вошли въ мѣстную юридическую жизнь. Цѣлыя фабричныя или земледѣльческія поселенія выросли въ краѣ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, причемъ эти бывшіе владѣльцы сохранили за собой право исключительной продажи питей и переуступки сего права третьимъ лицамъ; даже отчужденія частныхъ земель на казенныя или общественныя потребности совершаются нерѣдко съ условіемъ оставленія права исключительной продажи питей на отчужденныхъ участкахъ за прежними владѣльцами, которые и пользуются своимъ правомъ пропинаціи, напримѣръ, въ буфетахъ желѣзнодорожныхъ станцій.

Изъ вышесказаннаго вытекаетъ: 1) что право пропинаціи въ сельскихъ мѣстностяхъ Ц. Польскаго перешло къ нынѣшнимъ владѣльцамъ вслѣдствіе нормальнаго теченія исторически правовой жизни края; 2) что оно не было ни отмѣнено, ни измѣнено въ своемъ существѣ никакими законодательными актами, а напротивъ,

подтверждено цѣлымъ рядомъ законоположеній бывшей польско-литовской, а затѣмъ и русской государственной власти; 3) что, имѣя реальную экономическую цѣнность, сельское пропинаціонное право является предметомъ гражданскаго оборота, обезпечиваетъ всякаго рода гражданскія сдѣлки и обязательства; 4) и наконецъ, что, выдѣлившись изъ права земельной собственности посредствомъ возможнаго пріобрѣтенія отъ духовенства по закону 1844 года, или посредствомъ добровольнаго его отчужденія, или же въ силу сохраненія за первоначальнымъ владѣльцемъ при выкупѣ чиншевыхъ участковъ, при принудительномъ отчужденіи къ государственной или общественной пользѣ, и при частныхъ сдѣлкахъ продажи земель безъ права пропинаціи — это право въ сельскихъ мѣстностяхъ края продолжало существовать, проявляя присущій ему характеръ исключительности и принося извѣстный доходъ, лишеніе коего безъ справедливаго вознагражденія явилось бы ничѣмъ не заслуженнымъ разореніемъ пропинаціонныхъ владѣльцевъ.

Разрѣшая утвердительно вопросъ о таковомъ вознагражденіи, Соединенные Департаменты Государственнаго Совѣта въ журналѣ 8 Февраля 1896 года за № 73 высказываютъ основное положеніе, что «каково бы ни «было происхожденіе права пропинаціи, не подлежитъ «сомнѣнію, что, во-1) право это существуетъ въ из«вѣстныхъ мѣстностяхъ въ видѣ особой монополіи на «выдѣлку и продажу крѣпкихъ напитковъ, дающей воз«можность владѣльцамъ оной извлекать изъ нея доходъ, «передавать ее другимъ лицамъ, обезпечивать ею займы «и т. п. и имѣющій поэтому важное экономическое зна«ченіе, и, во-2) что это право признано Русскимъ Пра«вительствомъ и подтверждено дѣйствующимъ закономъ. «Отсюда вытекаетъ, что это право можетъ быть отмѣ-

«нено по соображеніямъ государственной пользы, во «всемъ томъ объемѣ, въ коемъ оно признается существующими узаконеніями и притомъ за вознагражденіе отъ казны не въ видѣ милости, а по тѣмъ же «соображеніямъ, по которымъ выдается вознагражденіе «за принудительное отчужденіе частныхъ имуществъ для «государственныхъ и общественныхъ надобностей».

Ссылаясь затѣмъ на соображенія, изложенныя въ журналѣ отъ 20 Февраля 1892 года за № 84, и указывая на то, что «вотчинникъ можетъ отчуждать свое «право пропинаціи, отдавать его въ аренду, обезпечивать имъ свои обязательства и вообще вступать по оному въ различныя гражданскія сдѣлки», Государственный Совѣтъ, вопреки проекту Министерства Финансовъ, пришелъ къ выводу, что «при такомъ характерѣ права «пропинаціи приносимый ею доходъ долженъ подлежать выкупу вполнѣ, какъ на земляхъ, принадлежащихъ самимъ пропинаторамъ, такъ и на земляхъ, принадлежащихъ постороннимъ лицамъ».

Пропинаціонное право вполнѣ ясно опредѣлилось приведенными соображеніями Государственнаго Совѣта какъ въ отношеніи своего юридическаго характера, такъ и въ отношеніи своей экономической цѣнности. Если, вопреки проекту Министерства Финансовъ, было признано необходимымъ, при выкупѣ городской пропинаціи, вознаградить владѣльцевъ за отнимаемое право, какъ на земляхъ постороннихъ лицъ, такъ и на ихъ (владѣльцевъ) собственныхъ земляхъ, то было бы непослѣдовательно и несправедливо отказывать въ таковомъ вознагражденіи владѣльцамъ сельской пропинаціи лишь потому, что ихъ пропинаціонное право осуществляется, главнымъ образомъ, на ихъ собственныхъ земляхъ. Естественно поэтому, что Государственный Совѣтъ не могъ согласиться съ предположеніемъ безвозмезд-

ной отмѣны сельской пропинаціи въ Ц. Польскомъ и предложилъ, какъ отмѣчено въ началѣ сей статьи, Министру Финансовъ выработать проектъ вознагражденія вотчинниковъ за утрату дохода, получаемаго отъ сей пропинаціи.

Въ настоящее время ничто не препятствуетъ представленію такого проекта: сношенія съ подлежащими вѣдомствами сдѣланы, отзывы получены, вопросъ выясненъ всесторонне, и всѣ возраженія, какія представлялись противъ права владѣльцевъ сельской пропинаціи на вознагражденіе, оказались несостоятельными или построенными на ошибочномъ толкованіи законоположеній, изданныхъ русской Государственной властью.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что положеніе будто называемое терминомъ «пропинація» права поземельныхъ владѣльцевъ Царства Польскаго ничѣмъ не отличается отъ правъ, принадлежащихъ всѣмъ землевладѣльцамъ прочихъ областей Имперіи, противорѣчитъ какъ исторіи, такъ и точному смыслу дѣйствующихъ узаконеній. Во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи пропинаціонное право никогда не существовало, и самое понятіе о немъ вошло въ русскій законъ только по присоединеніи къ Россіи земель и областей бывшей польско-литовской республики. Это понятіе вполнѣ опредѣленное и означаетъ принадлежащее кому-либо исключительное, монопольное право выдѣлки и продажи крѣпкихъ напитковъ на извѣстной территоріи. Очевидно, что существованіе такого права не можетъ ужиться съ повелѣніемъ закона, объявлявшимъ продажу крѣпкихъ напитковъ вольнымъ промысломъ. Поэтому сказанное повелѣніе, заключавшееся первоначально въ 6 статьѣ введенія къ уст. о пит. сборѣ 19 іюля 1866 года, было примѣнено къ Царству Польскому съ помѣщенной въ самомъ текстѣ статьи оговоркой: «съ ограниченіями,

какія симъ уставомъ опредѣлены». Хотя затѣмъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 1 Мая 1871 года статьи 1—6 уст. о пит. сборѣ Царства Польскаго отмѣнены и вмѣсто нихъ на этотъ край распространена 6 статья общеимперскаго устава, но ограниченія «вольнаго промысла», опредѣленныя въ самомъ уставѣ для Царства, остались въ силѣ, войдя въ вышеприведенныя 118, 414 и 594—597 статьи уст. акц. сб. и, представляя не подвергшійся измѣненію спеціальный законъ, охраняющій пропинаціонныя права частныхъ владѣльцевъ, крестьянъ и казны, они продолжаютъ дѣйствовать, отмѣняя общій законъ (416 ст. уст. акц. сб.) во всѣхъ случаяхъ возможной съ нимъ коллизіи.

Неоднократно акцизная администрація вызывала такую коллизію, отрицая монопольныя права владѣльцевъ сельской пропинаціи и возбуждая противъ нихъ обвиненія въ нарушеніи акцизнаго устава. Всѣ такія обвиненія привели, конечно, къ оправданію обвиняемыхъ и къ признанію судебными установленіями ихъ монопольныхъ пропинаціонныхъ правъ. Таковъ приговоръ Калишскаго окружнаго суда по дѣлу о пропинаціи въ с. Мархвичѣ, утвержденный Правительствующимъ Сенатомъ, таковы приговоры по дѣламъ о пропинаціи въ Новой Веси, Вартковицахъ и мн. др.

Сказанное свидѣтельствуетъ, что объявляющая торговлю крѣпкими напитками «вольнымъ промысломъ» 416 ст. акц. уст. не можетъ имѣть для Царства Польскаго то же значеніе, какое она имѣетъ для прочихъ областей Имперіи, и что нельзя, ссылаясь на нее, утверждать, будто въ губерніяхъ Царства нѣтъ сельскаго пропинаціоннаго права.

Нельзя также утверждать, будто требуемое 594 ст. уст. акц. сб. разрѣшеніе земельныхъ владѣльцевъ въ

Царствѣ Польскомъ на торговлю крѣпкими напитками въ территоріальныхъ границахъ ихъ пропинаціоннаго права, ничѣмъ не отличались отъ подобныхъ же разрѣшеній, даваемыхъ вотчинниками прочихъ областей Имперіи. Такое мнѣніе неправильно: во-1) потому, что относящіяся къ губерніямъ, управляемымъ по общему и особому положенію (но не къ Царству Польскому). 487 и 560 ст. уст. акц сб. не говоритъ о «разрѣшеніи», коего требуетъ относящаяся къ Царству ст. 594, а лишь о «согласіи» владѣльца; во-2) потому, что, согласно 488 ст. уст. акц. сб., поземельнымъ собственникамъ Имперіи воспрещается предоставлять въ своихъ имѣніяхъ кому-либо исключительное право торговли крѣпкими напитками въ видѣ монополіи (т.-е. за ними отрицается пропинаціонное право, признаваемое закономъ за вотчинниками Царства Польскаго), Далѣе, согласно 525 и 526 ст. уст. акц., правительственнымъ властямъ предоставляется по общему правилу разрѣшать открытіе торговли крѣпкими напитками въ селахъ безъ согласія сельскихъ обществъ. Между тѣмъ въ Царствѣ Польскомъ принадлежащее крестьянскимъ обществамъ пропинаціонное право сохраняетъ свой монопольный характеръ, хотя и временно, до окончанія ликвидаціонной операціи, завѣдываніе пропинаціей предоставлено казнѣ. Вышеприведенныя 596 и 597 статьи устава явственно свидѣтельствуютъ о существованіи сельской пропинаціи, и самая ихъ редакція сходствуетъ съ редакціей 420-й статьи, устанавливающей право пропинаціи городской. Въ предѣлахъ крестьянскаго землевладѣнія пропинація принадлежитъ всѣмъ лицамъ, имѣющимъ тамъ усадьбы. Запрещеніе открывать продажу питей въ разстояніи меньшемъ ста саженъ отъ границы крестьянскихъ земель явственно подтверждаетъ монопольный характеръ пропинаціи.

Изъ предшествующаго изложенія видно, что статьи устава объ акцизныхъ сборахъ, на которыя ссылается Государственный Совѣтъ въ вышеприведенныхъ соображеніяхъ журнала отъ 8 Февраля 1896 года, относятся несомнѣнно не только къ городской, но и къ сельской пропинаціи, частью же исключительно къ сей послѣдней.

Этому выводу не противорѣчитъ вовсе то обстоятельство, что нѣкоторыя узаконенія, послѣдовавшія за крестьянской реформой, каковы, напримѣръ, указы 7/19 Іюля и 28 Октября / 9 Ноября 1866 года, говорятъ лишь о пропинаціи городской, не упоминая вовсе о сельской. Относясь исключительно къ устройству быта населенія бывшихъ королевскихъ и владѣльческихъ городскихъ поселеній и въ особенности къ упраздненію въ сихъ поселеніяхъ вотчинныхъ отношеній, упомянутые указы естественно не упоминали о пропинаціи сельской, о которой законодательная власть упоминала тогда, когда дѣло касалось устройства быта сельскихъ жителей. Когда въ 1869 году Учредительный Комитетъ составилъ проектъ положенія о выкупѣ безсрочныхъ чиншей, сборовъ и сервитутовъ въ сельскихъ мѣстностяхъ Царства Польскаго, то въ числѣ сервитутовъ, подлежащихъ выкупу, помѣщено было Комитетомъ (въ 10 статьѣ проекта) и право пропинаціи. Такъ какъ затѣмъ при обсужденіи этого проекта въ Комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго разрѣшеніе вопроса о сервитутахъ было признано преждевременнымъ и всѣ относящіяся до сервитутовъ (а слѣдовательно и до отнесеннаго въ проектѣ къ числу сервитутовъ права пропинаціи) постановленія были исключены, то изъ сего слѣдуетъ, что это право при выкупѣ чиншевыхъ участковъ остается за прежнимъ владѣльцемъ. Исторія «Положенія о выкупѣ чиншей» 12/24 Іюня 1870 года и

его прямой смыслъ свидѣтельствуютъ такимъ образомъ съ полной очевидностью, что Учредительный Комитетъ всегда признавалъ существованіе права сельской пропинаціи на владѣльческихъ земляхъ и если предполагалъ возможность его отмѣны, то не иначе, какъ при условіи его выкупа. Въ такомъ именно смыслѣ разъяснилъ сказанное «Положеніе» Гражданскій Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената въ рѣшеніи 1887 года по дѣлу Іосифа и Амеліи Будковскихъ о пропинаціи на чиншевомъ участкѣ въ имѣніи Новоминскъ. Отъ вниманія Правительствующаго Сената не ускользнули при этомъ аналогія между узаконеніями, относящимися къ городской и къ сельской пропинаціи, и тождественность пропинаціонныхъ правъ вотчинниковъ Царства Польскаго какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. Права эти не должны быть смѣшиваемы съ правами землевладѣльцевъ прочихъ областей Имперіи, которымъ законъ предоставляетъ только изъявлять согласіе на питейную торговлю на ихъ земляхъ, но запрещаетъ придавать этому изъявленію согласія характеръ монопольный. Употребляемое закономъ, когда дѣло касается правъ вотчинниковъ и крестьянъ Царства Польскаго по отношенію къ торговлѣ крѣпкими напитками, слово «пропинація» не является вовсе выраженіемъ случайнымъ, ибо вездѣ, гдѣ законъ объясняетъ это выраженіе точнѣе, онъ замѣняетъ его словами «исключительное право». Ни одинъ изъ этихъ терминовъ не встрѣчается въ законахъ, относящихся до внутреннихъ губерній, очевидно потому, что пропинаціонное право тамъ не существовало вовсе. Поэтому опасенія, будто выкупъ сельской пропинаціи въ Царствѣ Польскомъ создастъ «опасный прецедентъ», въ силу котораго замлевладѣльцы прочихъ областей Имперіи станутъ домогаться удовлетворенія, за потерею питей-

11*

ныхъ доходовъ отъ введенія казенной продажи питей, представляются лишенными основанія.

Такъ же точно неправильными представляются соображенія о томъ, будто цѣнность сельской пропинаціи не можетъ быть въ точности опредѣлена, вслѣдствіе чего и выкупъ ея не можетъ осуществиться фактически. Доходность, а слѣдовательно и цѣнность пропинаціи на крестьянскихъ земляхъ опредѣляется безъ всякихъ затрудненій, такъ какъ съ 1885 года эта пропинація сдается въ аренду съ торговъ. При этомъ, согласно дѣйствующему закону, расходъ на помѣщеніе питейной торговли исчисляется въ 5% арендной платы (ст. 597 уст. акц. сб.). Капитализированная изъ этой платы выкупная сумма раздѣлится между сельскимъ обществомъ и лицами, владѣющими усадьбами въ межѣ крестьянскаго землевладѣнія. Что касается пропинаціи на земляхъ владѣльческихъ, то при исчисленіи ея цѣнности къ ней можетъ быть примѣнено начало, выраженное въ 14 ст. Высочайше утвержденнаго 29 Апрѣля 1896 года мнѣнія Государственнаго Совѣта объ отмѣнѣ городской пропинаціи, въ силу котораго лица, желающія воспользоваться вознагражденіемъ, сами обязаны доказать размѣры извлекаемаго ими отъ пропинаціи чистаго дохода.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ момента введенія въ краѣ казенной продажи питей права владѣльцевъ пропинаціи перешли къ казнѣ. Она перестаетъ засчитывать доходъ отъ пропинаціи на крестьянскихъ земляхъ въ выкупные платежи и въ пользу владѣльцевъ некрестьянскихъ усадебъ, какъ было до того момента, а пользуется имъ сама, равно какъ доходомъ отъ пропинаціи на земляхъ владѣльческихъ. Увѣренія противниковъ выкупа сельской пропинаціи, будто введеніе казенной продажи питей является лишь новымъ способомъ взиманія питейнаго налога, представляется

безусловно несостоятельнымъ и противорѣчитъ прямому смыслу законодательныхъ мотивовъ, которые легли въ основаніе государственной монополизаціи торговли крѣпкими напитками. На первомъ мѣстѣ стоялъ тутъ несомнѣнно мотивъ фискальный, необходимость увеличенія матеріальныхъ средствъ государства. Невозможно требовать отъ государства, чтобы, выкупая желѣзныя дороги или вводя винную монополію, оно отказывалося отъ «предпринимательскихъ доходовъ». Наоборотъ, они-то ему и нужны, и оно стремится къ ихъ увеличенію, достигая таковаго съ меньшимъ убыткомъ потребителя, чѣмъ частный предприниматель. Указывая на полезность введенія питейной монополіи, всеподданнѣйшіе рапорты Министра Финансовъ ставятъ всегда рядомъ съ положительнымъ вліяніемъ реформы на народную нравственность и хозяйство ея благопріятные финансовые результаты. Пріобрѣтая отъ владѣльцевъ сельскаго пропинаціоннаго права представляемую имъ цѣнность, приносящую опредѣленный доходъ, и пользуясь таковымъ впредь исключительно, казна не можетъ не вознаградить бывшихъ правообладателей. Отказъ въ выдачѣ вознагражденія за лишеніе сельской пропинаціи, представляющей несомнѣнно реальную цѣнность, отмѣчаемую въ ипотечныхъ книгахъ, обезпечивающую судебныя и казенныя взысканія, долги казеннымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ —не былъ бы согласенъ съ началами справедливости, положенными въ основаніе законовъ объ отчужденіи частныхъ имуществъ на пользу государственную и общественную (ст. 575 т. X ч. 1 и 545 Граж. Код.), особенно въ виду уже послѣдовавшаго согласнаго съ сими началами разрѣшенія вопроса о выкупѣ пропинаціи городской.

Нельзя не замѣтить, что отмѣна какъ городской, такъ и сельской пропинаціи въ Пруссіи, Саксоніи, Ба-

денѣ и прочихъ германскихъ государствахъ сопровождалась денежнымъ вознагражденіемъ лишаемыхъ пропинаціоннаго права вотчинниковъ. То же произошло въ самое недавнее время въ сходной съ Царствомъ Польскимъ въ отношеніи организаціи питейной торговли австрійской Галичинѣ, гдѣ владѣльцы городской и сельской пропинаціи были на одинаковыхъ основаніяхъ вознаграждены государственной казной за теряемую ими, вслѣдствіе отмѣны пропинаціи, цѣнность.

ДРОБЛЕНІЕ

КРЕСТЬЯНСКИХЪ УЧАСТКОВЪ.

Вопросъ о разверстаніи раздробленныхъ и чрезполосныхъ земельныхъ участковъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ однимъ изъ наиболѣе животрепещущихъ въ Царствѣ Польскомъ. Труды статистическаго комитета выяснили, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьянскіе надѣлы, состоящіе всего изъ нѣсколькихъ морговъ, раздѣлены на нѣсколько, а иногда и на десятки, отдѣльныхъ владѣній. Лица же, хорошо ознакомленныя съ крестьянскимъ землевладѣніемъ въ краѣ, знаютъ, что это явленіе вовсе не исключительное, встрѣчающееся лишь въ одной мѣстности.

Дробленіе земельныхъ участковъ возникаетъ вслѣдствіе существенныхъ потребностей крестьянскаго населенія, имѣетъ въ своей основѣ различныя сдѣлки прижизненныя и распоряженія на случай смерти; оно является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ роста крестьянскаго населенія и его привязанности къ землѣ; законодательныя запрещенія безсильны остановить это явленіе.

Но такъ какъ излишнее дробленіе земельныхъ участковъ, а также чрезполосица чрезвычайно вредно отзы-

ваются на сельскомъ хозяйствѣ и экономическомъ благосостоянiи, то на ряду съ неизбѣжнымъ дробленiемъ должно развиваться разверстанiе чрезполосныхъ участковъ и округленiе земельныхъ владѣнiй.

Это разверстанiе и округленiе могутъ развиваться либо посредствомъ добровольныхъ сдѣлокъ между сторонами, либо въ силу закона. Въ Царствѣ Польскомъ нынѣ въ этомъ отношенiи дѣйствуютъ добровольныя сдѣлки, но былъ также въ свое время изданъ законъ, преслѣдующiй задачи введенiя подворнаго владѣнiя. Для того, чтобы убѣдиться, почему дѣйствiе обоихъ этихъ факторовъ оказалось недостаточнымъ и изслѣдовать, какiя реформы необходимы въ этомъ направленiи, надлежитъ изучить каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

Но нельзя правильно судить о настоящемъ положенiи дѣлъ, не заглянувъ въ прошлое, породившее современныя отношенiя. Въ прежнее время помѣщичья усадьба располагалась рядомъ съ селенiемъ, рядомъ съ помѣщичьими полями тянулись земли крестьянъ; тутъ же нерѣдко находились и поля духовенства и т. д. Подобно тому, какъ нынѣ въ благоустроенной усадьбѣ мы видимъ и жилища, и огороды для батраковъ, такъ въ то время наиболѣе цѣлесообразнымъ являлось такое устройство, чтобы около всякаго помѣщичьяго поля находилось поле крестьянское; вѣдь барщина была въ то время единственною рабочею силою, а каждый помѣщикъ могъ обрабатывать столько земли, насколько хватало рабочей силы и инвентаря у крестьянъ, обязанныхъ барщиною; все остальное пространство оставалось подъ лѣсомъ или въ видѣ неудобной земли. Посему землевладѣльцы заботились о томъ, чтобы крестьянскiя усадьбы не дробились; крестьянскiй участокъ обыкновенно заключалъ въ себѣ одну волоку пахотной земли; и только въ наиболѣе насе-

ленныхъ и плодородныхъ мѣстностяхъ, напр. въ Краковскомъ воеводствѣ, участки были меньшіе. Изучая древніе дипломы и судебныя грамоты, можно убѣдиться, что крестьянскіе участки нерѣдко оставались неизмѣнными, въ тѣхъ же границахъ, въ теченіе пяти столѣтій. Крестьянскія поля раздѣлялись помѣщичьими, такъ какъ по обстоятельствамъ того времени такое расположеніе было наиболѣе удобное, но чрезполоснаго владѣнія не было. Въ первой половинѣ минувшаго столѣтія одновременно съ распространеніемъ прогресса въ сельскомъ хозяйствѣ появилось стремленіе къ отмежеванію земель помѣщичьихъ отъ крестьянскихъ, но не всегда притомъ принимались въ расчетъ потребности крестьянъ и ихъ благосостояніе. Указъ о престаціонныхъ табеляхъ ограничилъ произволъ помѣщиковъ, а въ то же время, подъ вліяніемъ идей Ежегодника отечественнаго хозяйства (Rocznik gospodarstwa krajowego) и обществъ сельскихъ хозяевъ, въ широкихъ размѣрахъ производилось разверстаніе и размежеваніе полей помѣщичьихъ и крестьянскихъ усадебъ и произведено принудительное поселеніе крестьянъ въ имѣніяхъ, находившихся въ вѣдѣніи бывшей финансовой коммисіи, легшее въ основаніе ихъ зажиточности, которою они отличаются до настоящаго времени. Указъ 1864 г. объ устройствѣ крестьянъ положилъ предѣлъ этому движенію и фиксировалъ отношеніе крестьянской недвижимости къ крупному землевладѣнію, но какъ тогда не воспользовались представившимся случаемъ для разверстанія крестьянскихъ участковъ, такъ равно и съ тѣхъ поръ не предпринято никакихъ мѣръ къ тому, чтобы крестьянскіе участки не получали самыхъ неподходящихъ формъ и устройства. Крупные землевладѣльцы, лучше сознавая выгоду хуторнаго хозяйства, въ большинствѣ имѣній разверстали свои угодья такимъ обра-

зомъ, чтобы на нихъ съ удобствомъ можно было примѣнять пріемы раціональнаго и интенсивнаго хозяйства, но крестьянскіе участки вслѣдствіе купли-продажи, отдачи въ приданое, наслѣдованія, распались на многочисленныя мелкія полосы. Въ настоящее время разверстаніе угодій крупнаго землевладѣнія и отграниченіе отъ крестьянскихъ участковъ представляется дѣломъ меньшей важности, но чрезвычайное значеніе оно имѣетъ для крестьянскихъ земель и мелкопомѣстнаго шляхетства, которое, свободно располагая своею собственностью, еще ранѣе успѣло раздробить свои удобныя земли.

Конечно, крупному владѣльцу, вынужденному нанимать людей для воздѣлыванія почвы, лучше виденъ весь вредъ, напрасная трата времени и безпорядки, являющіяся послѣдствіемъ неудобнаго расположенія полей и чрезполоснаго владѣнія, а чѣмъ менѣе земельный участокъ, тѣмъ сравнительно болѣе у владѣльца времени для работы въ полѣ и тѣмъ менѣе онъ осязаетъ потерю времени, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы для него была безполезна неразрозненность его хозяйства, такъ какъ мелкому владѣльцу нужно много времени и силъ для того, чтобы заработать болѣе, чѣмъ ему можетъ дать дохода его небольшой клочокъ земли. Употребивъ съ пользою на другое дѣло то время и ту энергію, которая пропадаетъ даромъ при разбросанномъ чрезполосномъ хозяйствѣ, онъ могъ бы лучше прокормить себя и семью, могъ бы съ большею выгодою использовать свои поля.

1. Причины, препятствующія уничтоженію чрезполоснаго владѣнія и образованію хуторнаго землевладѣнія по добровольнымъ сдѣлкамъ.

Поставленный въ заглавіи вопросъ лучше и нагляднѣе всего виденъ при изслѣдованіи, какимъ способомъ производится обмѣнъ полей съ цѣлью введенія хуторнаго хозяйства.

Крестьяне (либо мелкіе шляхтичи) того селенія, которое желаетъ ввести хуторное или подворное хозяйство, нуждаются для этой цѣли въ помощи постороннихъ лицъ. Сельскій сходъ, даже самый благоразумный, но всегда многочисленный, не можетъ привести въ исполненіе столь сложной работы и для сего долженъ уполномочить либо кого-либо изъ своихъ членовъ, либо постороннихъ лицъ; послѣднее происходитъ чаще, такъ какъ односельчане обыкновенно недостаточно развиты, да притомъ и не внушаютъ должнаго довѣрія, будучи заинтересованы въ дѣлѣ. По большей части сходъ уполномочиваетъ трехъ постороннихъ лицъ: прежде всего кого-либо изъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ, хорошо знакомыхъ съ почвенными и хозяйственными условіями, незаинтересованными въ дѣлѣ и исправляющими свои обязанности безмездно, затѣмъ землемѣра, производящаго размежеваніе и, наконецъ, нотаріуса, который составляетъ юридическіе акты. Вотъ обыкновенный составъ уполномоченныхъ. Такъ какъ въ основѣ ихъ дѣйствій лежитъ только воля ихъ довѣрителей, то они нуждаются въ довѣренности отъ владѣльцевъ участковъ, подлежащихъ обмѣну, либо разверстанію. Для выдачи довѣренности слѣдовало бы, по аналогіи съ другими постановленіями, касающимися владѣнія землею, признать достаточнымъ согласіе и желаніе двухъ третей членовъ схода, но на практикѣ возникаютъ опа-

сенія, что вся дѣятельность уполномоченныхъ будетъ по рѣшенію суда признана ничтожною въ случаѣ жалобы меньшинства, такъ какъ значеніе постановленій сельскаго схода на частно-правовыя отношенія его участниковъ не опредѣлены точно въ законѣ. Посему уполномоченные на разверстаніе угодій требуютъ обыкновенно выдачи нотаріальной довѣренности всѣми владѣльцами участковъ, такъ что въ дѣйствительности необходимо единогласное рѣшеніе всѣхъ владѣльцевъ, и противодѣйствіе самаго незначительнаго числа участниковъ, которые не согласятся подписать условія, можетъ уничтожить самую выгодную сдѣлку.

Въ каждомъ селеніи найдутся личности, которыя могутъ не согласиться на измѣненіе землевладѣнія либо просто по строптивому нраву, либо изъ зависти, либо вслѣдствіе несознаванія пользы въ будущемъ. Затѣмъ даже въ случаѣ общаго согласія всѣхъ, сама выдача довѣренности отъ имени всѣхъ крайне затруднительна: одинъ переселился въ другую мѣстность, другой отправился на заработки въ городъ или на заводъ, третій неизвѣстно гдѣ находится—вотъ почему выдача довѣренности отъ лица всѣхъ рѣдко удается. Весьма часто обмѣнъ угодій производится безъ дѣйствительнаго уполномочія отъ всѣхъ заинтересованныхъ, но въ такомъ случаѣ всѣ, не подписавшіеся подъ договоромъ, несогласные, отсутствующіе и малолѣтніе, которыхъ вездѣ не мало, могутъ впослѣдствіи принести жалобу въ судъ. Уже неоднократно случалось, что послѣ введенія подворнаго владѣнія и обмѣна участковъ приходилось возвращаться къ первоначальному владѣнію. Этого непостоянства крестьяне наши, вполнѣ справедливо, болѣе всего опасаются, такъ какъ оно имѣетъ своимъ послѣдствіемъ безчисленные убытки, судебную волокиту и издержки.

Вполнѣ понятно, что коль скоро по отсутствіи точныхъ законныхъ опредѣленій необходимо фактическое согласіе всѣхъ заинтересованныхъ лицъ—хотя въ сущности не требуемое по закону,—то добровольный обмѣнъ угодій для уничтоженія чрезполоснаго владѣнія не можетъ развиться въ широкихъ размѣрахъ и даже можно удивляться, что кое-гдѣ усилія добрыхъ людей увѣнчались успѣхомъ. Если не будетъ изданъ особый законъ и не будетъ установленъ особый органъ власти для этихъ дѣлъ, то добровольное разверстаніе чрезполосныхъ угодій не можетъ нигдѣ развиться въ желаемой степени, въ особенности же среди бѣднаго и мало развитого населенія.

2. Причины, по коимъ законъ отъ 29 Декабря 1876 года объ обязательномъ обмѣнѣ чрезполосныхъ участковъ и разграниченіи общихъ пастбищъ не принесъ надлежащей пользы.

Причины, по коимъ вышеозначенный законъ рѣдко былъ примѣняемъ, касаются: 1⁰ предѣловъ его дѣйствія, 2⁰ установленнаго способа обмѣна и 3⁰ нѣкоторыхъ побочныхъ обстоятельствъ. Что касается до предѣловъ его дѣйствія, то самъ текстъ закона въ значительной степени объясняетъ дѣло. По ст. 4-й не подлежатъ разграниченію и обмѣну: «п. в) всѣ земельные участки, на которые распространяется дѣйствіе Указа 26 мая 1864 года; г) всѣ земли, находящіяся въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи съ крестьянскими усадьбами, которыя ни въ коемъ случаѣ не подлежатъ принудительному обмѣну; д) мелкіе земельные участки». Кромѣ того, въ законѣ (ст. 13) установлены еще ограниченія для огородовъ, капустниковъ и коноплянниковъ. Такъ какъ вопросъ о томъ, какія земли считаются нераздѣльными съ усадебными и какіе участки слѣдуетъ признать мало-

мѣрными, допускаетъ самое широкое и произвольное толкованіе; а съ другой стороны, такъ какъ нельзя въ значительныхъ размѣрахъ провести разверстаніе угодій, не касаясь капустниковъ, коноплянниковъ, огородовъ, нерѣдко даже самихъ усадебъ, то законъ о принудительномъ обмѣнѣ участковъ остался мертвою буквою, а на практикѣ получили примѣненіе только правила о раздѣлѣ луговъ и пастбищъ, заключающіяся въ томъ же законѣ.

Что касается до причинъ, кроющихся въ способѣ производства принудительнаго обмѣна, то по закону 29 Дек. 1876 г. требовать обмѣна могли: а) владѣльцы имѣній, б) крестьяне и в) тѣ и другіе вмѣстѣ. Однако въ то время, когда послѣдовало изданіе этого закона, пункты б. и в. могли имѣть развѣ теоретическое значеніе. Степень развитія крестьянъ и состояніе ихъ хозяйствъ были таковы, что они не сознавали и не могли уразумѣть пользы отъ разверстанія угодій. Они считали, что пасти скотъ на паренинѣ, на ржищѣ и даже на засѣянныхъ поляхъ, это—наилучшій способъ кормить инвентарь; чрезполосное владѣніе давало имъ возможность потравъ и пастбища на помѣщичьихъ поляхъ, къ чему они съ искони вѣковъ привыкли, къ тому же имъ только что передъ тѣмъ былъ предоставленъ пастбищный сервитутъ на помѣщичьихъ поляхъ. Имѣя въ то время довольно большіе надѣлы, не нуждаясь въ постороннемъ заработкѣ, они не чувствовали потери времени, происходящей изъ-за разбросанности полей; навоза у нихъ было мало и потому вывозка его на отдаленныя поля не представляла затрудненій. Слѣдовательно, сознавать необходимость обмѣна и требовать таковаго могъ только помѣщикъ. Согласно ст. 25, производство обмѣна составляло обязанность Коммисара по крестьянскимъ дѣламъ, который и рѣшалъ этотъ вопросъ окон-

чательно; онъ производилъ также разграниченіе угодій черезъ состоящаго при присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ землемѣра (ст. 33), въ присутствіи солтыса, войта и 2—6 понятыхъ отъ крестьянъ и свѣдущихъ лицъ отъ каждой изъ заинтересованныхъ сторонъ (ст. 31). Понятно, что помѣщики не могли быть увѣрены, что въ коммисіи, въ которой крестьяне имѣли 10 представителей, а помѣщикъ одного, въ которой все дѣло рѣшалъ коммисаръ, т.-е. чиновникъ, спеціально охраняющій крестьянъ и пекущійся объ ихъ выгодѣ, его интересы не останутся на заднемъ планѣ, а потому предпочитали не пользоваться этимъ закономъ.

Но кромѣ сего, нѣкоторыя постороннія, побочныя обстоятельства также повліяли на то, что законъ этотъ мало примѣнялся и скоро потерялъ всякое значеніе. Въ настоящее время рѣдко можно увидѣть помѣщичьи земли, находящіяся въ чрезполосномъ владѣніи съ крестьянскими; онѣ остались только тамъ, гдѣ нѣкому было заняться урегулированіемъ этихъ отношеній. Въ устраненіи чрезполоснаго владѣнія наибольшую роль играло сознаніе собственной пользы у помѣщиковъ, для которыхъ въ виду сельскохозяйственнаго прогресса, требующаго разныхъ хозяйственныхъ улучшеній, чрезполосныя угодія представляли все меньшую цѣнность. Къ этому присоединились въ значительной степени разумныя правила оцѣнки имѣній, установленныя земскимъ кредитнымъ обществомъ, согласно коимъ оцѣнка земель, раздѣленныхъ чужимъ владѣніемъ, понижается на 50%, а въ случаяхъ дѣйствительнаго чрезполоснаго владѣнія съ неудобными границами, оцѣнка всего имѣнія понижается по усмотрѣнію, безъ всякаго ограниченія. Обыкновенно чрезполосные участки исключаются изъ оцѣнки имѣній и подъ угодья, находящіяся въ чрезполосномъ владѣніи съ крестьянскими, не выдается вовсе

ссуды, либо выдается самая ничтожная. Но такъ какъ земельная собственность обременена издавна уже долгами и все болѣе нуждается въ кредитѣ, то крупные владѣльцы старались всѣми мѣрами уничтожить чрезполосицу въ своихъ имѣніяхъ и съ этою цѣлью заключали съ крестьянами добровольныя сдѣлки даже на самыхъ тягостныхъ для себя условіяхъ, давая имъ въ обмѣнъ участки въ нѣсколько разъ бо́льшіе, либо же уступали эти участки при уничтоженіи сервитутовъ, либо, наконецъ продавали эти угодья при посредствѣ крестьянскаго банка, или и безъ онаго.

Итакъ, спеціальный законъ, изданный для вышеозначенной цѣли, но безъ достаточнаго знакомства съ мѣстными условіями, оказался менѣе дѣйствительнымъ, нежели вліяніе постороннихъ правилъ, въ основаніе коихъ было положено дѣйствительное пониманіе вопроса и знакомство съ сельскохозяйственными отношеніями.

3. Нѣсколько замѣчаній de lege ferenda.

Для того, чтобы разверстаніе и обмѣнъ чрезполосныхъ земельныхъ участковъ могли быть произведены въ широкихъ размѣрахъ, необходимо: во-первыхъ, издать особый законъ; во-вторыхъ, создать присутственное мѣсто, которое по требованію владѣльцевъ производило бы такое разверстаніе и, въ третьихъ, предоставить нѣкоторыя преимущества владѣльцамъ разверстанныхъ участковъ.

1. Въ законѣ должно быть точно и опредѣленно выражено правило, что согласіе всѣхъ владѣльцевъ не требуется и что достаточно извѣстнаго, точно установленнаго большинства, которое въ правѣ принудить къ обмѣну несогласное меньшинство. Въ этомъ отно-

шеніи законъ вовсе не долженъ исходить изъ теоретическихъ, апріорныхъ соображеній, но можетъ воспользоваться опытомъ законодательства другихъ странъ, гдѣ хуторное землевладѣніе болѣе развито. Въ Германіи, напр., имѣются въ этомъ отношеніи различныя постановленія относительно требуемаго большинства. Прусскій законъ 2 апрѣля 1872 года отдаетъ преимущество болѣе крупнымъ собственникамъ, опредѣляя, «что владѣльцы бо́льшаго пространства земель, подлежащихъ обращенію въ подворные участки, могутъ принудить къ размежеванію владѣльцевъ меньшей части земли»; въ другихъ законодательствахъ требуется не только перевѣсъ владѣнія, но и численный перевѣсъ владѣльцевъ. Прежніе законы требовали въ этомъ отношеніи большинства двухъ третей, трехъ четвертей и т. п., но въ современныхъ законодательствахъ признается достаточнымъ простое большинство.

Преданіямъ русскаго законодательства, всегда охраняющаго интересы мелкихъ собственниковъ, болѣе отвѣчало бы требованіе согласія большинства владѣльцевъ, рѣшеніе коихъ получало бы значеніе лишь по утвержденіи надлежащею властью. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовало бы предоставить владѣльцамъ право довѣрять производство разверстанія и обмѣна избраннымъ ими частнымъ лицамъ, либо же обращаться къ установленной на то власти.

2. Такъ какъ разверстаніе въ Царствѣ Польскомъ болѣе всего нужно мелкимъ собственникамъ, то казалось бы справедливымъ возложить это дѣло на присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Однако правительственный чиновникъ не можетъ обладать такимъ точнымъ знакомствомъ со свойствами почвы, ея производительностью и многочисленными мѣстными хозяйственными условіями, какое необходимо для правильнаго обмѣна и разверстанія. Нѣтъ двухъ участковъ земли одинаковыхъ по химическому составу и механическому

строенію, кромѣ того, они рознятся и по условіямъ солнечнаго свѣта, и по наклону, и по подпочвѣ, и по удаленію отъ усадьбы и т. п.

Практика доказываетъ, что при образованіи подворнаго владѣнія нигдѣ почти не удается отвести каждому владѣльцу то же количество пахотной земли, луговъ, пастбища, огорода и т. п., какимъ онъ владѣлъ ранѣе—слѣдовательно необходимо справедливо замѣнить одно угодіе другимъ, но относительная ихъ цѣнность въ высшей степени различна, смотря по положенію, средствамъ сообщенія, системѣ хозяйства и т. д., такъ что ни одна бюрократически составленная схема не будетъ удовлетворительна; точнѣе, всякая будетъ негодна; всѣ эти условія можетъ изслѣдовать и оцѣнить только сельскій хозяинъ. Вотъ почему слѣдовало бы, по примѣру прусскихъ генеральныхъ коммисій (Generalcommissionen), приглашать въ качествѣ свѣдущихъ лицъ образованныхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, въ числѣ, напр., двухъ въ каждомъ уѣздѣ, по назначенію правительства; кромѣ сего, для того, чтобы не упустить изъ виду мелкихъ чисто мѣстныхъ условій, необходимо при всякомъ разверстаніи приглашать представителей заинтересованныхъ владѣльцевъ изъ крестьянъ или другихъ сословій.

Такъ какъ образованіе хуторнаго владѣнія въ полномъ смыслѣ этого слова весьма затруднительно и сопряжено съ большими затратами, потому что вызываетъ переносъ построекъ, устройство новыхъ огородовъ, колодцевъ, дорогъ и т. п., то владѣльцамъ долженъ быть предоставленъ выборъ между системою хуторною (колоніальною) или подворнымъ владѣніемъ, при коемъ усадьбы и огороды остаются на прежнихъ мѣстахъ, а разверстанію подлежатъ только пахотныя поля, луга, пастбища и т. п.

3. Разверстаніе вызываетъ неизбѣжно издержки

и убытки въ первые годы хозяйства; въ Саксоніи издержки составляютъ около 15 марокъ на гектаръ земли, въ вел. кн. Баденскомъ—отъ 25 до 30 мар. па гектаръ. Кромѣ того, такъ какъ у крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ пахота по большей части состоитъ изъ трехъ главныхъ полей съ трехлѣтнимъ сѣвооборотомъ: 1) корнеплодные, 2) яровое поле или кормовыя растенія и 3) озимое поле, то послѣ разверстанія они получаютъ весь участокъ въ одномъ изъ означенныхъ полей, такъ что на первыхъ порахъ долженъ получиться сомнительный урожай даннаго сорта хлѣба; такъ, напр., у одного весь участокъ получится изъ унавоженной пахотной земли, къ другому отойдетъ исключительно паръ,—словомъ, послѣ такого переустройства хозяйство въ теченіе трехъ лѣтъ переживетъ кризисъ; посему было бы справедливо предоставить нѣкоторыя податныя льготы въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ. Такъ какъ расходы по межеванію, по обзаведенію, не говоря уже о постройкахъ, лягутъ тяжелымъ бременемъ на крестьянина, то было бы весьма полезно, если бы вновь устроеннымъ подворнымъ и хуторнымъ участкамъ выдавали краткосрочныя ссуды изъ крестьянскаго банка, безъ круговой поруки.

Всякій обмѣнъ земельныхъ угодій съ трудомъ достигается у бѣднаго населенія, если нѣтъ нѣкотораго запаснаго пространства, которое служитъ источникомъ удовлетворенія излишней жадности для однихъ владѣльцевъ и возмѣщенія неизбѣжнаго уменьшенія количества пахотной земли для другихъ; посему въ Пруссіи, при раздѣлахъ на подворные участки, въ раздѣлъ поступаютъ и земли, находящіяся въ общемъ пользованіи всѣхъ владѣльцевъ. Но для большинства селеній Царства Польскаго необходимо оставить общіе лѣсные участки, пастбища и т. п., а потому наиболѣе удобнымъ моментомъ для разверстанія является заключеніе договора объ

уничтоженіи лѣсныхъ и пастбищныхъ сервитутовъ. Посему было бы желательнымъ, чтобы коммисары по крестьянскимъ дѣламъ всѣми силами старались склонить крестьянъ къ раздѣлу на подворные участки при заключеніи сдѣлокъ о вознагражденіи за сервитуты. Вмѣстѣ съ тѣмъ надлежало бы запрещать крестьянамъ, получающимъ въ возмѣщеніе за сервитуты лѣсныя пространства, тотчасъ дѣлить таковыя на мелкія полосы, такъ какъ нерѣдко случается, что каждый домохозяинъ получаетъ два-три морга лѣса въ 3 или 4 полосахъ.

Чѣмъ участокъ лѣса меньше, тѣмъ онъ легче истребляется; слѣдовало бы въ виду сего постановить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда селеніе получаетъ взамѣнъ за сервитуты участокъ лѣса, таковой остается въ общемъ пользованіи всѣхъ владѣльцевъ и можетъ быть вырубаемъ только по утвержденному плану. Между тѣмъ законъ объ охранѣ лѣсовъ освобождаетъ крестьянскіе лѣса отъ наблюденія лѣсоохранительныхъ комитетовъ, точно вся суть заключается въ томъ, чтобы крестьяне какъ можно скорѣе истребили свой лѣсъ и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ остались вовсе безъ лѣса.

Въ видахъ уменьшенія числа чрезполосныхъ владѣній и распространенія хорошо округленныхъ хозяйственныхъ единицъ, слѣдовало бы постановить также, чтобы при продажѣ имѣній при посредствѣ крестьянскаго банка въ планъ продажи не включались участки съ чрезполосными угодьями и неправильными очертаніями, равно какъ и слишкомъ узкіе участки, не соотвѣтствующіе условіямъ правильнаго хозяйства, и чтобы ссуды по преимуществу выдавались банкомъ подъ участки, правильно разграниченные и округленные.

Разверстаніе участковъ не является дѣломъ минутнымъ, которое можно произвести скоро и окончательно разъ навсегда; оно является постоянною потребностью.

Дробленіе участковъ и чрезполосныя поля возникаютъ естественно, по хозяйственной необходимости, вслѣдствіе купли-продажи, семейныхъ раздѣловъ и т. п., а слѣдовательно и правила о разверстаніи угодій не могутъ имѣть временнаго характера. Подобно тому, какъ разнородныя потребности и отношенія приводятъ къ дробленію усадебъ и участковъ, такъ, съ другой стороны, разумная аграрная политика Правительства должна заботиться о томъ, чтобъ мелкіе землевладѣльцы постоянно округляли и разверстывали свои земельные участки. Въ ряду различныхъ аграрныхъ потребностей, необходимыхъ для населенія Царства Польскаго, въ особенности же для мелкихъ собственниковъ, обмѣнъ и разверстаніе участковъ занимаетъ первое и главное мѣсто. Если состояніе хозяйствъ у крестьянъ значительно ниже, нежели у крупныхъ собственниковъ, ежели ихъ благосостояніе не прогрессируетъ, то главное къ тому препятствіе составляютъ чрезполосныя угодья и мелкія разбросанныя полосы, т.-е. отсутствіе закона о разверстаніи угодій. Несмотря на все бо́льшую приспособленность, на все бо́льшее приложеніе труда, хозяйство не можетъ улучшиться, если одинъ какой-либо отсталый или нерадивый хозяинъ вынуждаетъ все селеніе вести хозяйство по устарѣвшимъ пріемамъ, не дозволяетъ осушить поля, провести канавы, сѣять то, что̀ нужно, такъ какъ землевладѣлецъ, у котораго угодья въ чрезполосномъ владѣніи и раздѣлены на три поля, вполнѣ связанъ хозяйственною системою своихъ сосѣдей, онъ не можетъ сѣять озимые или яровые хлѣба, засадить кормовыя или корнеплодныя растенія въ другомъ полѣ, нежели его сосѣди; въ способахъ обработки поля и уборки онъ также зависитъ отъ нихъ (см. Buchenberger: Agrarwesen und Agrarpolitik. Flurzwang).

Итакъ, отсутствіе хуторнаго и подворнаго владѣнія:

1) принуждаетъ пользоваться устарѣвшимъ сѣвооборотомъ и отсталыми пріемами обработки почвы (напр., исключительно продольною пашнею); 2) значительно увеличиваетъ стоимость обработки вслѣдствіе чрезмѣрной отдаленности полей; такъ, по мнѣнію Pohl'a (см. Landwirtschaftliche Betriebslehre), издержки обработки относятся при обѣихъ системахъ, какъ 1: 2 и даже какъ 1: 3; а Bloch и Thuenen указываютъ, что отдаленіе поля на 5 километровъ поглощаетъ весь чистый доходъ; 3) вызываетъ значительную трату времени и труда, которые можно было бы употребить на производительную работу; 4) дѣлаетъ невозможнымъ введеніе самыхъ элементарныхъ улучшеній, какъ, напр., проведенія канавъ, прогоновъ, не говоря уже объ искусственномъ орошеніи, облѣсеніи; 5) не даетъ возможности получить большій доходъ съ земли; по даннымъ, собраннымъ въ Пруссіи (см. Bericht über Preussens landwirtschaftliche Verwaltung 1884—1887 гг.), послѣ разверстанія полей чистый доходъ повышался на 30%; въ Дюссельдорфскомъ округѣ въ нѣсколькихъ случаяхъ повышеніе дохода достигало 300 и даже 400%; 6) увеличиваетъ количество межъ и неудобныхъ земель; 7) вызываетъ все большее дробленіе участковъ и 8) вызываетъ массу споровъ и судебныхъ дѣлъ.

Въ завѣщаніи Наполеона I сыну сказано, между прочимъ, что для того, чтобы убѣдиться, хорошо ли законодательство страны и ея управленіе, нужно прослѣдить, уменьшается ли количество преступленій и гражданскихъ дѣлъ въ судахъ или увеличивается. Если бы эту мѣрку приложить къ Царству Польскому, то пришлось бы убѣдиться, что законы въ Царствѣ нехороши и примѣненіе ихъ неправильно. Земельныя отношенія въ Царствѣ Польскомъ сложнѣе и тягостнѣе, чѣмъ въ остальной части государства. Въ Царствѣ не

только земельная подать гораздо выше, но и бѣдная по природѣ почва должна пропитать весьма значительное населеніе: на пространствѣ 11 милліоновъ десятинъ проживаетъ почти столько же милліоновъ душъ. Приходится одна десятина на душу, но если отсчитать лѣса, земли подъ водою, городами и неудобныя, то далеко не придется и того количества на душу сельскаго населенія.

Высказываемые иногда въ русской печати взгляды о необходимости какого-либо новаго земельнаго надѣла, который бы обезпечилъ землею все безземельное и малоземельное населеніе, имѣютъ свой источникъ въ отжившихъ свой вѣкъ соціальныхъ теоріяхъ середины прошлаго столѣтія и въ земельныхъ условіяхъ мѣстностей, совершенно различныхъ въ экономическомъ и культурномъ отношеніи,—мѣстностей, гдѣ до сихъ поръ земля является исключительнымъ источникомъ продовольствія для населенія. Если бы утопія, о пріобрѣтеніи земли всякимъ безземельнымъ лицомъ, могла осуществиться, то это повлекло бы за собою всеобщую нужду. Стремленіе дать безземельному населенію возможность пріобрѣтенія земли заслуживаетъ похвалы съ точки зрѣнія аграрной политики, но въ каждой странѣ, въ каждомъ климатѣ и при всякомъ состояніи сельскаго хозяйства существуетъ извѣстный предѣльный минимумъ, ниже коего семья уже не имѣетъ возможности существовать, и сельское хозяйство является нераціональнымъ съ экономической точки зрѣнія. Извѣстны весьма печальныя послѣдствія чрезмѣрнаго раздробленія земельныхъ участковъ на Западѣ, въ Германіи (см. Bauerliche Zustände in Deutschland, т. I—III), въ Италіи и въ Австріи — у насъ это явленіе тоже уже замѣчается. Наша страна не способна къ садовой культурѣ, къ винодѣлію и т. п., этому не соотвѣтствуютъ ни поч-

венныя, ни климатическія условія. Въ Царствѣ Польскомъ большій участокъ земли, при интенсивномъ хозяйствѣ, можетъ на томъ же пространствѣ пропитать большее количество лицъ, нежели мелкія хозяйства безъ инвентаря. Вѣдь и на Западѣ мы видимъ страны (напр., часть Германіи и Бельгіи), которыя, при еще большей густотѣ населенія, могутъ дать ему достаточное пропитаніе; то же мы видимъ и на Востокѣ (плодородныя долины Японіи и часть Китая), гдѣ древняя интенсивная культура земель даетъ возможность прокормить чрезмѣрно размножившееся населеніе. И такъ, хотя чрезвычайно трудно сказать, какой размѣръ сельскохозяйственной единицы самый подходящій, самый удобный, такъ какъ это вещь чрезвычайно относительная, зависящая отъ многочисленныхъ условій, но тѣмъ не менѣе путь для развитія сельскаго хозяйства и прокормленія неимущаго населенія опредѣленъ ясно, это — интенсивная культура земли и улучшеніе сельскохозяйственныхъ пріемовъ. И то, и другое нуждается въ особомъ законодательствѣ и въ правительственной опекѣ, которыхъ не требуетъ сельское хозяйство менѣе населенныхъ странъ. Основаніемъ и первымъ звеномъ раціональнаго аграрнаго законодательства является введеніе хуторнаго и подворнаго владѣнія, дальнѣйшими звеньями являются реформы воднаго законодательства и законы о меліоративномъ кредитѣ.

Естественное убожество почвы мѣшаетъ развитію сельскаго хозяйства и довольствію населенія, но не является непреодолимымъ препятствіемъ для прогресса въ пріемахъ сельскаго хозяйства, и вполнѣ правъ былъ В. Рошеръ (Volkswirtschaftslehre), говоря, что процвѣтаніе сельскаго хозяйства зависитъ не столько отъ богатства природы, сколько отъ развитія культуры въ странѣ.

ВРАЧЕБНАЯ ПОМОЩЬ.

Вопросъ о доступности врачебной помощи широкимъ слоямъ населенія является несомнѣнно однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, такъ какъ отъ успѣшнаго его разрѣшенія зависятъ крѣпость и благосостояніе народа не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Издавна поэтому правители народовъ заботились о распространеніи въ подвластныхъ имъ странахъ врачебнаго искусства, а церковь и частная благотворительность создали безчисленный рядъ лѣчебныхъ учрежденій, вызывающихъ справедливое удивленіе и благодарность многихъ поколѣній. Въ наше время, благодаря растущей изъ года въ годъ многочисленности врачебнаго персонала, помощь въ случаѣ болѣзни стала естественно доступнѣе и дешевле. Однако, даже въ странахъ, гдѣ одинъ врачъ приходится на нѣсколько сотенъ жителей, многіе изъ нихъ остаются необезпеченными врачебной помощью, такъ какъ имъ приходится жить скуднымъ заработкомъ изо дня въ день и, болѣзнь главы семьи оставляетъ ее часто безъ всякихъ средствъ существованія.

Частная благотворительность, какъ бы широка она ни была, не въ состояніи бороться со зломъ, и сознаніе

ея безпомощности вызвало въ новѣйшее время организацію врачебной помощи общественными самоуправляющимися союзами и наконецъ государствомъ.

Самой грандіозной въ этомъ отношеніи попыткой явился германскій законъ 15 Іюня 1883 года о страхованіи рабочихъ на случай болѣзни и потери трудоспособности, дополненный законами 10 Апрѣля 1892 г. и 30 Іюня 1900 года. Хотя германское законодательство не представляется еще законченнымъ, однако достигнутые имъ результаты весьма существенны. Не останавливаясь подробно надъ этими результатами, замѣтимъ лишь, для ихъ иллюстраціи, что издержки по страхованію на случай болѣзни съ 1885 года по 1899 годъ достигли почтенной суммы 1494 милліоновъ марокъ, по страхованію отъ несчастныхъ случаевъ—517 1/2 милл. марокъ и по страхованію на случай инвалидности и старости — 402 1/2 милл. марокъ. Въ настоящее время, благодаря этимъ тремъ видамъ страхованія, германскій рабочій классъ получаетъ ежедневно милліонъ марокъ. На 7289 тысячъ рабочихъ расходуется ежегодно лишь на уплату за врачебные совѣты—23 милл. марокъ, на лѣкарства 18 милл. марокъ и столько же на лѣчебныя заведенія. Несмотря на громадность приведенныхъ цифръ, нормы вспомоществованій въ случаяхъ болѣзни рабочихъ едва достаточны, а пенсіи лицамъ, потерявшимъ трудоспособность, далеко не удовлетворяютъ ихъ скромныхъ потребностей, что̀ признается самимъ правительствомъ.

Другой замѣчательной попыткой организаціи врачебной помощи недостаточнымъ классамъ населенія представляется дѣятельность земскихъ учрежденій во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Результаты этой дѣятельности, безспорно блестящіе, можно прослѣдить по изданному въ 1899 году по случаю XII съѣзда врачей

сборнику подъ заглавіемъ «Русская Земская Медицина». Не подлежитъ сомнѣнію, что успѣшность дѣятельности земствъ на почвѣ работъ о народномъ здравіи слѣдуетъ приписать нестѣсняемой излишней регламентаціей общественной иниціативѣ съ одной стороны, а съ другой— энергіи врачебнаго персонала, естественно развивающейся при живомъ взаимодѣйствіи всѣхъ общественныхъ элементовъ. Сознаніе необходимости такого взаимодѣйствія ярко сказалось и въ губерніяхъ неземскихъ, когда тамъ возникъ вопросъ объ организаціи врачебной помощи населенію на широкихъ началахъ по примѣру организаціи земской. Созванный въ октябрѣ 1900 года по иниціативѣ Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго ген.-губернатора съѣздъ по врачебно-санитарнымъ дѣламъ края пришелъ единогласно къ заключенію. что «участіе однихъ административныхъ мѣстъ въ разрѣшеніи столь животрепещущаго вопроса, какъ организація врачебной помощи населенію, представляется недостаточнымъ—и можно ожидать успѣшнаго разрѣшенія сего вопроса единственно при условіи, если будутъ призваны къ участію въ этомъ дѣлѣ мѣстные общественные элементы, способные надлежаще выяснить основанія будущей организаціи и указать раціональные способы практическаго достиженія поставленныхъ цѣлей. Выработанныя многолѣтнимъ опытомъ земствъ основанія медицинской помощи населенію должны служить несомнѣнно примѣромъ для прочихъ губерній. Основанія эти состоятъ въ томъ, что 1) врачебная помощь должна быть дѣйствительной, отвѣчающей современному состоянію науки и общедоступной, и 2) на врачебный персоналъ можно налагать лишь такія обязанности, которыя онъ можетъ выполнить. Для возможности лучшаго осуществленія этихъ началъ необходимо одновременное участіе въ дѣлѣ какъ самихъ вра-

чей, такъ и представителей мѣстнаго общества. Поэтому слѣдуетъ создать особые общественные органы, способные содѣйствовать администраціи въ завѣдываніи врачебнымъ дѣломъ; такими органами могли бы быть съѣзды врачей и представителей мѣстнаго общества».

Дѣятельность земствъ вызвала къ жизни цѣлый рядъ учрежденій, оказавшихъ громадную пользу дѣлу охраненія народнаго здравія. Въ большинствѣ земскихъ губерній существуютъ троякаго рода больницы, сельскія, уѣздныя и губернскія. Въ сельскихъ больницахъ имѣется обыкновенно 10—15 кроватей. Ими завѣдуетъ врачъ, подъ руководствомъ котораго работаютъ фельдшера и фельдшерицы-акушерки. Такая больница обслуживаетъ мѣстность въ районѣ 10—15 верстъ и черезъ нее проходитъ ежегодно отъ 200 до 300 больныхъ. Къ другому типу относятся уѣздныя больницы въ 20—40 кроватей. Тутъ обыкновенно работаютъ старшій врачъ и его ассистентъ, не считая болѣе многочисленнаго низшаго врачебнаго персонала. Тутъ лѣчатся больные, для которыхъ нѣтъ мѣстъ въ сельскихъ больницахъ, но главнымъ образомъ такіе, состояніе которыхъ требуетъ бо̀льшаго врачебнаго ухода и болѣе сложнаго лѣченія. Наконецъ, къ третьему типу относятся губернскія больницы въ 100 и болѣе кроватей съ многочисленнымъ врачебнымъ персоналомъ. Кромѣ городскихъ больныхъ, тутъ лѣчатся больные, отправляемые земскими врачами изъ уѣздовъ. Главный контингентъ больныхъ представляютъ лица, положеніе которыхъ требуетъ особаго лѣченія подъ руководствомъ опытныхъ спеціалистовъ. Есть впрочемъ земства, напримѣръ, московское, которыя съумѣли, благодаря громаднымъ денежнымъ средствамъ, устроить и сельскія больницы такъ, что въ нихъ представляется возможность лѣчить и сложныя болѣзни.

На ряду съ больницами въ земскихъ губерніяхъ существуютъ врачебные пункты для амбулаторнаго лѣченія. Опытъ показываетъ, что такое лѣченіе во многихъ случаяхъ оказываетъ существенную пользу, тѣмъ болѣе что нѣкоторое число больныхъ, даже при общедоступности больницъ, не можетъ, по разнымъ причинамъ, пользоваться больничнымъ лѣченіемъ. Потребность въ больницахъ чувствуется однако весьма сильно и часто волостные сходы, сознавая эту потребность, принимаютъ на себя издержки по устройству сельскихъ больницъ при земскихъ амбулаторныхъ пунктахъ. Съ своей стороны земства не щадятъ издержекъ на врачебную помощь и ассигнуютъ на нее 25% и болѣе общей суммы своего бюджета, несмотря на то, что по закону расходы на охрану народнаго здравія относятся къ такъ называемымъ необязательнымъ расходамъ. Несмотря на такую щедрость и на дружныя усилія общественныхъ элементовъ въ дѣлѣ врачебной помощи населенію въ земскихъ губерніяхъ, дѣло это далеко нельзя считать завершеннымъ даже при такой совершенной его организаціи, какой представляется организація земской медицины въ московскомъ земствѣ.

Если, несмотря на расходы въ сотни милліоновъ на врачебную помощь рабочему населенію, германскій рабочій классъ не можетъ считать себя вполнѣ защищеннымъ отъ нищеты и застрахованнымъ отъ безпомощности въ борьбѣ съ болѣзнями; если, несмотря на многолѣтнія усилія общества въ земскихъ губерніяхъ и на самоотверженный трудъ земскихъ врачей, населеніе земскихъ губерній все же донынѣ не вполнѣ обезпечено врачебной помощью, то чтó же должно происходить въ такомъ краѣ, гдѣ помощь на случай болѣзни и потери трудоспособности не организована вовсе или гдѣ ея организація находится въ самомъ зачаточномъ періодѣ.

Такимъ краемъ представляется Царство Польское. Врачебная часть находится тутъ въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. Въ нѣкоторыхъ лишь городахъ существуютъ постоянныя лѣчебныя учрежденія въ видѣ больницъ, содержимыхъ на средства Совѣтовъ Общественнаго Призрѣнія. Одна больничная кровать приходится на 3 тысячи душъ населенія и болѣе. За лѣченіе въ больницахъ взимается плата въ размѣрѣ 35 коп. въ сутки, затрудняя доступъ въ нихъ бѣднѣйшимъ классамъ населенія. Въ уѣздныхъ городахъ живутъ уѣздные врачи, въ прочихъ же городскихъ поселеніяхъ проживаютъ врачи вольнопрактикующіе, благодаря чему городскіе жители средняго достатка имѣютъ возможность пользоваться, въ случаѣ болѣзни, врачебной помощью. Что касается сельскаго населенія, то для него помощь врачей, поскольку оно въ состояніи оплачивать ее, доступна лишь въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ городскими поселеніями, причемъ дороговизна лѣчебныхъ средствъ, которыя покупать могутъ лишь сравнительно зажиточные сельчане, сводитъ весьма часто сказанную помощь къ нулю.

Въ Царствѣ Польскомъ дѣйствуютъ законы 3 (15) іюня 1885 года и 8 (20) іюня 1893 года, обезпечивающіе врачебную помощь рабочимъ промышленныхъ заведеній, и законъ 27 января 1895 года о страхованіи рабочихъ на случай болѣзни, но эти разнообразные акты касаются лишь части незажиточныхъ классовъ населенія и не относятся вовсе къ безземельному сельскому люду, котораго въ краѣ считается болѣе милліона душъ.

Эта общая картина безпомощности народной массы губерній Царства Польскаго въ борьбѣ съ болѣзнями становится еще безотраднѣе въ отдѣльныхъ областяхъ края и въ особенности въ Плоцкой губерніи, гдѣ число

безземельнаго населенія весьма значительно (20% общаго числа населенія), и гдѣ фабричной и заводской промышленности почти нѣтъ вовсе. Такое плачевное положеніе сказанной губерніи обратило на себя вниманіе мѣстнаго начальства, которое рѣшилось принять нѣкоторыя мѣры, направленныя къ охранѣ народнаго здравія. По инициативѣ б. Плоцкаго губернатора, т. сов. Яновича возникъ проектъ устройства врачебной помощи въ губерніи, получившій 2 іюля 1897 года законодательную санкцію и введенный въ видѣ опыта въ дѣйствіе въ 1899 году.

Проектомъ приняты въ основаніе слѣдующія начала:

1) Врачебной помощью должны пользоваться больные, требующіе постояннаго заботливаго ухода, и этой потребности должны удовлетворять лѣчебницы съ 10 кроватями въ каждой; помощь должна быть безплатной.

2) Пользоваться врачебной помощью должны также и тѣ лица, болѣзнь коихъ не требуетъ постояннаго ухода врача, и которыя могутъ лѣчиться амбулаторно, причемъ по проекту пріемъ такихъ больныхъ долженъ происходить дважды въ недѣлю въ опредѣленные дни съ утра до вечера, въ мѣстѣ постояннаго жительства врача, и по одному разу въ недѣлю въ 2 другихъ пунктахъ его участка; больные должны получать лѣкарства и перевязку за плату въ размѣрѣ 10 коп., кромѣ бѣднѣйшихъ, число которыхъ не должно превышать 10% общаго числа больныхъ.

3) Пользоваться врачебной помощью должны и такіе больные, которые, по какой-либо причинѣ, не могутъ быть помѣщены въ лѣчебницахъ, но не имѣютъ возможности безъ вреда для своего здоровья посѣщать амбулаторныхъ пунктовъ. Для оказанія помощи такимъ больнымъ врачъ въ свободные отъ пріемовъ дни (3 дня въ недѣлю) долженъ посѣщать ихъ на дому.

Въ помощь народному врачу назначается фельдшеръ и фельдшерица-акушерка, причемъ послѣдняя должна заниматься приготовленіемъ лѣкарствъ подъ надзоромъ и отвѣтственностью врача. Проектъ устанавливаетъ содержаніе участковаго врача въ 900 руб. въ годъ и 200 руб. на разъѣзды, содержаніе фельдшерицы-акушерки въ 360 руб., фельдшера въ 240 руб., при готовыхъ квартирахъ. Всего ежегоднаго расхода на губернію исчислено 26.640 рублей.

Идея проекта не вызываетъ въ принципѣ серьезныхъ возраженій и возбуждаетъ сочувствіе всякаго, кто правильно думаетъ, что обезпеченіе населенія врачебной помощью является одной изъ насущнѣйшихъ задачъ общества. При ближайшемъ, однако, разсмотрѣніи предположенной организаціи явственно выступаютъ ея недостатки, которые обратили въ ничто слишкомъ поспѣшно задуманныя и не считавшіяся ни съ мѣстными условіями, ни съ возможностью осуществленія при скудныхъ матеріальныхъ средствахъ предположенія.

На 600 слишкомъ тысячъ жителей Плоцкой губ. было назначено лишь 8 врачей, а если къ этому числу добавить временно привлеченныхъ къ дѣлу четырехъ больничныхъ врачей (съ ущербомъ для ихъ прямыхъ обязанностей), то все-таки одинъ врачъ придется на 50 тысячъ жителей. Въ странахъ, гдѣ нѣтъ общей безплатной врачебной помощи, одинъ врачъ приходится въ Германіи на 2100 чел., въ Австріи—на 3 тыс. душъ, во Франціи—на 2500 чел., во всемъ Царствѣ Польскомъ—на 6000 душъ.

Каковы же по проекту обязанности участковаго врача, и могъ ли онъ ихъ фактически исполнять?

Расчетъ заболѣваемости населенія, т.-е. годичнаго числа больныхъ въ извѣстномъ округѣ, весьма труденъ. По Петенкофферу, это число можно опредѣлить, помно-

жая цифру смертности на 30. Такъ какъ, по оффиціальнымъ даннымъ, въ Плоцкой губерніи въ 1899 г. было около 16 тыс. смертныхъ случаевъ, то, считая 12 участковыхъ врачей, на каждаго изъ нихъ приходилось около 1300 случаевъ смерти, или около 40 тысячъ (1300×30) случаевъ заболѣванія. Всего въ губерніи заболѣваемость выразится цифрой 480 тыс. случаевъ, что̀ при 600 тыс. населенія можно считать близкимъ къ дѣйствительности, такъ какъ по статистикѣ Московской губ. съ 1300 тыс. населенія число врачебныхъ совѣтовъ выразилось цифрой около милліона, и даже болѣе, если принять во вниманіе, что въ нее не были включены совѣты, данные 36 тысячамъ больничныхъ больныхъ и 11.578 больнымъ заразными болѣзнями.

Принявъ во вниманіе приведенныя цифры и вспомнивъ, что амбулаторныхъ дней въ недѣлю считалось четыре, а въ годъ, слѣдовательно, 208 — нельзя не прійти къ выводу, что врачъ долженъ въ каждый амбулаторный день принять около 200 больныхъ, если каждый изъ нихъ будетъ обращаться къ нему одинъ только разъ.

Далѣе, врачъ долженъ навѣщать больныхъ на дому, въ особенности больныхъ инфекціонными болѣзнями, которыхъ не слѣдуетъ допускать въ амбулаторіи и которые обыкновенно не лѣчатся въ больницахъ (кромѣ спеціальныхъ). Число такихъ больныхъ, не считая туберкулезныхъ, равнялось въ 1899 году въ губерніи 7 тысячамъ, изъ коихъ умерло 1260. На одинъ врачебный участокъ пришлось такимъ образомъ 583 случая инфекціоннаго заболѣванія и 105 случаевъ смерти. Если бы врачъ навѣстилъ каждаго изъ такихъ больныхъ хоть одинъ разъ, то это вызвало бы 583 разъѣзда въ годъ, а къ этой цифрѣ необходимо прибавить

посѣщенія больныхъ незаразными болѣзнями. Если бы участковый врачъ навѣстилъ лишь одинъ разъ только каждаго больного со смертельнымъ исходомъ (число смертей въ участкѣ 1300), то въ каждый разъѣздный день (по три въ недѣлю) пришлось бы выѣхать въ разныя мѣстности участка 8 разъ.

Въ дѣйствительности, судя по журналамъ Плоцкаго губернскаго совѣта общественнаго призрѣнія, число амбулаторныхъ больныхъ въ 1899 году равнялось во всѣхъ участкахъ лишь 66.553, а въ 1900 году дошло до 72.650; число же разъѣздовъ врачей выразилось лишь цифрой 1436, и эти цифры указываютъ, что помощью участковыхъ врачей, назначенныхъ согласно проекту устройства врачебной помощи въ губерніи, пользовался лишь незначительный процентъ страдающихъ отъ болѣзней лицъ.

Остается еще акушерская помощь. Ежегодно въ Плоцкой губерніи рождается около 24 тысячъ душъ, т.-е. на одинъ врачебный участокъ приходится около 2 тысячъ рожденій. Одной фельдшерицѣ-акушеркѣ пришлось бы оказывать помощь ежедневно при шести родахъ, врачу же, при 3%, приходящихся на сложные случаи, около 60 разъ ежегодно. Очевидно, это невозможно, и вышеупомянутые журналы свидѣтельствуютъ, что въ дѣйствительности акушерская помощь во всей губерніи оказана была акушерками въ 1899 г. лишь въ 416 случаяхъ, а врачами—въ самомъ незначительномъ числѣ случаевъ.

Все вышесказанное приводитъ къ заключенію, что введенное въ видѣ опыта въ Плоцкой губерніи устройство врачебной помощи не могло, даже въ незначительной степени, удовлетворить дѣйствительнымъ потребностямъ населенія, и что указанная въ объяснительной къ проекту сего устройства запискѣ цѣль его, состояв-

шая въ томъ, «чтобы врачебная помощь была доступна «всякому нуждающемуся въ ней, какъ состоятельному, «такъ и бѣдному, во всякое время»,—не могла быть достигнута. На участковыхъ врачей сразу же были возложены непосильныя обязанности, не только не могущія быть надлежаще исполненными, но и не оставляющія, при самомъ неудовлетворительномъ ихъ исполненіи, врачу никакой возможности самоусовершенствоваться и слѣдовать за прогрессомъ врачебной науки.

Вскорѣ по введеніи въ дѣйствіе сказаннаго устройства было замѣчено, что проектированная сумма расходовъ на врачебную помощь является безусловно недостаточной. Въ первомъ же 1899 г. расходы вмѣсто 26.640 р. достигли 31.229 р., а въ 1900 г. они возрасли до 37.943 р., несмотря на то, что 3 лѣчебницы и одна амбулаторія получали даровое помѣщеніе. Число амбулаторныхъ пунктовъ было, правда, увеличено съ 24 до 34, но это обстоятельство не повлекло за собой новыхъ расходовъ, такъ какъ въ этихъ пунктахъ работали врачи безъ особаго вознагражденія (кромѣ издержекъ на выѣзды), а въ четырехъ новыхъ пунктахъ, устроенныхъ при существующихъ больницахъ, доходъ отъ платы за лѣкарства увеличилъ общую доходность врачебнаго устройства въ губерніи на 700 р. Послѣдняя записка Плоцкаго губернатора заявляла прямо, что всѣ средства оказанія содѣйствія дѣлу врачебной помощи въ губерніи исчерпаны, и что если это дѣло останется въ томъ же положеніи, въ какомъ оно было осуществлено, то придется закрыть все учрежденіе за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ. Упомянутая записка проектировала увеличеніе бюджета врачебной помощи до 70.230 р., распредѣляя эту сумму на слѣдующія статьи: 10.800 р. жалованья врачамъ, 7.200 р. содержаніе фельдшеровъ и фельдшерицъ, 22.884 р. на

лѣчебницы, 6.578 р. на разъѣзды врачей, 1.200 р. для запаснаго врача и 3.300 р. на наемъ помѣщеній для амбулаторныхъ пунктовъ и на мелкія издержки.

Нельзя не признать, что первоначальный бюджетъ въ 26.640 р., т.-е. 3,38 к. на душу населенія, былъ расчитанъ весьма скупо. Въ 34 земскихъ губерніяхъ издержки на врачебную помощь составляютъ почтенную сумму въ 18.000.000 р., что́, при 66½ милл. населенія, ложится на каждую душу тяжестью 27 к., имѣя притомъ явственную тенденцію къ дальнѣйшему росту. Такъ въ Московской губ. при населеніи въ 1.333.000 душъ (не считая г. Москвы) расходъ на врачебную помощь достигъ 926.620 р., изъ коихъ ²/₅ (400 тыс.) приходится на содержаніе больницъ и лѣчебницъ, ¼ (220 тыс.) на врачебный персоналъ, столько же на новыя лѣчебныя заведенія и на ремонтъ существующихъ и 50 тысячъ на санитарный надзоръ. Въ Германіи расходъ на одни только врачебные совѣты представляетъ ежегодно на каждаго застрахованнаго сумму 3,3 марокъ, т.-е. около 1½ р., а общій расходъ на врачебную помощь застрахованнымъ рабочимъ составляетъ 7,84 м. на каждаго изъ нихъ, т.-е. болѣе 3 р.

Не задаваясь ни цѣлями германскаго законодательства, ни несбыточной въ настоящее время мечтой оказать даровую врачебную помощь всему населенію безъ различія зажиточности и состояній, а оставаясь на единственно практической почвѣ организаціи врачебной помощи, доступной недостаточнымъ классамъ населенія, и руководствуясь примѣромъ дѣятельности земскихъ учрежденій, можно высказать по интересующему насъ дѣлу нижеслѣдующія соображенія.

Прежде всего возникаетъ вопросъ, кого считать недостаточнымъ, кто имѣетъ право пользоваться безплат-

ной врачебной помощью? Рѣшеніе этого вопроса при посредствѣ какихъ бы-то ни было цифръ частныхъ бюджетовъ, положительно невозможно, и потому приходится признать, что безплатной общественной врачебной помощью можетъ пользоваться всякій, кто по своему мнѣнію поставленъ въ невозможность нести для этого издержки изъ своихъ личныхъ средствъ.

Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на настоятельнѣйшія мѣры борьбы съ болѣзнями. Кому извѣстенъ домашній бытъ нашего бѣднаго класса въ городахъ и селахъ, тотъ легко пойметъ всю безцѣльность пользованія больныхъ на дому среди окружающаго невѣдѣнія и грязи. Только извлеченіе больного изъ его домашней обстановки можетъ дать гарантію правильнаго лѣченія. Тутъ за нимъ не только нѣтъ правильнаго ухода, но нѣтъ и соотвѣтствующаго питанія, а потому микстуры и порошки въ большинствѣ случаевъ окажутся недѣйствительными. Поэтому первымъ дѣломъ организаціи врачебной помощи должно явиться увеличеніе числа больницъ и лѣчебницъ и улучшеніе нынѣ существующихъ. Въ Плоцкой губерніи въ 6 больницахъ имѣется 189 кроватей, что составляетъ 1 кровать на 3174 жителей, или 2,7 кроватей на 10 тыс. жителей. Прибавляя къ этому 80 кроватей въ участковыхъ лѣчебницахъ, получимъ на 10 тысячъ жителей—3,8 кровати.

Въ Германіи на то же число жителей приходится 27 кроватей, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ—14,6 кроватей, въ 34 земскихъ губерніяхъ—8,02 кровати, въ области Войска Донского—9,04, въ неземскихъ губерніяхъ Имперіи—4,23. Въ Царствѣ Польскомъ, не считая г. Варшавы, приходится на 10 тыс. жителей всего 2,6 кровати (считая Варшаву—5,34).

Пользовалось больницами въ Плоцкой губерніи, въ 1900 году 1773 лица, т.-е. 29,5 изъ 10 тысячъ жителей

(а считая и новыя лѣчебницы—46). Между тѣмъ на то же число жителей пользуются ежегодно лѣченіемъ въ больницахъ въ г. Варшавѣ 450 человѣкъ, въ Петербургѣ 1772 чел., въ земскихъ губерніяхъ—148 чел., въ Прибалтійскихъ—115, въ Сибири—143, а во всемъ Царствѣ Польскомъ лишь 69 человѣкъ.

Это сопоставленіе цифръ говоритъ само за себя, а фактъ, что въ больницахъ Царства Польскаго нѣкоторое число кроватей остается незанятымъ, свидѣтельствуетъ не о томъ, что ихъ слишкомъ много, а единственно о томъ, что населеніе относится къ лѣченію въ больницахъ скептически, что онѣ недоступны и не играютъ подобающей имъ роли въ дѣлѣ борьбы съ болѣзнями. Посему слѣдуетъ прежде всего сдѣлать больницы учрежденіями общественными, уничтожить плату за лѣченіе, улучшить состояніе лѣчебницъ и поставить ихъ въ уровень съ современными требованіями медицинскихъ знаній. Если это будетъ достигнуто, то больницы пустовать не будутъ, такъ какъ больничное лѣченіе является самымъ совершеннымъ. Систематическій и непрерывный больничный уходъ за больными ускоряетъ возстановленіе здоровья, помѣщеніе заразныхъ больныхъ въ особыя лѣчебницы изолируетъ ихъ отъ общества, а при нѣкоторыхъ болѣзняхъ, хирургическихъ, внутреннихъ и нервныхъ, требующихъ сложнаго лѣченія, больные могутъ быть правильно пользуемы единственно въ больницахъ.

Практика земской медицины подтверждаетъ, что если въ началѣ крестьянское населеніе относилось недружелюбно къ больницамъ и не сдавалось на убѣжденія врачей, то послѣ нѣсколькихъ лѣтъ существованія лѣчебницъ пришлось, наоборотъ, убѣждать нѣкоторыхъ больныхъ, что ихъ болѣзнь не требуетъ больничнаго лѣченія и что имъ слѣдуетъ предоставить мѣсто болѣе

тяжелымъ больнымъ. Нынѣ страдающіе крестьяне просятъ часто принять ихъ въ больницу, соглашаясь помѣщаться на полу и кормиться собственными средствами.

Всѣ вышеприведенныя указанія приводятъ къ выводу, что при устройствѣ врачебной помощи недостаточнымъ классамъ населенія. слѣдуетъ начать дѣло съ основанія новыхъ больницъ съ тѣмъ, чтобы районъ каждой изъ нихъ не превосходилъ 15—18 верстъ.

Если принять цифру заболѣваемости въ Плоцкой губерніи, какъ выше указано, въ 480 тысячъ случаевъ, и если съ этой цифры отдѣлить 30% на дѣтскія болѣзни, обыкновенно пользуемыя на дому, 30% на легкія болѣзненныя формы и 30% на больныхъ достаточныхъ, могущихъ лѣчиться на дому, то останется все-таки 10%, а беря лишь половину этой цифры, 5%, т.-е. 24 тысячи больныхъ, требующихъ помѣщенія въ общественныхъ больницахъ. Считая на каждаго 30 дней болѣзни, придется содержать въ губерніи около 2 тысячъ больничныхъ кроватей, т.-е. одна кровать придется на 318 душъ населенія. Цифра эта вовсе не преувеличена: въ Варшавѣ 1 кровать приходится на 319 душъ, въ Берлинѣ—на 186, въ Москвѣ—на 141, въ Московской губерніи (не считая г. Москвы)—на 600 душъ, причемъ усилія земства направлены къ увеличенію числа больницъ. Само собою разумѣется, что принятая нами цифра 2 тыс. больничныхъ кроватей для Плоцкой губерніи является лишь указаніемъ, что слѣдуетъ стремиться къ ея достиженію. Она же, въ сравненіи съ положеніемъ настоящаго времени, ясно указываетъ на настоятельную потребность увеличенія числа больницъ.

Независимо отъ больничнаго лѣченія, должно предоставить населенію, при болѣе легкихъ формахъ заболѣванія, возможность пользоваться амбулаторнымъ лѣченіемъ въ пріемныхъ врачебныхъ пунктахъ. Кромѣ

того, лѣченіе нѣкоторыхъ тяжелыхъ болѣзненныхъ формъ, какъ остановка кровотеченія, акушерскія операціи, случаи увѣчій и пораненій, должно производиться въ мѣстѣ нахожденія больныхъ, такъ какъ перевезеніе ихъ въ больницы является въ этихъ случаяхъ опаснымъ.

Раціональное въ медицинскомъ смыслѣ устройство врачебной помощи должно начаться съ раздѣленія территоріи на больничные участки. Каждой участковой больницей въ 15—20 кроватей долженъ завѣдывать участковый врачъ, имѣя при себѣ фельдшера или, лучше, обученнаго санитарнаго служителя. При больницѣ должны быть пріемы амбулаторныхъ больныхъ. Выѣздные амбулаторные пункты должно упразднить, такъ какъ они отнимаютъ время у участковаго врача, необходимое для правильнаго ухода за больными въ лѣчебницѣ. На участковаго врача можно возложить обязанность подавать помощь больнымъ и внѣ больницы, но лишь въ случаяхъ тяжелыхъ болѣзней. Кромѣ того, въ случаѣ появленія эпидемическихъ заболѣваній, участковый врачъ долженъ принимать мѣры къ изоляціи больныхъ, къ дезинфецированію зараженныхъ помѣщеній и вещей и дѣлать представленія губернской власти о необходимости принятія болѣе общихъ мѣръ борьбы съ эпидеміей. Полагая, что одинъ врачъ будетъ въ состояніи оказать въ теченіе года помощь отъ 8 до 10 тысячамъ больныхъ, пришлось бы раздѣлить Плоцкую губернію на 40 участковъ съ населеніемъ 15 тыс. душъ въ каждомъ.

Далѣе представляется необходимымъ устроить уѣздныя больницы на 30 кроватей каждую, съ двумя врачами, изъ которыхъ одинъ долженъ быть хирургомъ. Ихъ обязанности будутъ тѣ же, что и участковыхъ врачей, т.-е. будутъ состоять въ лѣченіи больничномъ и амбулаторномъ, въ навѣщаніи тяжелыхъ больныхъ и въ выѣздахъ въ участки для консультацій.

Наконецъ, въ каждой губерніи должна существовать центральная губернская больница въ 80 приблизительно кроватей съ врачами спеціалистами по внутреннимъ болѣзнямъ, хирургіи, гинекологіи и акушерству и окулистикѣ. Занятіе должностей при губернской больницѣ должно происходить путемъ конкурснаго ихъ соисканія. При губернской больницѣ должно быть также отдѣленіе для душевно-больныхъ.

Вопросъ о помощи роженицамъ является однимъ изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ въ дѣлѣ оказанія врачебной помощи населенію, въ особенности сельскому. Настоятельно необходимо имѣть въ каждой гминѣ достаточно обученную повивальную бабку, акушерку при каждой участковой лѣчебницѣ и родовспомогательное отдѣленіе при больницахъ уѣздныхъ и губернской.

Съ цѣлью предупрежденія развитія эпидемическихъ болѣзней въ каждой губерніи слѣдуетъ, по примѣру земскихъ губерній, учредить особое санитарное отдѣленіе, состоящее изъ нѣсколькихъ врачей и достаточнаго числа санитаровъ, могущихъ во всякое время отправиться на мѣсто появленія эпидеміи и принять необходимыя мѣры къ успѣшной борьбѣ съ ними. Въ обыкновенное время санитарные врачи могли бы замѣнять участковыхъ на случай болѣзни и отлучки послѣднихъ, а также заниматься изученіемъ губерніи во врачебно-санитарномъ отношеніи и вести статистику заболѣваемости.

Что касается лѣкарствъ, то въ виду дороговизны приготовленія ихъ въ аптекахъ съ одной стороны, а съ другой—въ виду опыта земской медицины, установившаго среднюю цѣну лѣкарства въ 5—10 коп.—приготовленіе лѣкарствъ должно происходить при больницахъ и лѣчебницахъ. При больницахъ этимъ дѣломъ должны заниматься провизоры, при участковыхъ же лѣчебницахъ придется изъ экономіи ограничиться по-

мощью низшаго медицинскаго персонала, что̀ не представляетъ, впрочемъ, особыхъ неудобствъ какъ вслѣдствіе того, что многія лѣкарственныя средства можно получать готовыми отъ дрогистовъ, такъ и потому, что современное врачебное искусство стремится къ прописыванію средствъ простыхъ, приготовляемыхъ безъ особыхъ затрудненій.

Бюджетъ очерченнаго нами устройства врачебной помощи въ Плоцкой, напримѣръ, губерніи представится нижеслѣдующимъ образомъ.

Принимая стоимость содержанія одной больничной кровати въ 300 р., каждая лѣчебница въ 15 кроватей обойдется въ 4.500 р. На каждую уѣздную больницу въ 30 кроватей придется 9.000 р., на всѣ же шесть—54.000 р., а содержаніе губернской больницы въ 80 кроватей обойдется въ 24.000 р. (собственно въ Плоцкѣ лишь 17.000 р., такъ какъ больница имѣетъ собственнаго дохода 7.000 р.). Если бы въ началѣ дѣла раздѣлить губернію лишь на 12 участковъ, что̀ вмѣстѣ съ 6 уѣздными и одной губернской больницей образовало бы 19 лѣчебныхъ пунктовъ, и временно установить 10 общественныхъ врачей безъ лѣчебницъ, то на содержаніе 12 лѣчебницъ пришлось бы заплатить 54.000 р. Содержаніе 10 врачей обойдется въ 10.000 р., 10 фельдшеровъ въ 2.400 р. Трехъ санитарныхъ и запасныхъ врачей въ 4.500 р., шести санитаровъ въ 1.440 р. Такимъ образомъ начальная организація врачебной помощи въ губерніи потребовала бы расхода въ суммѣ 143.340 р. Прибавляя къ этой цифрѣ стоимость содержанія 95 повивальныхъ бабокъ (по числу гминъ въ губерніи), считая 200 р. на каждую, въ 18.700 р., получимъ всего ежегоднаго расхода около 162.000 р.

Врачебный персоналъ долженъ избираться изъ среды мѣстнаго населенія, такъ какъ, очевидно, ему для успѣш-

наго веденія дѣла необходимо знать бытъ и обычаи населенія и мѣстные языки. Это замѣчаніе въ одинаковой мѣрѣ касается какъ врачей, такъ и акушерокъ, фельдшеровъ и повивальныхъ бабокъ. Тутъ умѣстно замѣтить, что послѣднія являются болѣе близкими къ народной жизни и ея требованіямъ, чѣмъ акушерки-фельдшерицы. Притомъ, подготовленіе бабокъ возможно при мѣстныхъ больницахъ, а въ случаѣ, если бы это оказалось затруднительнымъ, можно пригласить ихъ изъ Варшавскаго повивальнаго института.

Что касается фельдшеровъ, то, по мнѣнію многихъ компетентныхъ лицъ, при раціональной постановкѣ врачебнаго дѣла ихъ не должно быть вовсе, какъ нѣтъ ихъ нынѣ на Западѣ. Отъ фельдшера требуется не лѣченіе больныхъ, а лишь уходъ за ними и исполненіе распоряженій врача. Эти обязанности могутъ исполнять вполнѣ удовлетворительно медицинскіе служители и санитары, которыхъ подготовить въ помощь себѣ можетъ каждый врачъ.

Вознагражденіе врача должно удовлетворять возможности скромнаго содержанія себя и семьи, и въ виду доступнаго лишь для немногихъ врачей повышенія по службѣ, жалованье слѣдуетъ увеличивать въ нѣкоторой степени по мѣрѣ прослуженія опредѣленнаго числа лѣтъ. Вознагражденіе завѣдующихъ уѣздными больницами, а также ординаторовъ и старшихъ врачей при губернскихъ больницахъ должно быть соотвѣтственно повышено.

Производя расчетъ содержанія больницъ и лѣчебницъ, мы включили въ общія цифры и стоимость лѣкарствъ, прописываемыхъ при больничномъ лѣченіи. Для остальныхъ больныхъ, принимая среднюю цѣну рецепта въ 8 к., стоимость лѣкарствъ въ Плоцкой, напримѣръ, губерніи выразилась бы цифрою около

24.000 р. Прибавляя эту цифру къ исчисленнымъ выше расходамъ на содержаніе лѣчебныхъ заведеній и врачебнаго персонала, получимъ общую для Плоцкой губерніи, при раціональномъ устройствѣ въ ней доступной недостаточному населенію врачебной помощи, цифру около 200.000 р., что составитъ 33 к. на душу населенія. Этотъ расчетъ не представляется вовсе чрезмѣрнымъ. Въ 34 земскихъ губерніяхъ средній расходъ на врачебную помощь выражается цифрой 27 к. на душу, а на 1.330.000 населенія Московской губерніи (безъ г. Москвы) земство издерживаетъ 926.000 р. то-есть свыше 69 копѣекъ на душу. Извѣстно, наконецъ, что при настоящемъ положеніи дѣла даже весьма недостаточныя семьи расходуютъ десятки рублей на врачебную помощь, а потому ежегодная затрата $1^1/_2$—2 р. на семью, обезпечивающая такую помощь, не можетъ казаться обременительной даже для семействъ бѣдныхъ.

На ряду съ изложенными мѣропріятіями по устройству врачебной помощи слѣдовало бы учредить особые пріюты-лѣчебницы для неизлѣчимыхъ и хроническихъ больныхъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ, при обязательномъ пріемѣ въ общественныя больницы, такіе больные заполнятъ лѣчебницы и больницы, оставляя слишкомъ мало свободныхъ мѣстъ для лицъ, страдающихъ преходящими болѣзнями. Необходимо далѣе основать санаторіи для туберкулезныхъ больныхъ, для которыхъ обыкновенныя больницы являются преддверіемъ въ могилу, и которые вносятъ въ эти больницы очаги заразы. Важно также учрежденіе особыхъ больницъ для душевно-больныхъ и воспитательныхъ домовъ для подкидышей и безпріютныхъ дѣтей.

Первоначальное устроеніе врачебной помощи, т.-е. учрежденіе новыхъ больницъ и улучшеніе существующихъ, повлекло бы за собой для Плоцкой губерніи

расходъ около 300.000 р., каковая сумма могла бы быть собрана съ населенія въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, причемъ организація врачебной помощи начала бы дѣйствовать въ полномъ проектируемомъ видѣ лишь послѣ устроенія больницъ.

Ежегодный расходъ въ суммѣ около 3.000.000 р. былъ бы, по крайней мѣрѣ въ началѣ, достаточенъ для дѣйствія организованной, по предлагаемому нами образцу, врачебной помощи во всѣхъ десяти губерніяхъ Царства. Сумма эта могла бы быть даже значительно уменьшена, въ виду того, что многія существующія больницы имѣютъ собственныя средства.

Разрѣшеніе вопроса объ удобнѣйшемъ и наименѣе обременительномъ для населенія способѣ ежегоднаго извлеченія потребной на устройство и дѣйствіе общественной врачебной помощи суммы не представляется особенно затруднительнымъ. Въ губерніяхъ Царства Польскаго съ населенія взимается особый сборъ на содержаніе благотворительныхъ заведеній Варшавскаго городского Совѣта Общественнаго Призрѣнія. Этотъ сборъ установленъ въ суммѣ 250.000 р. въ годъ и распредѣляется по губерніямъ по числу жителей. Раскладка сбора между городами и гминами каждой губерніи производится губернскими правленіями, а раскладка между жителями городовъ и гминъ предоставлена магистратамъ и гминнымъ сходамъ съ примѣненіемъ къ такой раскладкѣ общихъ правилъ, установленныхъ для городскихъ и гминныхъ сборовъ. Въ виду того, что по симъ правиламъ гминные сходы не могутъ облагать повинностями жителей гмины, не владѣющихъ въ оной недвижимостью, сборъ падаетъ главнымъ образомъ на населеніе, владѣющее недвижимостью, а промышленный и торговый элементъ населенія въ значительной мѣрѣ отъ него освобождаются. Поэтому взи-

маніе сбора на врачебную помощь можно пріурочить къ правиламъ, регулирующимъ условія взиманія сбора на благотворительныя заведенія г. Варшавы лишь при условіи введенія въ эти правила нѣкоторой поправки, имѣющей цѣлью привлеченіе къ несенію новой повинности всѣхъ элементовъ населенія.

Можно также, руководствуясь принципами правилъ о земскихъ повинностяхъ въ Имперіи, обложить особымъ дополнительнымъ врачебнымъ сборомъ, во-первыхъ, недвижимыя имущества въ городахъ и уѣздахъ, т.-е. земли, жилые дома, фабричныя и торговыя помѣщенія и вообще всякаго рода зданія и сооруженія, кромѣ земель и зданій, указанныхъ въ 10—14 ст. «правилъ»; во-вторыхъ, свидѣтельства на право торговли и промысловъ и билеты на торговыя и промышленныя заведенія, и наконецъ, въ третьихъ, патенты на заводы для выдѣлки крѣпкихъ напитковъ. Процентное отношеніе врачебнаго сбора къ налогамъ и податямъ, коими обложены въ Царствѣ Польскомъ недвижимыя имущества, а равно къ существующимъ пошлинамъ и сборамъ съ мѣстной торговли и промышленности должно быть опредѣлено закономъ, раскладка же расхода врачебнаго сбора по губерніямъ должна производиться сообразно потребностямъ каждой изъ нихъ во врачебной помощи.

Дѣло несенія этой помощи населенію не можетъ быть, по самому своему существу, ввѣрено исключительно чинамъ мѣстной администраціи. Это дѣло живое, требующее участія всѣхъ и долженствующее интересовать каждаго. Оставленіе его всецѣло въ рукахъ правительственныхъ учрежденій привело бы несомнѣнно къ его скорому омертвѣнію. Сама жизнь требуетъ въ этомъ случаѣ призыва мѣстнаго элемента къ содѣйствію администраціи. Введенное въ видѣ опыта въ 1899 году въ Плоц-

кой губерніи устройство общедоступной врачебной помощи оказалось жизнедѣятельнымъ лишь тамъ, гдѣ къ нему примкнула непредвидѣнная закономъ частная иниціатива. Если предоставленіе ей широкихъ рамокъ общественной дѣятельности признается нынѣ по политическимъ соображеніямъ невозможнымъ, то, наоборотъ, единственнымъ средствомъ испытанія ея благонадежности является привлеченіе ея къ активному содѣйствію государственной администраціи въ такомъ ничего общаго съ политикой не имѣющемъ дѣлѣ, какъ дѣло охраны народнаго здравія. Все это дѣло въ его интересахъ казалось бы всего цѣлесообразнѣе ввѣрить мѣстному обществу, конечно подъ контролемъ и руководствомъ административныхъ органовъ. Нынѣшнюю организацію совѣтовъ общественнаго призрѣнія было бы полезно замѣнить организаціей болѣе поворотливой и болѣе живой, введя въ нее представителей мѣстнаго общества въ достаточномъ числѣ для того, чтобы ихъ голоса имѣли рѣшающее значеніе. Если бы это оказалось затруднительнымъ, то устройство врачебной помощи слѣдовало вовсе изъять изъ вѣдомства совѣтовъ и создать для завѣдыванія имъ особое учрежденіе въ родѣ проектированнаго въ Кіевѣ съѣзда врачей и мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей при участіи командированныхъ мѣстной администраціей чиновъ.

Все вышеизложенное приводитъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) организація врачебной помощи недостаточному населенію губерній Царства Польскаго, въ особенности сельскому населенію, является настоятельной необходимостью;

2) эта организація должна исходить изъ тѣхъ же началъ, которыми руководствуются въ дѣлѣ охраны на-

роднаго здравія земскія учрежденія въ 34 земскихъ губерніяхъ;

3) при устройствѣ врачебной помощи не слѣдуетъ заботиться объ экономіи денежныхъ средствъ, такъ какъ неудовлетворительная постановка дѣла при его открытіи не только отзывается на послѣдующемъ его развитіи, но, что̀ особенно важно, подрываетъ въ населеніи вѣру въ его полезность и дѣйствительность;

4) наконецъ, для успѣшнаго дѣйствія организованной на вышеуказанныхъ началахъ врачебной помощи необходимо привлечь къ активному и самостоятельному участію въ дѣлѣ представителей мѣстнаго общества и пользоваться преимущественно мѣстнымъ, сжившимся съ населеніемъ врачебнымъ персоналомъ, такъ какъ безъ соблюденія этихъ двухъ условій дѣло врачебной помощи не достигнетъ поставляемой ему благородной цѣли— облегченія физическихъ страданій народа и вліяніе на его бытъ въ смыслѣ приноровленія послѣдняго къ требованіямъ гигіены.

ПОСТАНОВКА

УЧЕБНАГО ДѢЛА.

Совершающееся нынѣ преобразованіе училищнаго устройства во всемъ государствѣ и выработка новыхъ учебныхъ плановъ вполнѣ оправдываютъ настоящее представленіе, въ краткомъ очеркѣ, тѣхъ сторонъ школы разныхъ степеней въ Царствѣ Польскомъ, которыя доселѣ остаются невыясненными и давно нуждаются въ улучшеніяхъ. Приводимыя ниже свѣдѣнія и данныя извѣстны далеко не всѣмъ интересующимся учебными вопросами, не только въ русской печати, но и въ сферѣ центральной административной дѣятельности.

Говоря о школахъ въ Царствѣ, мы, естественно, должны оставить въ сторонѣ потребности и соображенія свойства общаго, относящіяся къ училищамъ всѣхъ учебныхъ округовъ въ Россіи. Нашей задачей могутъ быть только указанія на мѣстныя особенности, и понятно поэтому, что главнымъ предметомъ, подлежащимъ нашему разсмотрѣнію, является то положеніе, какое отведено въ мѣстныхъ училищахъ языку огромнаго большинства населенія края, какъ существующими узако-

неніями, такъ и не всегда удачно съ ними согласованными административными распоряженіями, изданными въ разныя времена.

Приступивъ къ настоящему изложенію—въ той надеждѣ, что ознакомленіе съ менѣе извѣстными особенностями постановки школьнаго дѣла въ Царствѣ можетъ пригодиться, какъ для работъ обсуждающихъ учебное дѣло коммисій, такъ и для безпристрастной, желающей знать истинное положеніе дѣла русской печати, мы представляемъ въ этомъ отдѣлѣ три отдѣльныхъ очерка, посвященные народнымъ школамъ, среднимъ училищамъ и Варшавскому университету.

Народныя школы.

Когда покойный Н. А. Милютинъ осуществлялъ въ Царствѣ Польскомъ земельный надѣлъ крестьянъ, то придавалъ этому дѣлу въ Польшѣ не только то же общественное значеніе, какъ и въ Россіи, но еще — особенную, политическую важность. Въ своей запискѣ о гминномъ устройствѣ онъ высказывалъ мысль, что окончательной прочной основой управленія можетъ быть только сила нравственная, внутренняя солидарность населенія съ государствомъ. Установленія такой солидарности Милютинъ и ожидалъ отъ Польши обновленной, крестьянской, и утверждалъ, что слѣдуетъ спѣшить съ пріобрѣтеніемъ нравственнаго соучастія польскаго крестьянства въ совмѣстной жизни съ Россіею, такъ какъ для этого еще недостаточно было одного надѣла землей, то-есть дѣйствія единовременнаго, впечатлѣніе котораго съ годами будетъ изглаживаться.

Существеннаго и постояннаго содѣйствія къ укрѣпленію въ польскомъ крестьянствѣ солидарности съ го-

сударствомъ Милютинъ ожидалъ именно отъ предоставленія крестьянамъ самоуправленія. Нѣкоторую надежду въ томъ же дѣлѣ онъ возлагалъ еще и на школу, но не предавался въ этомъ отношеніи никакимъ иллюзіямъ, такъ какъ имѣлъ въ виду предшествовавшій, уже продолжительный опытъ воздѣйствія на польское населеніе посредствомъ школы, обращенной въ политическое орудіе. «Тридцать лѣтъ — писалъ онъ въ 1864 году — мы въ Польшѣ учили цѣлыя поколѣнія по-русски, знакомя ихъ съ силою и славою нашего отечества, съ историческими недугами Польши, сдѣлавшими невозможнымъ ея независимое существованіе. Однако ученіе вовсе не передѣлало ни одного изъ поляковъ... И чѣмъ болѣе будетъ ощутительна посторонняя цѣль въ преподаваніи, нами установленномъ, тѣмъ болѣе оно будетъ внушать недовѣрія, тѣмъ менѣе способно будетъ дѣйствовать на умы....»

Основныя мысли свои о раціональной постановкѣ въ Царствѣ Польскомъ школы въ будущемъ времени Н. А. Милютинъ излагалъ такъ: «Отказавшись отъ неудачной на практикѣ мысли, что казенное ученіе можетъ быть сдѣлано въ Польшѣ проводникомъ политическихъ убѣжденій, правительству остается всемѣрно заботиться о преуспѣяніи Варшавскаго университета и другихъ училищъ края и должно надѣяться, что такое безкорыстное содѣйствіе развитію науки въ Польшѣ будетъ въ то же время выгоднѣйшею системою въ политическихъ интересахъ Россіи».

Эти взгляды Милютина на школу въ Польшѣ были одобрены верховной властью. Въ рескриптѣ намѣстнику въ Царствѣ Императоръ Александръ II повелѣлъ («Дневникъ Законовъ» 1864 г., стр. 326): «При устройствѣ учебныхъ заведеній, особенно среднихъ и высшихъ, собственно въ отношеніи педагогическомъ, главною забо-

тою правительства должно быть распространеніе въ юношествѣ здравыхъ познаній и развитіе въ немъ любви къ дѣльному труду и основательному научному образованію. Не дозволяя ни себѣ, ни кому бы то ни было, превращать разсадники науки въ орудія для достиженія политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію, постоянно улучшая системы общественнаго воспитанія въ Царствѣ Польскомъ и возвышая въ немъ уровень преподаванія».

Прочную основу для сближенія Польши съ русской государственностью Милютинъ видѣлъ не только въ экономическомъ, но и въ умственномъ подъемѣ польскаго крестьянства. Изъ темной и апатичной гмины, которая бездѣйствовала въ польской исторіи, между тѣмъ какъ судьбы страны направлялись только высшими классами, которые при роковомъ столкновеніи съ могущественной Россіей были побѣждены и продолжали борьбу съ ней путемъ троекратныхъ революціонныхъ попытокъ, польское крестьянство, по мысли Милютина, должно было сдѣлаться элементомъ обновленія, пересозданія Польши—въ духѣ солидарности съ Россіею. Получивъ отъ государства земельный надѣлъ, управляя самостоятельно сельскими дѣлами, развиваясь умственно въ благопріятствуемой государствомъ и «безкорыстно» руководимой имъ школѣ, польское крестьянство могло бы, по мнѣнію Милютина, въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ явиться умственною силой и элементомъ обновленія Польши, съ устраненіемъ прежней вражды къ Россіи.

Это и могло случиться, если бы, не встрѣчая въ школѣ какихъ-либо поводовъ къ тому «недовѣрію», о которомъ упоминалъ Милютинъ—ни непріязни, ни пренебреженія къ своему языку и своему исповѣданію,

являвшемуся пока единственною ея нравственною силой, крестьянская масса въ Царствѣ Польскомъ не только съ готовностью, но даже съ жадностью и увлеченіемъ устремилась къ школьному ученію. Въ такомъ случаѣ она охотно покрыла бы весь край школами, дѣйствительно «способными дѣйствовать на ея умы» и, благодаря такому счастливому подъему, число грамотныхъ въ Царствѣ въ теченіе ближайшихъ 35 лѣтъ, по меньшей мѣрѣ, дошло бы до половины населенія, что̀ представлялось вполнѣ возможнымъ при относительно небольшихъ разстояніяхъ мелкихъ поселковъ отъ крупныхъ селъ, мѣстечекъ и городовъ.

Къ сожалѣнію, случилось иначе. Положительные факты и отзывы даже такихъ лицъ, которыхъ невозможно заподозрить въ желаніи умалить старанія администраціи, а тѣмъ болѣе—смотрѣть на настоящее положеніе дѣлъ съ нерусской точки зрѣнія, свидѣтельствуютъ, что дѣло народнаго образованія въ Царствѣ пришло къ крайне неудовлетворительнымъ результатамъ. А произошло это по той именно причинѣ, что въ него и далѣе была вносима прежняя рутина, прежняя ошибка, такъ что народная школа не только не привлекла къ себѣ мѣстныхъ крестьянъ, но даже отталкивала ихъ.

Поучительную и стоящую внѣ всякихъ сомнѣній характеристику направленія училищнаго дѣла въ Царствѣ мы находимъ въ отзывѣ того заслуженнаго русскаго государственнаго дѣятеля, котораго нельзя заподозрить въ податливости къ какимъ-либо чрезмѣрнымъ стремленіямъ или ожиданіямъ со стороны поляковъ. Бывшій Варшавскій генералъ-губернаторъ, покойный генералъ-адъютантъ Гурко, въ отчетѣ, представленномъ въ 1890 г., говоритъ, что «въ Правительственной школѣ обходятся съ польскимъ ребенкомъ не только не любовно, но прямо враждебно; въ ней ему ставятъ въ вину его

польское происхожденіе, оскорбляютъ его національное чувство, къ его религіи относятся пренебрежительно. Возвращаясь домой, дитя передаетъ родителямъ, уже и безъ того не отличающимся любовью къ русскому народу, объ обидахъ, испытанныхъ въ школѣ, о томъ фаворитизмѣ, которымъ пользуются въ ней русскія дѣти, а это неоспоримый фактъ, такъ какъ отъ польскаго ребенка требуется начальствомъ лучшаго знанія русскаго языка и его грамматическихъ правилъ, нежели отъ русскаго. Такое безсердечное отношеніе къ ребенку, понятно, приводитъ къ результатамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, которыхъ ожидало отъ дѣятельности этихъ школъ Правительство; оно не развиваетъ въ ребенкѣ любви къ Россіи, а наоборотъ, заставляетъ его возненавидѣть съ юныхъ лѣтъ все русское, доставившее ему въ лучшую пору его жизни столько напрасныхъ оскорбленій и горькихъ слезъ».

Такое отношеніе къ учащимся истекло изъ того обстоятельства, что и раціональныя политическія цѣли, какъ ихъ опредѣлялъ Милютинъ, и здравыя цѣли педагогическія были совершенно упущены изъ вида и въ школу, въ обученіе проникло и утвердилось въ немъ просто начало репрессіи, которое никакъ не можетъ служить основою для воспитанія будущихъ поколѣній. Едва ли кто-либо можетъ признать благоразумнымъ воспитаніе ихъ въ томъ духѣ, который охарактеризованъ въ только-что приведенномъ отзывѣ генерала Гурко.

Въ упомянутомъ выше рескриптѣ 1864 г. къ намѣстнику гр. Бергу проводилась по отношенію къ народнымъ школамъ въ Царствѣ система, предложенная Милютинымъ, а именно—учрежденіе народныхъ школъ, въ которыхъ всѣ предметы излагались бы на языкѣ большинства населенія каждой мѣстности. Но мысль эта вскорѣ была оставлена и съ 1870 года при Витте нача-

лось введеніе преподаванія всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ во всѣхъ училищахъ округа. Эта мѣра сразу поставила народныя школы въ краѣ въ стѣснительное положеніе. Затрудняя самое обученіе, она не могла располагать къ этимъ школамъ крестьянства.

Въ самомъ дѣлѣ, когда всѣ предметы излагаются ученикамъ не на ихъ родномъ языкѣ въ школахъ среднихъ, то для успѣшности обученія можно требовать отъ учениковъ нѣкотораго знакомства съ языкомъ государственнымъ, т.-е. съ языкомъ преподаванія, при самомъ пріемѣ въ училища или ознакомлять ихъ съ нимъ въ приготовительномъ классѣ, при помощи родного языка дѣтей. Но въ народной школѣ, которую дѣти въ Царствѣ посѣщаютъ только отъ 50 до 100 разъ въ году, крестьянскимъ дѣтямъ, совершенно незнакомымъ съ государственнымъ языкомъ, невозможно обучаться одновременно, притомъ въ короткое время, и предметамъ, и тому языку, на которомъ они преподаются.

Чтó же польскій крестьянинъ слышитъ отъ своихъ дѣтей, посылаемыхъ въ школу? Онъ слышитъ, что они не понимаютъ преподаваемаго, что учиться хотя бы счету на незнакомомъ языкѣ имъ трудно, что обыкновенно ксендза въ школѣ нѣтъ, а катехизисъ преподается свѣтскимъ учителемъ, иногда даже не католикомъ. Да и обученіе русскимъ пѣснямъ и распѣваніе ихъ въ школѣ— чтò въ Россіи можетъ служить дѣтямъ пріятнымъ развлеченіемъ — для крестьянскаго мальчика въ Польшѣ является нелегкимъ и прямо принудительнымъ занятіемъ, а для отца его можетъ казаться только страннымъ. А между тѣмъ, содержаніе такой народной школы, польза отъ которой польскимъ крестьянамъ представляется сомнительной, ложится въ Царствѣ на крестьянъ тяжелѣе, чѣмъ въ русскихъ губерніяхъ. Въ Россіи расходы по начальному образованію несетъ и

земство, т.-е. кромѣ крестьянъ еще и другія сословія; въ Царствѣ же эти расходы падаютъ почти всей тяжестью (около 80%) на крестьянъ.

Окончательное введеніе преподаванія на русскомъ языкѣ во всѣхъ гминныхъ и сельскихъ школахъ въ Царствѣ послѣдовало въ 1870 году. Нельзя не сопоставить съ этимъ фактомъ явленія, что послѣ освобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей власти, число учащихся за десятилѣтіе 1860 по 1871 годъ возрасло на 134%, а съ начала 80-хъ годовъ выступаетъ обратное явленіе—ростъ числа учащихся въ народныхъ училищахъ задерживается, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣчается даже уменьшеніе числа учениковъ, а въ другихъ число ихъ увеличивается столь медленно, что въ сравненіи съ общимъ постояннымъ приростомъ населенія слѣдуетъ признать, что въ школьномъ дѣлѣ замѣчается прямое возвращеніе вспять.

Это несочувствіе населенія, какъ-то было уже замѣчено въ печати, не съ польской, а съ русской стороны, притомъ авторомъ весьма компетентнымъ, слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ устраненію ксендза изъ народной школы, введенному въ систему именно съ начала 80-хъ годовъ... «Да, мы сами—сказано—возстановили ксендза противъ сельской школы, лишивъ его права преподаванія правилъ вѣры въ громадномъ большинствѣ изъ нихъ. Дѣйствительно, въ 1891 году изъ 2.863 городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ Законъ Божій преподавался ксендзами лишь въ 154-хъ».

Принимая во вниманіе то, что здѣсь сказано о нынѣшнемъ состояніи русской школы среди польскаго народонаселенія, нельзя не прійти къ заключенію, что она нисколько не заманчива для поляковъ и что участь польской молодежи во время пребыванія въ подобныхъ школахъ незавидна. Почему бы польскому обществу въ

деревнѣ или въ городѣ дорожить подобной школой? Вѣдь дитя, посѣщающее подобную школу, ясно понимаетъ, что учреждена она не для него, но противъ него.

Польскій крестьянинъ считаетъ школу учрежденіемъ, отъ котораго ему нечего ожидать пользы для себя, и онъ, апатично махнувъ рукою, пересталъ и обращать вниманіе на нее. Это—учрежденіе, гдѣ его дѣтей не научатъ читать молитвенника, писемъ, документовъ, хозяйственныхъ счетовъ, расписокъ и т. д., ни писать такихъ же писемъ, квитанцій, счетовъ и пр., такъ какъ въ школѣ, которую онъ, вмѣстѣ съ другими, долженъ содержать на собственныя деньги, мало учатъ или вовсе не обучаютъ той грамотѣ, которая ему необходима въ обыденной жизни; это—учрежденіе, въ которое требуютъ его дѣтей для дѣланія съ ними какихъ-то непріятныхъ для него экспериментовъ. Было же время, въ которое польскія книги для крестьянскихъ дѣтей печатались русскими буквами.

Изъ Закона Божія сдѣланъ предметъ, который можетъ преподавать свѣтское лицо и даже иновѣрецъ, занимающійся обученіемъ воспитанниковъ; между тѣмъ родители ожидаютъ отъ этихъ уроковъ укрѣпленія дѣтей въ вѣрѣ и нравственности и пастырскаго назиданія.

Правительство, наконецъ, сознало необходимость допустить въ школу законоучителей. Но когда, 16 марта 1892 г., послѣдовало Высочайше утвержденное постановленіе комитета министровъ, позволившее сельскимъ обществамъ ходатайствовать о назначеніи ксендзовъ въ гминныя и сельскія училища на должности законоучителей, то въ теченіе 4-хъ лѣтъ (т.-е. по 1896 г.) такихъ ходатайствъ поступило всего 94. Католическое духовенство неохотно воспользовалось правомъ обучать въ училищахъ, потому что въ циркулярѣ попечителя учебнаго округа къ вышесказанному Высочайшему разрѣ-

шенію прибавленъ былъ цѣлый рядъ условій, въ которыя имѣлъ быть поставленъ каждый сельскій законоучитель: школу, въ которой бы преподавалъ ксендзъ, обязаны были посѣщать: губернаторъ, чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ, стражникъ, и всѣмъ этимъ лицамъ предоставлялось спрашивать дѣтей, какъ и въ какомъ духѣ ихъ обучаетъ приходскій священникъ.

Принявъ во вниманіе изложенныя обстоятельства, легко понять, почему школа и народное обученіе въ Царствѣ находятся въ упадкѣ. Въ подтвержденіе высказаннаго мы заимствуемъ нѣсколько цифръ изъ чрезвычайно интереснаго сочиненія, подъ названіемъ «Очерки Привислинья», изданнаго въ 1897 году въ Москвѣ и заключающаго въ себѣ первостепенныя данныя для сужденія объ отношеніяхъ въ Царствѣ Польскомъ, ибо его авторъ (г. В. Р.), одно изъ наиболѣе близкихъ лицъ къ Іосифу Владиміровичу Гурко, задался цѣлью изобразить подробную исторію десятилѣтняго управленія краемъ покойнаго фельдмаршала и для сего получилъ въ свое распоряженіе богатѣйшій фактическій матеріалъ.

Въ 1882 г. одна начальная школа приходилась на 1925 жителей (2.337 школъ при 4.500.000 сельскаго католическаго населенія), и одинъ учащійся на 35 жителей (всего 127.763); въ 1893 же году одна сельская школа приходится на 2150 жителей (2569 школъ при 5.542.038 сельскаго католическаго населенія), а одинъ учащійся на 38 жителей.

«Но истинное значеніе получатъ эти цифры—говоритъ авторъ «Очерковъ Привислинья»—лишь, если обратить вниманіе на то, что изъ всѣхъ учащихся въ этихъ школахъ только 4,4% оканчиваетъ курсъ, остальные же выбываютъ до окончанія его, въ значительномъ большинствѣ пробывъ въ нихъ лишь одинъ учебный годъ; по истеченіи же второго года отпадаетъ уже болѣе 75%

всѣхъ учащихся. Между тѣмъ учебный годъ въ Царствѣ Польскомъ весьма краткій, что̀ зависитъ отъ продолжительности полевыхъ работъ, отвлекающихъ большинство учащихся дѣтей; онъ продолжается съ половины ноября до половины марта, но громадное большинство дѣтей посѣщаетъ училище не болѣе 50 разъ въ годъ».

«И вотъ,—замѣчаетъ тотъ же авторъ—если принять за мѣру народнаго образованія тѣ 4,4 % общаго количества числящихся въ школахъ, оканчивающіе полный курсъ, то предстанетъ во всей своей незавидной наготѣ тотъ фактъ, что основательно грамотныхъ ежегодно прибываетъ въ сельскія народныя массы по одному на каждые 800 слишкомъ жителей—число значительно уступающее ежегодному приросту населенія, равняющемуся для католическаго населенія Царства Польскаго 1,66 %. При такомъ положеніи дѣла число непрошедшихъ школы, въ процентномъ отношеніи ко всему населенію, ежегодно увеличивается въ ужасающей прогрессіи, а именно – на каждые 13 человѣкъ ежегоднаго прироста прибываетъ лишь одинъ основательно обученный грамотѣ».

Авторъ замѣчаетъ, что особенно печальны эти цифры по сравненію съ относящимися къ ходу начальнаго образованія у протестантовъ и евреевъ. Въ 1893 г. при 488.000 евангеликовъ имѣлось исключительно для нихъ предназначенныхъ 359 школъ съ 8.817 учащимися, изъ коихъ 7 % ежегодно оканчиваетъ курсъ, то-есть одинъ на 750 жителей, выбываетъ же, не кончивъ училища, всего 12%. Но кромѣ того, многіе евангелики посѣщаютъ общія сельскія училища. При 592.776 евреяхъ въ Царствѣ Польскомъ было хедеровъ 2583 съ 38.982 учащимися; кромѣ того существовало одновременно 61 казенныхъ еврейскихъ училищъ съ 1754 учениками, — одинъ, слѣдовательно, учащійся прихо-

дился на 15 евреевъ. Кромѣ того, существуютъ тайные хедеры, такъ что можно сказать, что всѣ еврейскіе мальчики проходятъ начальное образованіе.

Равнодушіе польскаго крестьянина къ русской школѣ однако не обозначаетъ его равнодушія къ просвѣщенію. Уже съ тридцатыхъ годовъ настоящаго вѣка было замѣтно сочувственное отношеніе польскаго крестьянства къ образованію; сочувствіе это еще усилилось въ шестидесятыхъ годахъ, но то были училища, въ которыхъ національные и религіозные интересы занимали должное мѣсто.

Генералъ-губернаторъ Гурко, зная о нецѣлесообразномъ устройствѣ сельскихъ и гминныхъ училищъ, хлопоталъ о возстановленіи въ нихъ преподаванія на польскомъ языкѣ, но не имѣлъ успѣха.

Въ городѣ труднѣе существовать безъ науки, и потому горожане охотно посылаютъ дѣтей въ училища, гдѣ они, не обращая вниманія на неудобства и непріятности, стараются среди всего преподаваемаго балласта добыть себѣ необходимыя свѣдѣнія, нужныя имъ къ существованію или къ полученію извѣстныхъ правъ. Однако дѣло начальнаго образованія и въ городахъ Царства нельзя признать обставленнымъ хотя бы удовлетворительно. На 114 городовъ и 353 посада имѣется лишь 351 школъ, съ 29.455 учащимися обоего пола. При общемъ числѣ католическаго населенія городовъ въ 1.111.655, одинъ учащійся приходится на 37 жителей, слѣдовательно, здѣсь находимъ такое же отношеніе, какъ и для сельскаго населенія. Кромѣ того, имѣется еще 118 воскресно-ремесленныхъ училищъ, съ 4.869 учениками, одно высшее ремесленное училище, 6 воскресно-коммерческихъ и нѣсколько спеціальныхъ.

Нерасположеніе польскаго крестьянскаго населенія къ народной школѣ и печальные результаты, какіе она

принесла доселѣ, удостовѣряются также сравнительными числами неграмотныхъ среди новобранцевъ изъ русскихъ губерній и губерній Царства. Въ Россіи неграмотными среди новобранцевъ оказываются въ среднемъ 69%, а въ польскихъ губерніяхъ 82%. И надо замѣтить, что это неблагопріятное отношеніе въ Россіи замѣтно измѣняется къ лучшему, между тѣмъ какъ въ губерніяхъ Царства оно остается почти неподвижнымъ. Такъ, въ теченіе 12 лѣтъ, 1874—1886, процентъ неграмотныхъ среди новобранцевъ въ русскихъ губерніяхъ уменьшился съ 78 до 68, между тѣмъ какъ въ губерніяхъ Царства онъ уменьшился только съ 83 до 82. Судя по этимъ сравнительнымъ цифрамъ, можно придти къ такому выводу, что успѣхи народнаго образованія въ русскихъ губерніяхъ были въ десять разъ болѣе значительны, чѣмъ въ польскихъ. Приведенныя цифры взяты изъ соч. Бліоха «Будущая война» 1897 г. На 23.673 новобранцевъ изъ Царства Польскаго, принятыхъ въ войска въ 1894 году, неграмотныхъ оказалось 18.097, т.-е. около 80% (Сборникъ Стат. свѣдѣній по Россіи. 1897 г.).

Чѣмъ же обусловливается нерасположеніе сельскаго населенія въ Царствѣ къ народнымъ школамъ и нежеланіе увеличивать ихъ число, а также равнодушіе къ этому дѣлу со стороны интеллигенціи? Вопросъ этотъ едва ли не напрасно и ставить послѣ всего сказаннаго выше. Отвѣтъ на него найдетъ каждый русскій читатель, если представитъ себѣ школу въ русскомъ селѣ, въ которой не было бы священника, а Законъ Божій преподавался бы свѣтскимъ наставникомъ, иногда лютераниномъ или католикомъ, въ которой ариѳметикѣ и краткимъ свѣдѣніямъ изъ географіи обучали бы русскаго крестьянскаго мальчика хотя на родственномъ,

но совершенно незнакомомъ ему языкѣ, а русскую грамоту оставляли бы въ полномъ пренебреженіи.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи можно соглаться на еще одно весьма компетентное свидѣтельство. Въ запискѣ о состояніи края въ 1897 году покойный генералъ-губернаторъ князь Имеретинскій, вполнѣ согласно съ мнѣніемъ І. Вл. Гурко, высказывалъ, что преподаваніе польскаго языка въ начальныхъ училищахъ Царства «еще хуже, чѣмъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ». «Но если воспитанники гимназій — говорилось въ запискѣ—благодаря сравнительно большей состоятельности своихъ родителей, могутъ до нѣкоторой степени пополнить этотъ недостатокъ домашнимъ обученіемъ, то дѣти крестьянъ и бѣдныхъ мѣщанъ лишены этой возможности. Справедливъ ли такой образъ дѣйствія Правительства, державшаго въ своихъ рукахъ до сихъ поръ монополію народнаго просвѣщенія?—спрашивалъ покойный генералъ - губернаторъ. — Позволю себѣ сомнѣваться въ этомъ. Это обстоятельство, кромѣ того, усиливаетъ только нежеланіе мѣстнаго населенія посылать своихъ дѣтей въ школу; нельзя требовать, чтобы простой человѣкъ понялъ все значеніе обученія государственному языку въ ущербъ его отечественному языку». «Наконецъ, пренебреженіе польскаго языка, какъ предмета обученія въ училищахъ, даетъ разнымъ агитаторамъ основаніе указывать на этотъ фактъ, какъ на лучшее доказательство стремленій нашего правительства къ обрусенію этого края,—стремленій въ дѣйствительности несуществующихъ и даже невозможныхъ».

Для того, чтобы измѣнить къ лучшему нынѣшнее положеніе народнаго обученія въ губерніяхъ края, которое не можетъ быть согласно не только съ насущной потребностью огромнаго большинства населенія, но и съ видами и достоинствомъ государства, необходимо по-

ставить народную школу, сельскую и городскую, такъ, чтобы народъ видѣлъ въ ней пользу для себя, соотвѣтствіе своимъ нравственнымъ нуждамъ и практическимъ цѣлямъ.

Для этого, прежде всего, необходимо осуществить на дѣлѣ то, что̀ уже разрѣшено самымъ закономъ, а именно—Высочайше утвержденнымъ 16 марта 1892 г. положеніемъ Комитета Министровъ, предоставившимъ сельскимъ обществамъ ходатайствовать о назначеніи ксендзовъ на должности законоучителей въ гминныхъ и сельскихъ училищахъ. Но для того, чтобы узаконеніе это не оставалось только на бумагѣ для огромнаго большинства народныхъ школъ, необходимо отмѣнить циркуляръ 4 мая 1892 года, въ которомъ «губернскія административныя власти призываются къ непосредственному участію въ выборахъ и замѣщеніи должностей законоучителей мѣстными приходскими священниками», а «начальникамъ уѣздовъ и начальникамъ земской стражи вмѣняется въ непремѣнную обязанность непосредственно и неупустительно наблюдать за поведеніемъ и направленіемъ всѣхъ приходскихъ ксендзовъ во ввѣренномъ имъ уѣздѣ и на основаніи цѣлаго ряда своихъ личныхъ наблюденій, свѣдѣній изъ другихъ вѣрныхъ источниковъ и обнаруженныхъ фактовъ, о каждомъ изъ нихъ составлять соотвѣтственныя отмѣтки и свое безпристрастное заключеніе».

Такимъ образомъ, въ результатѣ Высочайшаго повелѣнія, имѣвшаго цѣлью предоставить преподаваніе католическаго Закона Божія католическимъ священникамъ, ксендзы, благодаря административному комментарію къ тому же повелѣнію, были поставлены въ положеніе совершенно исключительное. Въ то время, какъ случайные свѣтскіе учителя утверждаются только учебной властью и подлежатъ ея надзору, мѣстные при-

ходскіе священники, для того, чтобы быть законоучителями, нуждаются въ апробаціи начальника уѣзда и начальниковъ земской стражи, которые при аттестаціи законоучителей руководствуются еще свѣдѣніями изъ «другихъ» источниковъ, то-есть, вѣроятно, получаемыми отъ простыхъ стражниковъ, а можетъ быть и отъ бывшихъ корчмарей.

Далѣе, въ томъ же циркулярѣ, въ которомъ было оповѣщено и самое Высочайшее повелѣніе о призывѣ ксендзовъ въ народную школу, поручено было тѣмъ же начальникамъ уѣздовъ и начальникамъ земской стражи посѣщать народныя школы и «посредствомъ простой бесѣды съ учащимися» удостовѣряться въ благонамѣренности преподаванія.

Понятно, что ксендзы лишь исключительно, при случайныхъ мѣстныхъ условіяхъ, могли соглашаться на преподаваніе среди такихъ условій. Огромное же большинство народныхъ школъ такъ и остались безъ духовныхъ законоучителей, потому что однихъ приходскихъ ксендзовъ не одобрила полицейская власть, а другіе сами сочли невозможнымъ стать въ подобное положеніе. Вскорѣ перестали поступать и ходатайства отъ сельскихъ обществъ о приглашеніи ксендзовъ въ школы. Однимъ словомъ, повелѣніе верховной власти, внушенное очевидной и настоятельной народной потребностью, осталось неисполненнымъ, вслѣдствіе административныхъ добавленій, которыя ограничили и даже исказили его смыслъ. Подобныхъ примѣровъ не мало, впрочемъ, встрѣчалось въ мѣстной административной практикѣ.

Если желательно, чтобы народное обученіе въ Царствѣ не падало все болѣе съ теченіемъ времени, какъ то происходитъ доселѣ, но поднялось и стало дѣлать успѣхи, необходимо сдѣлать народную школу такою,

чтобъ крестьяне видѣли въ ней пользу, чтобы она соотвѣтствовала ихъ потребностямъ. Только тогда крестьяне и станутъ заботиться о школахъ. Итакъ, что касается преподаванія Закона Божія, то необходимо привести въ дѣйствительное исполненіе Высочайшее повелѣніе 1892 года, отмѣнивъ ограничительный циркуляръ 4 мая того же года. Приходскій священникъ долженъ быть, по праву, законоучителемъ въ школѣ и если онъ можетъ исповѣдывать и говорить проповѣди въ церкви, то тѣмъ болѣе можетъ преподавать катехизисъ въ школѣ, безъ особыхъ аттестацій и контроля со стороны полиціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, даже не измѣняя существующихъ узаконеній по учебной части, необходимо, чтобы дѣтей польскихъ крестьянъ учили въ народной школѣ не только государственному языку, но и умѣнью читать, писать на ихъ природномъ языкѣ, на томъ языкѣ, который ими будетъ употребляться во всѣхъ частныхъ и дѣловыхъ сношеніяхъ. Между тѣмъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ покойный кн. Имеретинскій въ приведенномъ отзывѣ, обученіе польскому языку въ народныхъ школахъ края находится въ полномъ пренебреженіи. Должности народныхъ учителей постепенно заполняются воспитанниками учительскихъ семинарій. Но въ программу этихъ семинарій вовсе даже не входятъ ни польская грамматика, ни практическое изученіе польскаго языка. Стало быть, необходимо пополнить этотъ пробѣлъ и требовать отъ воспитанниковъ семинарій—поляковъ экзамена изъ польской грамматики, а незнающихъ польскаго языка, хотя бы практически, не назначать вовсе.

Затѣмъ, для привлеченія сочувствія къ школѣ было бы весьма полезно допустить въ народныхъ школахъ обученіе по-польски началамъ ариѳметики. Вѣдь считать

польскій крестьянинъ всегда будетъ все-таки по-польски, для чего же ему преподавать первыя четыре правила на другомъ языкѣ, затрудняя дѣтямъ ихъ пониманіе и примѣненіе? Къ тому же, ариѳметика такой предметъ, который не имѣетъ никакого отношенія къ познанію значенія государственности или къ сближенію съ духомъ русскаго народа.

Въ общемъ же, для успѣха народной школы въ польскихъ губерніяхъ, представляло бы первостепенную важность устраненіе отъ нея, по возможности, цѣлей политической переработки духа или обычаевъ. Цѣль народной школы еще болѣе, чѣмъ всякой иной, должна быть чисто-педагогическая: достигать нѣкотораго, первоначальнаго развитія ума и снабженія его самыми элементарными свѣдѣніями.

Среднія училища.

Выработанное въ минувшемъ году преобразованіе средней школы имѣетъ еще получить законодательную санкцію—въ новомъ уставѣ о единой общеобразовательной средней школѣ, долженствующемъ смѣнить уставы гимназій и реальныхъ училищъ, введенные въ 1871 и 1872 годахъ.

Не входя въ сущность этого преобразованія, которое относится къ средней школѣ на всемъ пространствѣ государства, отмѣтимъ только, что передъ окончательнымъ утвержденіемъ учебнаго плана средней школы представлялось бы возможнымъ, не отступая отъ общаго принципа преподаванія научныхъ предметовъ на языкѣ общегосударственномъ, допустить нѣкоторыя, незначительныя въ принципѣ, но практически полезныя приспособленія плана преподаванія другихъ живыхъ языковъ къ нуждамъ различныхъ мѣстностей.

Подобныя приспособленія къ мѣстнымъ нуждамъ, сами по себѣ, нисколько не ослабляютъ начала единства государственной школы. Такъ, въ высшихъ классахъ реальныхъ училищъ допущено уставомъ 1872 г. и существуетъ доселѣ примѣненіе къ мѣстнымъ нуждамъ—въ специализаціи техническаго образованія: въ нѣкоторыхъ училищахъ оно имѣетъ характеръ химическій, въ другихъ механическій; есть и реальныя школы, имѣющія коммерческое отдѣленіе. Въ отношеніи языковъ, такое приспособленіе въ среднихъ училищахъ Царства отчасти уже допущено и существующимъ учебнымъ планомъ, въ который входитъ преподаваніе языка польскаго, впрочемъ, какъ предмета необязательнаго.

Настоящее преобразованіе средней школы представляетъ вполнѣ удобный случай для болѣе правильной постановки преподаванія польскаго языка въ среднихъ школахъ Царства. Прежде всего, этотъ предметъ слѣдуетъ ввести въ курсъ не только въ мужскихъ училищахъ, что́ уже сдѣлано, но и въ женскихъ. Но сверхъ того, преобразованіе, исключившее изъ учебнаго плана греческій языкъ и весьма значительно сократившее число уроковъ по языку латинскому, открыло просторъ для расширенной постановки курсовъ по новымъ языкамъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались для увеличенія числа уроковъ по языкамъ французскому и нѣмецкому, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, оба сдѣланы обязательными.

Не слѣдуетъ, однако, упускать при этомъ изъ вида, что въ среднихъ школахъ Царства, для огромнаго большинства учениковъ, сверхъ изученія языковъ русскаго, французскаго и нѣмецкаго, представляется еще необходимымъ изученіе языка польскаго. Къ русской граматикѣ и русской литературѣ, которыя преподаются въ школахъ всѣхъ губерній государства, здѣсь, для

преобладающаго большинства учениковъ, присоединяются еще необходимость практическаго изученія русской рѣчи и изученія польской грамматики и литературы.

Такимъ образомъ, уже для того, чтобы не обременять чрезмѣрно учениковъ изученіемъ четырехъ (а съ латинскимъ—пяти) языковъ, необходимо поставить себѣ вопросъ: неужели же для учениковъ польской національности оба иностранные языка, французскій и нѣмецкій, справедливо поставить выше ихъ языка родного, оставляя польскій языкъ необязательнымъ и съ значительно болѣе узкимъ изложеніемъ его литературы?

Ясно, что по простой справедливости, какъ, впрочемъ, и съ точки зрѣнія педагогической, нельзя ставить для учениковъ - поляковъ двухъ иностранныхъ языковъ выше ихъ языка родного. Нераціонально было было бы и давать преподаванію обоихъ чужихъ языковъ какое-либо преимущество передъ преподаваніемъ языка польскаго. Итакъ, въ среднихъ школахъ Царства представлялось бы справедливымъ и раціональнымъ оставить обязательнымъ только одинъ изъ иностранныхъ языковъ, а вмѣсто другого, сдѣлать обязательнымъ изученіе грамматики и литературы польскаго языка.

Необходимость этого удостовѣряется еще и тѣмъ соображеніемъ, что такъ какъ польскій языкъ въ школахъ польской окраины въ теченіе послѣднихъ лѣтъ тридцати былъ, что называется, въ полномъ «загонѣ», то поставить нынѣ преподаваніе вполнѣ равноправно представляется практически даже невозможнымъ, иначе, какъ сдѣлавъ его предметомъ обязательнымъ. Педагогическій персоналъ мѣняется не легко и въ мѣстномъ персоналѣ еще живы традиціи того времени, когда за усердіе въ преподаваніи своего предмета иной учитель

польскаго языка, вмѣсто одобренія, подвергался выговору или ограниченію. До тѣхъ поръ, пока успѣхи по польскому языку не принимаются въ соображеніе при заключеніи объ общемъ успѣхѣ ученика въ годичномъ курсѣ и въ усвоеніи всего гимназическаго курса, едва ли возможно и ожидать, чтобы педагогическій персоналъ въ этомъ краѣ относился серьезно и къ преподаванію польскаго языка, и къ усердію самихъ учителей его наравнѣ съ усердіемъ другихъ преподавателей.

Очевидная необходимость, чтобы въ среднихъ школахъ Царства Польскаго преподаваніе польскаго языка было поставлено не ниже преподаванія иностранныхъ языковъ, легла уже и въ основаніе высочайше утвержденнаго 22 февраля 1899 г. положенія комитета министровъ, которымъ допущены при преподаваніи польскаго языка объясненія на томъ же языкѣ, подобно тому, какъ допущено уставомъ гимназій 1871 года употребленіе иностранныхъ языковъ при преподаваніи ихъ.

Каждому непредубѣжденному человѣку долженъ показаться страннымъ самый вопросъ о томъ, можно ли употреблять польскій языкъ въ преподаваніи польскаго языка польскимъ ученикамъ, или же польскій языкъ имъ слѣдуетъ преподавать непремѣнно по-русски? А между тѣмъ, въ теченіе 20 слишкомъ лѣтъ преподаваніе польскаго языка въ школѣ края велось по-русски и въ концѣ концовъ свелось исключительно къ упражненіямъ въ русскомъ языкѣ при переводахъ съ польскаго.

Бросимъ взглядъ на происходившія въ разное время измѣненія въ этомъ отношеніи.

По уставу 1864 г. польскій языкъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Царства занималъ почетное мѣсто. Онъ былъ преподаваемъ, какъ и всѣ остальные предметы, по-польски. Въ гимназіяхъ, состоявшихъ тогда

изъ семи классовъ, уроковъ этого предмета было 24 въ недѣлю, въ прогимназіяхъ же (4 класса) по 15. Преподавателями польскаго языка были люди, знавшіе дѣло.

По уставу 1871 г. число уроковъ польскаго языка было ограничено въ гимназіи (безъ приготовительнаго класса) до 12, въ прогимназіи же до 3. Польскій языкъ съ тѣхъ поръ сдѣлался предметомъ, преподаваемымъ только для желающихъ.

Въ 1882 г. послѣ извѣстнаго рескрипта императора Александра III, въ которомъ выражалась Монаршая благодарность ген.-губернатору Альбединскому за попеченія о благосостояніи ввѣреннаго ему края, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ усиленіи преподаванія польскаго языка въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ Варшавскаго учебнаго округа.

Однако способъ исполненія принесъ совсѣмъ неожиданные результаты. Въ брошюрѣ «Ко дню юбилея А. А. Апухтина», изданной въ Москвѣ, читаемъ (стр. 9), что бывшій попечитель «рядомъ административныхъ мѣръ сумѣлъ парализовать вредъ, который могъ бы произойти отъ увеличенія числа уроковъ» (говорится здѣсь объ урокахъ польскаго языка). Насколько можно вѣрить этимъ словамъ, мы убѣдимся, разсматривая распоряженія тогдашняго попечителя, которыхъ цѣлью должно было быть исполненіе повелѣнія.

Въ упомянутомъ Высочайшемъ повелѣніи говорилось объ увеличеніи числа уроковъ въ гимназіяхъ; между тѣмъ число было увеличено только въ мужскихъ гимназіяхъ, въ женскихъ же гимназіяхъ оставлено попрежнему по 2 урока польскаго языка въ недѣлю. Частнымъ учебнымъ заведеніямъ приказано было сообразоваться съ соотвѣтственными казенными училищами, на этотъ разъ однако позволено было частнымъ

женскимъ пансіонамъ имѣть попрежнему по 3 урока польскаго языка въ недѣлю. Но въ 1894 г. 12 Октября инспекторъ училищъ г. Варшавы разослалъ этимъ пансіонамъ циркуляръ, въ которомъ было сказано, что уроковъ польскаго языка должно быть въ частныхъ женскихъ пансіонахъ по 2 въ недѣлю.

Императоръ Александръ III желалъ сравнять число уроковъ польскаго языка съ числомъ уроковъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, о чемъ министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа въ предложеніи отъ 28 Февраля 1882 г. До тѣхъ поръ въ мужскихъ гимназіяхъ польскій языкъ преподавался въ первыхъ шести классахъ, причемъ въ каждомъ изъ этихъ классовъ было по 2 урока въ недѣлю, т.-е. всего 12 уроковъ. Кромѣ того, въ приготовительномъ классѣ было 2 урока польскаго языка. Чтобы исполнить Монаршую волю, надо было прибавить 7 уроковъ польскаго языка въ гимназіи, что съ прежними 12 уроками составило бы цифру 19; между тѣмъ прибавлено было всего 4 урока, а причислено къ гимназіальнымъ урокамъ 2 урока приготовительнаго класса, прибавленъ въ этомъ классѣ еще одинъ урокъ и получено такимъ образомъ число 19 уроковъ. Но такой способъ увеличенія числа уроковъ вовсе не оправдывался повелѣніемъ. Приготовительный классъ не входитъ въ составъ гимназіи, такъ какъ по закону (статья 1469 Свода Законовъ томъ XI, ч. I, изд. 1893 г.) онъ состоитъ *при* гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

Впрочемъ, при томъ духѣ, въ какомъ велось до послѣднихъ семи лѣтъ преподаваніе всѣхъ предметовъ въ школахъ Царства, едва ли могло быть много пользы отъ прибавленія нѣсколькихъ часовъ на уроки польскаго языка на русскомъ языкѣ. Объ этомъ духѣ и о тѣхъ цѣляхъ, какія имѣлись въ виду тогдашнимъ упра-

вленіемъ округа, не мѣшаетъ справиться у такого свидѣтеля, котораго никто не упрекнетъ въ излишнемъ расположеніи къ полякамъ, а именно—у автора упомянутой уже книги «Очерки Привислинья». «Причины грустныхъ результатовъ, получаемыхъ гимназіями края—по его отзыву—кроются прежде всего въ той черезчуръ широкой и безусловно недостижимой цѣли, которую поставило учебное начальство—не только примирить порученную ихъ воспитанію польскую молодежь съ Россіей, но превратить ихъ въ русскихъ, да мало того, въ русскихъ—въ ненавистниковъ всего своего, родного, польскаго».... «Уничтожить народъ, имѣющій свою многовѣковую, нелишенную славы исторію, свой вполнѣ выработанный языкъ, свои, достигнувшія высокаго развитія литературу и искусство — затѣя безумная».

«По какой-то непостижимой умственной аберраціи—продолжаетъ авторъ—вѣрнѣйшимъ средствомъ для перевоплощенія поляковъ въ русскихъ учебное начальство Привислинья признало не возбужденіе въ нихъ любви къ Россіи, а искорененіе привязанности ко всему родному. И вотъ, съ этой цѣлью все польское въ гимназіяхъ обречено усиленному гоненію и осмѣянію. Языкъ и народность воспитуемыхъ подвергаются постояннымъ насмѣшкамъ, ученикамъ внушается, что полякъ—существо низшее, презрѣнное.... Русскіе ученики пользуются явнымъ фаворомъ и, не взирая на степень развитія ихъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ, неизмѣнно становятся образцомъ, примѣромъ для всего класса, причемъ и имъ также внушается не только презрѣніе ко всему польскому, но и презрѣніе къ ихъ польскимъ товарищамъ. Несправедливость такого образа дѣйствій столь очевидна, что сознается она не только угнетенными польскими учениками, но даже и покровитель-

ствуемыми русскими воспитанниками, изъ которыхъ наиболѣе порядочные кончаютъ тѣмъ, что сами проникаются убѣжденіемъ въ справедливости польскихъ нареканій на русское владычество».

Что касается преподаванія польскаго языка, какъ оно велось въ то время, то-есть до назначенія попечителемъ округа т. сов. Лигина, то тотъ же авторъ свидѣтельствуетъ, что «преподаваніе польскаго языка въ гимназіяхъ края служитъ неисчерпаемымъ источникомъ для всяческихъ издѣваній, какъ надъ нимъ, такъ и надъ обучающимися ему». Вмѣстѣ съ тѣмъ, находя, что польскій языкъ, по числу уроковъ, слѣдовало бы приравнять къ иностраннымъ, авторъ однако признаетъ, что «во стократъ предпочтительнѣе совершенно исключить польскій языкъ изъ числа предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ, нежели удѣлять ему мѣсто, безусловно несоотвѣтствующее значенію, которое, естественно, придаютъ ему тѣ, для которыхъ онъ составляетъ языкъ природный».

Изъ тѣхъ же «Очерковъ Привислинья» видно, что самъ генералъ Гурко не сочувствовалъ тому положенію, въ какое былъ поставленъ польскій языкъ, такъ какъ «администрація» края не разъ обращала вниманіе тогдашняго начальства учебнаго округа на ненормальность этого положенія, впрочемъ, безъ успѣха. Не говоря уже о направленіи и пріемахъ преподаванія, самое повелѣніе 1882 года, которое увеличивало число уроковъ польскаго языка въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, не исполнялось въ точности. Только по восшествіи на престолъ нынѣ царствующаго Монарха, по назначеніи попечителемъ округа покойнаго Лигина, это требованіе было исполнено.

Тогда то состоялось и упомянутое уже Высочайше утвержденное 22 Февраля 1899 г. положеніе Комитета

Министровъ, разрѣшившее употребленіе польскаго языка при объясненіяхъ на урокахъ этого языка.

Министръ народнаго просвѣщенія въ предложеніи отъ 23 Іюня 1899 г. увѣдомилъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, что, по мнѣнію большинства въ Комитетѣ Министровъ, «мѣстное учебное начальство, не воспрещая преподавателямъ польскаго языка объясняться съ учениками по-польски въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо по соображенію съ интересами преподаванія, не станетъ въ противорѣчіе и съ требованіями закона». Итакъ, новое повелѣніе ничѣмъ не ограничивало въ этомъ отношеніи права преподавателей. Къ сожалѣнію, однако, и это повелѣніе на практикѣ подверглось ограниченію.

Въ объяснительной запискѣ къ новому учебному плану польскаго языка, разосланному гимназіямъ и реальнымъ училищамъ въ 1901 году, было сказано: «не возбраняется учителямъ польскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ варшавскаго учебнаго округа употреблять въ своемъ преподаваніи, наравнѣ съ русскою, и польскую рѣчь, причемъ они должны давать одни и тѣ же объясненія и по-русски, и по-польски въ тѣхъ классахъ, въ коихъ то будетъ признано нужнымъ въ началѣ учебнаго года педагогическимъ совѣтомъ и начальникомъ учебнаго заведенія, въ зависимости отъ состава класса и отъ степени практическаго знанія учащимися языковъ русскаго и польскаго. Обученіе грамматикѣ ведется по-русски и грамматическіе или риторическіе термины употребляются тѣ же, что и при обученіи русскому языку и словесности».

Въ этомъ правилѣ находятся уже такія ограниченія, которыхъ нѣтъ въ Высочайше утвержденномъ положеніи Комитета Министровъ. По этому правилу, учитель польскаго языка не имѣетъ уже ему дарованнаго тѣмъ

повелѣніемъ права преподавать этотъ предметъ по-польски, онъ можетъ только въ извѣстныхъ случаяхъ объяснять на двухъ языкахъ; затѣмъ, случаи, когда можно употреблять польскую рѣчь при преподаваніи польскаго языка, указываетъ учителю педагогическій совѣтъ; наконецъ, по этому же предписанію, грамматика излагается только по-русски.

Между тѣмъ, если преподаваніе польскаго языка, согласно Высочайшему повелѣнію, должно быть поставлено въ такія же условія въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, какъ языковъ французскаго и нѣмецкаго, то, желая объяснить ближе то, что въ общихъ словахъ сказано въ повелѣніи, естественно было обратиться къ правиламъ преподаванія французскаго и нѣмецкаго языковъ въ гимназіяхъ, а не сочинять нѣчто среднее. Въ объяснительной запискѣ къ нынѣ обязательному учебному плану иностранныхъ языковъ въ реальныхъ училищахъ сказано: «Употребленіе русскаго языка на урокахъ нѣмецкаго должно по возможности ограничиваться переводами, необходимыми объясненіями и формулировкой грамматическихъ правилъ. Вопросы ученикамъ предлагаются на нѣмецкомъ языкѣ, сначала съ переводомъ вопроса на русскій языкъ, а затѣмъ и безъ перевода, и непремѣнно слѣдуетъ требовать, чтобы ученики отвѣчали на эти вопросы полнымъ отвѣтомъ по-нѣмецки».

«Употребленіе русскаго языка на урокахъ французскаго должно по возможности ограничиваться переводами, необходимыми теоретическими объясненіями и формулированіемъ грамматическихъ правилъ. Въ видахъ постепеннаго пріученія учениковъ къ пониманію живой французской рѣчи, а также для восполненія недостатка разговорной практики, было бы весьма желательно, чтобы преподающіе въ трехъ низшихъ классахъ,

при разборѣ изучаемаго текста, при его перефразированіи и при всѣхъ вообще видахъ практическихъ упражненій, старались, по мѣрѣ возможности, привлекать учащихся къ пользованію пріобрѣтенными средствами языка. Въ этихъ видахъ, вопросы, обращенные къ ученикамъ по поводу разбираемыхъ текстовъ, должны предлагаться на французскомъ языкѣ, сначала съ переводомъ ихъ на русскій, а затѣмъ и безъ перевода; отъ учениковъ непремѣнно слѣдуетъ требовать на такіе вопросы отвѣтовъ на французскомъ языкѣ и въ полной формѣ. Такимъ образомъ ученики мало-по-малу привыкнутъ къ пониманію и употребленію разговорной рѣчи, и достигнется возможность вести преподаваніе въ старшихъ классахъ на французскомъ языкѣ». Министръ народнаго просвѣщенія предложеніемъ отъ 31 Декабря 1891 года увѣдомлялъ попечителей округовъ, что въ реальныхъ училищахъ «систематическое изученіе иностранной грамматики и систематическіе отвѣты по ней должно вести на русскомъ языкѣ; вопросы учителя всегда могутъ быть задаваемы на иностранномъ языкѣ; во всѣхъ конкретныхъ случаяхъ ученики даютъ грамматическіе отвѣты, предпочтительно на иностранномъ языкѣ».

Вотъ и все, что въ планахъ сказано о преподаваніи иностранныхъ языковъ. Гдѣ здѣсь рѣчь о преподаваніи на двухъ языкахъ одновременно? Говорится, правда, въ этихъ правилахъ, что вопросы, задаваемые ученикамъ, нужно переводить имъ на русскій языкъ, но только сначала, въ виду неизбѣжной необходимости, которую нужно стараться какъ можно скорѣе устранить. При преподаваніи на русскомъ языкѣ иностранной грамматики возможно, даже желательно, употреблять иностранную рѣчь. Вообще нужно стараться приготовить учениковъ какъ можно скорѣе къ преподаванію ис-

ключительно на иностранномъ языкѣ. Вотъ что говорятъ правила. Эти правила слѣдовало бы соблюдать въ силу повелѣнія отъ 22 Февраля 1899 года и при преподаваніи польскаго языка.

Вторая слабая сторона въ нынѣшней постановкѣ преподаванія польскаго языка, это—программа преподаванія, особенно польской словесности. Программы, выработанныя вслѣдствіе циркуляра попечителя, разосланнаго въ Сентябрѣ 1897 года, въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, какъ равно программы, составленныя коммисіею, установленной при попечителѣ округа, не были приняты во вниманіе, помимо многихъ протестовъ этихъ коммисій. Проектъ учебнаго плана преподаванія польскаго языка былъ составленъ въ канцеляріи округа и представленъ на утвержденіе министру народнаго просвѣщенія.

По этому плану, занятія по польскому языку въ высшихъ классахъ должны были состоять въ чтеніи и разборѣ произведеній польской словесности съ цѣлью изученія польскаго языка. «Различіе между изученіемъ его въ низшихъ и высшихъ классахъ состоитъ въ томъ, что въ первыхъ теоретическая часть преподаванія имѣетъ преимущественно грамматическій характеръ, а въ послѣднихъ грамматическія свѣдѣнія должны дополняться стилистическими и историко-литературными. Отъ учителя требуется, чтобы онъ, при чтеніи и разборѣ указанныхъ въ программѣ каждаго класса произведеній польской словесности, не вдавался ни въ критику, ни въ излишнія историко-литературныя подробности, а имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, ознакомить учениковъ съ содержаніемъ, планомъ, литературной формой, основною идеею и языкомъ читаемаго и разбираемаго произведенія». При изученіи каждаго произведенія дѣлается грамматическій, стилистическій и литературный разборъ. Историко-

литературныя свѣдѣнія сообщаются въ самомъ ограниченномъ объемѣ и притомъ въ возможно краткой формѣ, а именно, кто былъ авторомъ разбираемаго произведенія, когда онъ жилъ, какое получилъ образованіе и какого литературнаго направленія считается представителемъ. Въ результатѣ всего этого, учащіеся должны умѣть порядочно разсказать все извѣстное имъ о произведеніи и письменно изложить его. Изъ всего этого видно, что въ курсѣ польскаго языка преподаванія литературы не было; не было характеристики эпохъ, направленій, дѣятельности отдѣльныхъ писателей, условій, способствовавшихъ преуспѣванію литературы или останавливавшихъ ея развитіе и т. п., хотя и было сказано, что преподаваніе польскаго языка надо вести параллельно съ русскимъ языкомъ. То, что имѣло преподаваться въ высшихъ классахъ, можно бы назвать ознакомленіемъ учащихся съ разными способами писанія, со слогомъ разныхъ авторовъ, въ хронологическомъ порядкѣ.

Такимъ характеромъ отличался и выборъ образцовъ для чтенія. Здѣсь надо замѣтить, что не всѣ писатели, заслуживающіе вниманія въ данное время, упоминались въ планѣ, а отрывки изъ остальныхъ писателей, по большей части, не взяты изъ самыхъ важныхъ сочиненій и не объясняютъ ни характера дѣятельности писателей, ни характера эпохи.

Указывая на фактическое ограниченіе смысла повелѣнія 1899 года при его примѣненіи, мы имѣемъ въ виду не только самый фактъ неудовлетворительной и доселѣ постановки преподаванія польскаго языка въ средней школѣ Царства, но и симптоматическое значеніе, какое имѣло это ограниченіе. Оно свидѣтельствовало о томъ, что мѣстный учебный персоналъ, независимо отъ узаконеній и распоряженій высшей адми-

нистраціи, продолжалъ относиться къ польскому языку неблагосклонно, стараясь по возможности съузить рамки его преподаванія.

Повелѣніемъ 22 февраля 1899 г. преподаваніе польскаго языка было уравнено съ иностранными. На практикѣ же и такое уравненіе, какъ указано выше, было осуществлено не вполнѣ. Вотъ эта-то, оставшаяся отъ прежнихъ лѣтъ у низшихъ служащихъ по учебной части традиція неблагосклоннаго отношенія къ польскому языку, какъ къ чему-то едва терпимому, а въ сущности запретному, и является еще условіемъ неблагопріятнымъ для правильной и успѣшной постановки дѣла и можетъ оказывать неблагопріятное вліяніе на умы учащихся.

Въ статьѣ «Родное слово» извѣстный русскій педагогъ Ушинскій говоритъ: «Языкъ не только выражаетъ собою жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезнетъ народный языкъ—народа нѣтъ болѣе. Вотъ почему, напримѣръ, наши западные братья вынесли всевозможныя насилія отъ иноплеменниковъ, но когда это насиліе коснулось языка, они поняли, что дѣло идетъ теперь уже о жизни или смерти самого народа. Пока живъ языкъ народный въ устахъ народа, до тѣхъ поръ живъ и народъ. И нѣтъ насилія болѣе невыносимаго, какъ то, которое желаетъ отнять у народа наслѣдство, созданное безчисленными поколѣніями его отжившихъ предковъ» (стр. 202). «Не условнымъ звукамъ только учится ребенокъ, изучая родной языкъ, но пьетъ духовную жизнь и силу изъ родимой груди родного слова. Оно объясняетъ ему природу, какъ не могъ бы объяснить ее ни одинъ естествоописатель; оно знакомитъ его съ характеромъ окружающихъ его людей, съ обществомъ, среди котораго онъ живетъ, съ его исторіей и съ его стремленіями, какъ не могъ бы познакомить ни одинъ историкъ; оно,

вводитъ его въ народныя вѣрованія, въ народную поэзію, какъ не могъ бы ввести ни одинъ эстетикъ; оно, наконецъ, даетъ такія логическія понятія и философическія воззрѣнія, которыхъ, конечно, не могъ бы сообщить ни одинъ философъ». «Родное слово», по словамъ Ушинскаго, великій педагогъ, ибо оно въ короткое время съ удивительною легкостью учитъ многому. Въ родной рѣчи дитя безъ видимаго усилія усваиваетъ, какъ будто само по себѣ, самые тонкіе грамматическіе оттѣнки, которыхъ иностранецъ не въ состояніи понять въ теченіе долгихъ лѣтъ. «Безъ помощи, этого педагога никакіе педагоги ничего не сдѣлаютъ» (стр. 210).

Нынѣшніе учебные планы среднихъ школъ утверждены на три года, и потому теперь именно представляется случай ввести въ нихъ необходимыя измѣненія. Для правильной постановки преподаванія польскаго языка и польской словесности ученикамъ польской національности въ среднихъ школахъ Царства, измѣненія эти, намѣченныя уже въ предшествующемъ изложеніи, должны бы состоять въ слѣдующемъ:

1) Для этихъ учениковъ польскій языкъ долженъ замѣнять второй изъ иностранныхъ въ качествѣ предмета обязательнаго, и степень успѣшности въ немъ должна вліять на общій выводъ объ учебныхъ успѣхахъ, наравнѣ съ успѣшностью въ обязательномъ иностранномъ языкѣ. Ученикамъ особенно способнымъ и прилежнымъ возможно будетъ, при ихъ желаніи, учиться и обоимъ иностраннымъ языкамъ. Но пока существуютъ такія правила, что для учениковъ-поляковъ, кромѣ русскаго, обязательны два иностранные языка, а польскій необязателенъ и успѣхи въ немъ не принимаются въ расчетъ при общемъ выводѣ степени успѣшности въ наукахъ, польскій языкъ будетъ оставаться въ

унизительномъ для этихъ учениковъ положенiи предмета добавочнаго и въ глазахъ самихъ педагогическихъ совѣтовъ будетъ, попрежнему, представляться лишь терпимымъ, но не равноправнымъ съ иностранными. Съ той же цѣлью, а также для привлеченiя способныхъ преподавателей, вознагражденiе преподавателей польскаго языка должно быть уравнено съ содержанiемъ учителей языковъ французскаго и нѣмецкаго.

2) Разрѣшенiе употреблять польскiй языкъ при обученiи польскаго языка, дарованное Высочайше утвержденнымъ положенiемъ Комитета Министровъ 22 Января 1899 года, согласно самой цѣли и смыслу этой мѣры, должно быть примѣнено ко всѣмъ училищамъ округа, вообще, мужскимъ и женскимъ, а не къ однимъ только мужскимъ гимназiямъ и прогимназiямъ, какъ это было доселѣ (неужели полькамъ менѣе нужно знанiе родного языка, чѣмъ мужчинамъ). Сверхъ того, такъ какъ разрѣшенiе это послѣдовало въ смыслѣ уравненiя прiемовъ преподаванiя польскаго языка съ прiемами обученiя языкамъ иностраннымъ, то необходимо принять во вниманiе, что ограниченiе употребленiя иностранныхъ языковъ при преподаванiи, а именно—оговорка, сдѣланная въ ст. 3 объяснительной записки, въ программахъ иностранныхъ языковъ («Учебные планы и примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназiяхъ и прогимназiяхъ», изд. 1898 г.), что «грамматическiя объясненiя должны дѣлаться обязательно на русскомъ языкѣ», имѣетъ очевидной цѣлью только облегченiе для самихъ учениковъ, т.-е. устраненiе такихъ случаевъ, когда бы учитель-нѣмецъ или французъ сталъ преподавать грамматику своего языка ученикамъ — на языкѣ, котораго они еще не знаютъ, или который недостаточно понимаютъ. Но этотъ случай немыслимъ при преподаванiи польскаго языка

польскимъ дѣтямъ и потому нѣтъ повода преподавать польскую грамматику по-русски.

Что упомянутая оговорка имѣетъ именно лишь ту цѣль, которая только что указана, это выясняется сопоставленіемъ приведенныхъ словъ со ст. 7 на стр. 47 объяснительной записки къ учебному плану нѣмецкаго языка («Учебные планы и примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ реальныхъ училищахъ», изд. 1898 г.). Для полной ясности приведемъ ихъ еще разъ; «употребленіе русскаго языка на урокахъ нѣмецкаго должно, по возможности, ограничивать переводами, необходимыми объясненіями и формулировкою грамматическихъ правилъ; вопросы ученикамъ предлагаются на нѣмецкомъ языкѣ, сначала съ переводомъ вопроса на русскій языкъ, а затѣмъ и безъ перевода, и непремѣнно слѣдуетъ требовать, чтобы ученики отвѣчали на эти вопросы полнымъ отвѣтомъ— по-нѣмецки».

Здѣсь мысль правилъ уясняется вполнѣ: они вовсе не имѣли цѣлью ограничивать по принципу употребленіе иностранныхъ языковъ при преподаваніи этихъ языковъ; наоборотъ, они были направлены къ ограниченію употребленія русскаго языка въ этомъ преподаваніи лишь той мѣрою, какая необходима для того, чтобы не стѣснять дѣтей изложеніемъ имъ грамматическихъ правилъ на языкѣ имъ еще незнакомомъ. Но правила нисколько не упускали изъ виду пользы самого преподаванія иностраннаго языка, которая обусловливается тѣмъ, чтобы именно «по возможности» все это преподаваніе, для соединенія практики съ теоріею, велось на самомъ преподаваемомъ языкѣ.

Таково, очевидно, единственно-правильно толкованіе упомянутыхъ указаній въ существующихъ программахъ обученія иностраннымъ языкамъ. А такъ какъ

повелѣніе 22 Февраля 1899 г. приравниваетъ преподаваніе польскаго языка къ преподаванію языковъ иностранныхъ, а польскій языкъ не представляется непонятнымъ для тѣхъ учениковъ и ученицъ, которымъ онъ приходится языкомъ природнымъ, то упомянутое ограниченіе и не можетъ быть примѣнимо къ преподаванію имъ этого языка и преподаваніе можетъ происходить на самомъ преподаваемомъ языкѣ, безъ всякихъ ограниченій, какъ то требуется и успѣхомъ самого преподаванія.

Преподаваніе польскаго языка въ школахъ Царства на польскомъ же языкѣ, какъ и преподаваніе иностранныхъ языковъ, по мѣрѣ возможности, на тѣхъ языкахъ, составитъ не бо̀льшее исключеніе изъ общаго правила о преподаваніи всѣхъ научныхъ предметовъ на языкѣ государственномъ, чѣмъ самое допущеніе преподаванія другихъ языковъ. Если бы проводить правило о преподаваніи на государственномъ языкѣ съ безусловной строгостью, то нельзя было бы допускать въ классы никакихъ книгъ, кромѣ на русскомъ языкѣ, и никакихъ грамматическихъ упражненій въ переводахъ на иные языки, въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, чтѣнія отрывковъ изъ иностранныхъ авторовъ въ оригиналѣ, пересказыванія стиховъ, вообще практическихъ упражненій въ чужой рѣчи. Ознакомленіе съ иностранными литературами должно бы, въ такомъ случаѣ, происходить при помощи русскихъ переводовъ, что̀ и соотвѣтствовало бы вполнѣ русской рѣчи преподавателя. Если же въ русскую школу вводятся еще иные языки, то это само уже представляетъ очевидную уступку необходимости, и коль скоро русскихъ подданныхъ поляковъ и нѣмцевъ учатъ въ школѣ польскому и нѣмецкому языкамъ, то странно учить ихъ родной рѣчи по-русски. Это уже— очевидный педантизмъ и даже аффектація въ испол-

неніи правила, а не соблюденіе его въ смыслѣ раціональномъ.

Примѣръ учениковъ - нѣмцевъ приведенъ здѣсь нами по той причинѣ, что степень сообразованія требованій отъ разныхъ группъ населенія лучше всего выясняется сравненіемъ. Если нѣмцамъ въ школахъ прибалтійскаго края нѣмецкій языкъ преподается и нынѣ по-нѣмецки, то почему же польскій языкъ не могъ бы преподаваться полякамъ въ Царствѣ по-польски? Если въ протестантскихъ церковныхъ училищахъ въ Петербургѣ и Москвѣ,—училищахъ, дающихъ право на вступленіе въ высшія заведенія и на государственную службу, на нѣмецкомъ же языкѣ преподаются не только нѣмецкій языкъ и литература, но и большинство научныхъ предметовъ, какъ, напр., математика и даже всеобщая исторія, то раціонально ли и справедливо ли требовать, чтобы поляки въ Царствѣ даже въ частныхъ заведеніяхъ, не дающихъ никакихъ правъ, учились своему языку не иначе, какъ по-русски?

* * *

Все вышесказанное касается толкованія того пункта министерскаго распоряженія, которое говоритъ объ уравненіи преподаванія польскаго языка съ иностранными на почвѣ общаго гимназическаго устава. Но въ виду готовящагося нынѣ пересмотра устава 1871 года, нельзя не замѣтить, что этого уравненія никакъ нельзя считать разрѣшеніемъ вопроса и полнымъ удовлетвореніемъ требованіямъ педагогіи. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ утверждать, что преподаваніе польскимъ дѣтямъ нѣмецкаго, напр., языка равнозначуще и должно быть заключено въ тѣ же рамки, какъ и обученіе польскихъ дѣтей польскому языку, то-есть родному языку этихъ дѣтей.

Единственный исходъ изъ сего это: прямое, ясное, безъ всякихъ оговорокъ, всегда дающихъ злому умыслу либо безразличію возможность обойти законъ, провозглашеніе принципа, что польскія дѣти должны быть обучаемы польской грамматикѣ и словесности на польскомъ языкѣ. Такая рѣшительная постановка вопроса будетъ вполнѣ согласна съ духомъ Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ, который, въ качествѣ высшаго административнаго учрежденія, не вдавался въ обсужденіе подробностей программъ и плановъ преподаванія, ибо это не превышало компетенціи Министра Народнаго Просвѣщенія, но разрѣшалъ лишь основной вопросъ о томъ: возможно ли сдѣлать для преподаванія польскаго языка исключеніе изъ устава 1871 года, установившаго правило, что въ Варшавскомъ Учебномъ Округѣ всѣ предметы преподаются на русскомъ языкѣ [1]). Вѣдь этотъ-то вопросъ и былъ только обсуждаемъ въ Комитетѣ Министровъ, который и разрѣшилъ его утвердительно, признавъ, что преподаваніе польскаго языка въ Варшавскомъ Учебномъ Округѣ можетъ происходить на польскомъ языкѣ.

Варшавскій университетъ.

Изъ недостатковъ, которыми страдаетъ Варшавскій университетъ и которые напрасно до сихъ поръ ждутъ исправленія, надо указать на отсутствіе дѣйствительной духовной связи между польскими слушателями и профессорами. До послѣднихъ временъ эту связь поддер-

---

[1]) *Примѣчаніе.* Для лицъ, интересующихся даннымъ вопросомъ, но незнакомыхъ съ мѣстными условіями, слѣдуетъ пояснить, что во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, мужскихъ и женскихъ, преподаваніе всѣхъ предметовъ ведется на русскомъ языкѣ.

живали профессора-поляки, которые однако сошли или кончаютъ сходить со сцены. Ихъ замѣняютъ только русскими, ибо политическій интересъ даже въ университетѣ взялъ у насъ верхъ надъ научнымъ. Если каѳедра такого рода, что ее трудно замѣстить русскимъ, то она хотя бы цѣлый рядъ лѣтъ пустуетъ. Трудно будетъ, напримѣръ, замѣстить профессора Голевинскаго на каѳедрѣ дѣйствующаго польскаго и французскаго права, незнакомаго въ Россіи, гдѣ нельзя также найти и юристовъ, достаточно свѣдущихъ въ польскомъ сеймовомъ ипотечномъ правѣ 1818 года, знакомыхъ съ польскимъ гражданскимъ уложеніемъ 1825 года, съ брачными законами 1836 года, съ дѣйствующимъ въ Царствѣ Польскомъ французскимъ гражданскимъ и торговымъ кодексомъ. Потому-то въ варшавскомъ университетѣ уже столько времени пустуетъ каѳедра дѣйствующаго гражданскаго права, несомнѣнно важнѣйшая на юридическомъ факультетѣ.

Замѣчаются и иныя еще аномаліи. Такъ, было бы желательно и даже необходимо спеціальное преподаваніе ипотечнаго права,—предмета въ высшей степени важнаго и столь же труднаго. Предметъ этотъ доселѣ могъ быть излагаемъ лишь поверхностно съ одной каѳедры гражданскаго права, которая и такъ обременена еще торговымъ правомъ, требующимъ для себя, по справедливости, отдѣльнаго преподавателя. Наряду съ такою исключительною, ни въ одномъ университетѣ не практикующеюся экономіею относительно преподаванія существеннѣйшихъ для юриста предметовъ, юридическій факультетъ Варшавскаго университета оказывается чрезмѣрно загроможденнымъ каѳедрами по исторіи, совершенно выходящими за предѣлы задачи юридическаго преподаванія. Такъ, сверхъ двухъ курсовъ всеобщей исторіи, университетъ имѣетъ двѣ спеціаль-

ныя кафедры русской исторіи, древней и новой. Независимо отъ нихъ, существуетъ еще особенная кафедра исторіи русскаго законодательства, съ двухлѣтнимъ курсомъ, хотя дѣйствующіе въ Царствѣ Польскомъ судебные уставы 1864 года и уголовное уложеніе 1866 г. не имѣютъ ничего общаго съ прежними, старинными русскими законами, между тѣмъ какъ сводъ гражданскихъ законовъ, дѣйствительно имѣющій связь съ исторіей древне-русскаго права, не дѣйствуетъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ его замѣняютъ мѣстные гражданскіе и ипотечные законы и французскій кодексъ. Для исторіи же польскаго законодательства, какъ вообще для польской исторіи, Варшавскій университетъ кафедры не имѣетъ.

Аналогичныя замѣчанія возникаютъ при ближайшемъ разсмотрѣніи распредѣленія предметовъ преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ. Согласно съ «Памятной книжкою Варшавскаго Учебнаго Округа на 1897 г.», распредѣленіе предметовъ на этомъ факультетѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Высочайшее повелѣніе отъ 8 Іюня 1869 года, касательно назначенія лектора польскаго языка и словесности съ польскимъ языкомъ преподаванія, до сихъ поръ напрасно ждетъ исполненія.

Существуетъ одна кафедра «славянской филологіи въ составѣ курса польской литературы», ибо такъ названа кафедра, въ которой приходится узнавать «кафедру польской словесности», учрежденную по Высочайшему повелѣнію съ 1 Января 1882 г. (см. назначеніе Хмѣлевскаго на эту кафедру въ Правит. Вѣстникѣ № 39 1882 г.). Намѣстникъ графъ Бергъ хлопоталъ объ учрежденіи въ открывавшемся въ Варшавѣ университетѣ трехъ кафедръ польскаго языка, польской литературы и мѣстнаго гражданскаго права, на которыхъ пре-

подаваніе происходило бы на польскомъ языкѣ. Проектъ его былъ сперва принятъ благосклонно, но это ходатайство уже опоздало. Только вслѣдствіе стараній генералъ-губернатора Альбединскаго, послѣдовало 22 Февраля 1881 года Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ Варшавѣ каѳедры польскаго языка или польской литературы, которая и была открыта въ 1882 г.

Преподаваніе на этой каѳедрѣ ведется на русскомъ языкѣ, согласно подпискѣ, данной нынѣшнимъ профессоромъ при личномъ договорѣ между нимъ и попечителемъ, предмѣстникомъ Лигина. Такъ какъ нельзя было основать на законѣ требованія касательно русскаго преподаванія по этой каѳедрѣ, то и понадобилась такая подписка. Тогдашній попечитель былъ пораженъ нечаяннымъ полученіемъ повелѣнія объ открытіи каѳедры польской словесности въ Варшавѣ. Но нечего было дѣлать, надо было приняться за исполненіе. Пригласивъ къ себѣ 19 Марта декановъ университета, онъ объявилъ имъ о повелѣніи и предложилъ выбрать кандидата на новую каѳедру. Тогда одинъ изъ приглашенныхъ спросилъ, на какомъ языкѣ имѣетъ преподавать выбранное ими лицо? — Разумѣется, на польскомъ, — отвѣтилъ попечитель. На совѣщаніи по этому дѣлу, происходившемъ у проф. Никитскаго, были профессора Зигель, Мѣржинскій, Павинскій и Струве. Собранные разсуждали, между прочимъ, и о томъ, на какомъ языкѣ должны будутъ происходить по новой каѳедрѣ публичныя пренія магистрантовъ и докторантовъ. Принято было предложеніе проф. Мѣржинскаго, чтобы магистрантъ или докторантъ отвѣчалъ на томъ языкѣ, на которомъ будетъ спрошенъ. На второй сходкѣ у декана Мѣржинскаго, на которой присутствовали всѣ профессора, доценты и лекторы поляки, подъ предсѣдательствомъ проф. Голевинскаго, на новую каѳедру былъ избранъ

г. Хмѣлевскій, который, хотя не владѣетъ русскимъ языкомъ, былъ принятъ попечителемъ и высочайше утвержденъ въ должности 29 января 1882 г., о чемъ министръ народнаго просвѣщенія 10 Февраля 1882 г. увѣдомилъ попечителя для предложенія совѣту Варшавскаго университета къ подлежащему исполненію. На засѣданіяхъ профессоровъ писались протоколы, которые, должно быть, хранятся въ канцеляріи попечителя, въ университетѣ. Дѣло, значитъ, было благополучно кончено. Но, вернувшись послѣ нѣсколькихъ недѣль изъ Петербурга, тогдашній попечитель обратился къ Хмѣлевскому съ требованіемъ, чтобы онъ началъ читать лекціи на русскомъ языкѣ. Хмѣлевскій отказался, и тогда нашелся нынѣшній преподаватель польскаго языка, который и занялъ его мѣсто.

Между тѣмъ факультетъ имѣетъ двухъ профессоровъ римской литературы, двухъ (ординарнаго и экстраординарнаго) профессоровъ греческой литературы, двухъ профессоровъ и одного лектора русской словесности, двухъ профессоровъ русской исторіи, двухъ профессоровъ и одного доцента по языкамъ и литературѣ меньшихъ славянскихъ народностей. Возможно ли признать такого рода распредѣленіе научныхъ предметовъ и преподавательскихъ силъ вполнѣ соотвѣтствующимъ для Варшавскаго университета, этого единственнаго университета въ Царствѣ Польскомъ?

Высшая власть обращала неоднократно вниманіе учебнаго начальства въ Царствѣ на ложность направленія его дѣятельности, но, какъ то справедливо говоритъ авторъ «Очерковъ Привислинья» — «никакими предписа- «ніями тутъ дѣлу не поможешь. Эти предписанія вполнѣ «исполнимы въ сферѣ дѣятельности административной, «даже экономической, то-есть финансовой, но въ дѣлѣ «воспитанія совершенно безсильны. Перемѣнить образъ

«дѣйствій этихъ лицъ можно лишь перемѣнивъ ихъ «образъ мыслей, что̀ равносильно ихъ собственному «перевоспитанію. Но эти люди давно уже вышли изъ «того возраста, когда сложившіяся убѣжденія легко «поддаются измѣненію. За свое многолѣтнее пребыва-«ніе въ краѣ, они, благодаря той ненависти, которою «были окружены со всѣхъ сторонъ, озлобились, поте-«ряли необходимое хладнокровіе, необходимую ясность «и безпристрастность взгляда. Измѣнить существующее «направленіе можно, слѣдовательно, лишь замѣнивъ ру-«ководителей учебнаго дѣла другими, свѣжими людьми «(стр. 330, 331)».

Относительно преподаванія польской словесности въ Варшавскомъ университетѣ на польскомъ языкѣ замѣтимъ, что оно не только позволило бы поручить этотъ курсъ кому-либо изъ выдающихся польскихъ ученыхъ, но и удовлетворило бы ту потребность, которая нынѣ побуждаетъ многихъ молодыхъ поляковъ слушать этотъ предметъ за границею, въ университетахъ Краковскомъ или Львовскомъ. Казалось бы, въ интересы русской политики входило бы содѣйствовать тому, чтобы центръ польской умственной жизни оставался въ Варшавѣ.

Сверхъ того, и по отношенію къ прочимъ славянамъ было бы несомнѣнно полезнымъ примѣромъ, если бы славянская Россія, допустивъ польскую литературную каѳедру въ Варшавскомъ университетѣ, тѣмъ самымъ явила свое уваженіе къ другимъ славянскимъ языкамъ и къ неприкосновенности національныхъ типовъ единоплеменныхъ съ Россіею народностей.

* * *

Высказывая вышеизложенные взгляды и желанія, по практическимъ соображеніямъ, мы не выходили за предѣлы дѣйствующихъ въ Царствѣ Польскомъ уста-

вовъ и положеній, касающихся народнаго просвѣщенія, а старались лишь указать, что и въ этихъ предѣлахъ можно многое сдѣлать и ввести существенныя улучшенія въ дѣло образованія массъ.

Нынѣ, когда мы дописываемъ послѣднія строки нашей книги, произошла важная перемѣна въ управленіи Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. На постъ Управляющаго Министерствомъ призванъ Г. Э. Зенгеръ, бывшій профессоръ и ректоръ Варшавскаго университета, а затѣмъ Попечитель Варшавскаго Учебнаго Округа.

Назначеніе этого ученаго, отличающагося гуманистическими взглядами, отмѣннымъ чувствомъ справедливости и безпристрастія, и близко знакомаго съ положеніемъ учебнаго дѣла въ Царствѣ, вселяетъ въ насъ надежду, что выше высказанныя мысли найдутъ у него благосклонную поддержку.

